

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

КОНТРОЛЬНЫЙ ФАК.

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

5
1980

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

5
1980

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Греков И. Б.</i> Куликовская битва — важная веха в политической жизни Восточной Европы второй половины XIV в.	3
<i>Майорова О. Н.</i> Сотрудничество ВОКС и ОПСД в области пропаганды советского производственного и научного опыта в Народной Польше (1950—1955)	23
<i>Кадацкий В. Ф.</i> Борьба БКП против монархо-фашизма и политика буржуазно-демократической оппозиции в Болгарии	39
<i>Мельников Г. П.</i> Из истории общественно-политической борьбы в Чехии в 20-е годы XVI в.	53
<i>Боброва С. П.</i> Вопросы социально-экономической истории средневековой Болгарии в освещении Димитра Благоева	64
<i>Тихомирова В. Я.</i> Особенности развития польской поэзии 40—70-х годов XX в.	73
<i>Орел В. Э.</i> Личные местоимения в албанском языке в сопоставлении с личными местоимениями в славянских и других индоевропейских языках	87

СООБЩЕНИЯ

<i>Войтех Матерский</i> (ПНР). У истоков польско-советского сотрудничества в Организации Объединенных Наций	92
<i>Немировский Е. Л.</i> Издания Ивана Федорова в книгохранилищах Сербии и Воеводины	98

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Злыднев В. И.</i> Новый болгарский журнал «Проблемы культуры»	104
--	-----

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Хелимский Е. А.</i> Новый славистический журнал в США	107
<i>Ионова Т., Кожкова Т. V.</i> Bystrický, J. Hrozienci. V spoločnom boji. (Revolučná činnosť bulharských študentov na Slovensku v období II svetovej vojny.)	110
<i>Костюшко И. В. А.</i> Полуян. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1939)	111
<i>Стецкевич С. М. А. М.</i> Орехов. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893)	113
<i>Карасев В. Г.</i> Сопротивление австро-венгерской оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 году	115
<i>Еремеева Г. V.</i> Žáček. Jozef Václav Frič	117
<i>Гросул В. Я., Губогло М. Н.</i> К истории молдаво-славянских связей	119
<i>Булак Т.</i> Следы прошлого	120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Г. В.</i> В специализированном совете по славянской филологии при Институте славяноведения и балканистики АН СССР	123
<i>Фалькович С.</i> Научная конференция в Варшаве	124
<i>Гусев В. Е.</i> История и современность (XXVI Конгресс фольклористов Югославии)	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЕВ, В. А. ДЯКОВ,
 В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
 В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
 Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Грубниковский пер., д. 30а.
 Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

И. Б. ГРЕКОВ

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА — ВАЖНАЯ ВЕХА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

Велико значение Куликовской битвы в развитии трудных и сложных отношений Орды с русскими землями в XIV в., весьма ощутима ее роль в политических судьбах всей Восточной Европы того времени.

Сражение на Дону 1380 г. давно привлекало внимание исследователей, однако до сих пор среди них нет единства взглядов как в раскрытии конкретных реалий этого важного события, так и в освещении его общей роли в тогдашней политической жизни восточноевропейского региона. Разногласия в трактовке этого сложного явления обусловлены, с одной стороны, различными концепционными подходами ко всей проблеме ордыно-русских отношений XIII—начала XV вв., а с другой стороны, отнюдь не одинаковой позицией в оценке исторической достоверности основного комплекса памятников Куликовского цикла.

Почти все занимавшиеся данной темой ученые¹ согласны с тем, что Орда сыграла довольно заметную роль в исторических судьбах Восточной Европы XIII—XV вв. Они довольно единодушны в раскрытии того, как конкретно происходило в середине XIII в. небывалое по своим разрушительным масштабам вторжение монголо-татарских завоевателей на русские земли, как после ряда последовательно осуществленных в 30—50-х годах XIII в. военных кампаний, после серии мероприятий администра-

¹ Восточноевропейская политика Орды была предметом специальных исследований дореволюционных русских историков (И. Н. Березин. Очерки внутреннего устройства улуса Джучи. Труды Восточного отдела Археологического общества, т. VIII. СПб., 1864; В. В. Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах, т. I. СПб., 1863; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, кн. 1—СПб., 1884; кн. 2—М.—Л., 1941), а также советских (А. Н. Насонов. Монголы и Русь. М.—Л., 1940; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950; Б. А. Рыбаков. Просвещение на Руси в XIII—XIV вв. В кн. Очерки русской культуры XIII—XIV вв., ч. 2. М., 1970; В. В. Мавродин. Куликовская битва. В кн. За родную землю XIV—XVII вв. М., 1949; А. А. Строков. Общий курс истории военного искусства, вып. 1. М., 1951, с. 269—298; Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960; М. Г. Сафаргалеев. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960; Г. А. Федоров-Давыдов. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; В. В. Каргалов. Куликовская битва и ее место в отечественной истории. «Преподавание истории в школе», 1979, № 5; его же. Монголо-татарское нашествие на Русь в XIII в. М., 1966; А. М. Сахаров. Русь и ее культура в XIII—XV вв. В кн. Очерки русской культуры XIII—XV вв., ч. 1. М., 1969; В. Л. Егоров. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде. «Вопросы истории», 1974, № 8; А. Н. Кирпичников. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976.

тивно-политического характера (перепись населения, установление дани, введение того или иного контроля над деятельностью князей и церкви) произошло утверждение ордынской власти над обширными пространствами Русской земли.

Однако исследователи отнюдь не одинаково представляют себе масштабы ордынской политики на русских землях, не однозначно раскрывают ее характер, стратегические цели и тактические приемы, по-разному интерпретируют различные этапы и окончательные результаты политического взаимодействия Орды с феодальной Русью.

Обращаясь к истории взаимоотношений Ордынской державы с русскими землями в XIII—XV вв. и восточноевропейской политики Орды в тот период, многие авторы (как в дореволюционной отечественной историографии, так и в зарубежной литературе последнего времени) не только склонны игнорировать процессы внутреннего развития стран Восточной Европы в ту эпоху, не замечать факт приспособления Орды к этим процессам, но и готовы объяснять все важные сдвиги в жизни отдельных политических организмов данного региона только тем или иным воздействием на них ордынской дипломатии. Так, некоторые историки, явно сужая сферу ордынского влияния в Восточной Европе, придерживаются мнения, что политические замыслы и расчеты Орды касались главным образом Северо-Восточной Руси, что монголо-татары вмешивались лишь в дела Москвы, Твери, Рязани и Нижнего Новгорода, а все остальные части Русской земли будто бы не испытывали на себе сколько-нибудь значительного воздействия со стороны правителей Золотоордынской державы. Эти авторы даже утверждали, что само образование Русского централизованного государства во главе с Москвой явилось будто бы результатом осуществления замыслов ордынской дипломатии, итогом ее целенаправленной поддержки одних только правителей Московского княжества. Такое раскрытие масштабов и характера ордынской политики на русских землях позволяло этим историкам противопоставлять «азиатский» путь развития Московской Руси «европейскому» пути развития тех русских земель, которые вошли в состав Великого княжества Литовского, а затем и Польско-литовского государства².

Близкой к данным построениям оказалась и позиция украинского буржуазного историка М. С. Грушевского, позиция, может быть, еще более откровенная по тенденциозности, еще более запутанная по аргументации и поэтому требующая более внимательного к себе отношения.

Нужно признать, что, отстаивая свою схему извечно изолированного существования Украины-Руси, Белоруссии и «Московщины», Грушевский не упускал из вида такой важной стороны восточноевропейского исторического процесса, как развитие отношений Орды с восточнославянскими землями в XIII—XVI вв. Так, следуя выдвинутой еще Ф. Духинским идее совершенно различного этнического происхождения Украины-Руси, Белоруссии и Великороссии, Грушевский утверждал, что указанные земли и в период ордынского ига не только сохраняли ранее существовавшую обособленность, но и еще больше отдалялись друг от друга. Усилению такой тенденции способствовала, по мнению Грушевского, политическая обстановка, сложившаяся тогда в данном регионе, в частности, осуществление Ордой дифференцированной политики по отношению к различ-

² H. P a s z k i e w i c z. Jagiellonowie a Moskwa, t. 1. Warszawa, 1933; B. S p u l e r. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Russland 1223—1502. Leipzig, 1943 (2. Hgb. 1965); O. H a l e c k i. Grenzraum des Abendlandes. Eine Geschichte Ostmitteleuropas. Salzburg, 1957.

ным частям Русской земли, политики, все более жесткой на территории «Московщины» и все более мягкой на Украине и в Белоруссии³.

В дальнейшем власть Орды над западнорусскими землями, по мнению Грушевского, становилась все чаще номинальной, а в начале XVI в. один из преемников Ордынской державы — крымский хан Менгли Гирей будто бы совсем отказался от своих «исторических» прав на эти территории в пользу главы Литовско-Русского государства (отказался якобы добровольно, выдав ему традиционные ярлыки на русские земли)⁴.

Совершенно очевидно, что попытки приписать Орде дифференцированную политику по отношению к различным восточнославянским территориям были связаны не только с игнорированием самого существования Русской земли и древнерусской народности, но и с отрицанием использования Ордой в ее восточноевропейской политике определенной системы отношений между русскими княжествами, с отрицанием общерусских масштабов ордынской стратегии и тактики в Восточной Европе. Позиция Грушевского, по существу, навязывала нашей историографии не системный, а «областнический», краеведческий подход к истории Восточной Европы, предопределяла негативное отношение ко всему, что мешало утверждению этого подхода, в частности, ко всем тем историческим явлениям, памятникам и даже терминам, которые свидетельствовали не о тенденции обособления отдельных частей Русской земли, а о тенденции сохранения ее единства⁵.

В историографии существует и другая тенденция — сильно преуменьшать роль ордынского вмешательства в политическую жизнь русских земель XIII—XV вв., объяснять все сложности и зигзаги ордыно-русских отношений того времени главным образом образом специфической внутреннего развития тогдашней Руси, «разгулом» на русских землях феодальной анархии, особым статусом отношений между ведущими русскими князьями, который характеризовался, по мнению ряда историков, не только их разобщением в междоусобной борьбе, не только якобы полной неспособностью выдвигать какие-либо освободительные идеи «общерусского» масштаба, но и постоянной готовностью предавать друг друга перед ордынскими властями лишь ради мелких своекорыстных интересов.

«Ордынские ханы,— утверждал, например, В. О. Ключевский,— не навязывали Руси каких-либо своих порядков, довольствуясь данью, даже плохо вникали в порядок, там действовавший». Развивая эти мысли, он писал далее: «Власть хана была грубым татарским пожом, разрезавшим узлы, в какие умели потомки Всеволода запутывать дела своей земли... Русские летописцы не напрасно называли поганых агарян батоном

³ М. Грушевський. Історія України-Руси, т. III. Львів, 1902, с. 103; т. IV, с. 20, 83, 85 и др.

⁴ Там же, т. IV, с. 86—87, 457—460.

⁵ Весьма показательной в этом смысле была решительная борьба Грушевского как против самого понятия «общерусский исторический процесс» (М. С. Грушевський. Звичайна схема «руської» історії й справа раціонального укладу історії східного слов'янства. В кн. Стаття по славянознавству, т. I. СПб., 1904), так и против исторически сложившейся этнотерминологии, фиксировавшей в той или иной форме этот процесс. Накануне первой мировой войны он призвал к категорическому отказу от использования применительно к прошлому Среднего Поднепровья самого слова «Русь», а также всех тех сложных исторических терминов-формул, в состав которых входило это слово («Русская земля», «Украина-Русь», «Великое княжество Литовское и Русское» и т. д.), считая их «предательскими» (М. С. Грушевський. Український народ в его прошлом и настоящем. СПб., 1914, с. 13) и крайне «вредными» для постулируемого им полного разобщения восточного славянства и в связи с этим непригодными «как для современной жизни (Восточной Европы.— И. Г.), так и для прежних ее фазисов» (М. С. Грушевський. Иллюстрированная история украинского народа. СПб., 1913, с. 3—5).

божьем... Всех удачнее пользовались этим батоном великие князья московские против своей братии»⁶.

В сущности, и А. Е. Пресняков в развитии сложных ордыно-русских отношениях XIV в. активной стороной считал отдельных князей Северо-Восточной Руси, а пассивной — чаще всего ордынских правителей⁷.

Итак, по мнению ряда историков (среди которых были Ключевский, отчасти Пресняков), Орда плохо ориентировалась в княжеских междоусобицах и политической обстановке на Руси, довольствуясь данью и различными «подношениями» соперничавших друг с другом князей, выступала либо в роли пассивного наблюдателя за ходом этого соперничества между князьями, либо в роли «слепого» политического орудия в борьбе одной княжеской группировки против другой.

Хотя обращение этих исследователей к внутренним процессам тогдашней политической жизни феодальной Руси следует рассматривать как определенное достижение в изучении данной проблемы, предложенная ими общая трактовка не может нас в полной мере удовлетворять, и не только потому, что она практически оказалась близкой к концепции особой важности ордыно-московских отношений в процессе становления Русского централизованного государства⁸, но еще и потому, что она во многом упрощала развитие реальных отношений Орды с русскими землями в XIII—XV вв. Так произвольно сужались реальные масштабы ордынской политики в Восточной Европе и по существу игнорировался меняющийся на протяжении указанного времени характер ордыно-русских отношений, не признавалась, в частности, тесная зависимость внутривнутриполитической жизни Ордынской державы и Руси от различной степени их активности на международной арене в тот период.

Фиксируя наличие в дореволюционной отечественной историографии и в зарубежной литературе последнего времени довольно тенденциозных, часто односторонних и в целом противоречивых трактовок ордыно-русских отношений XIII—XV вв., мы не можем не отметить значительного внимания к этой проблеме и советской историографии, не можем не констатировать появления советских исследований по этой теме, в которых были предприняты попытки более глубокого раскрытия главных аспектов тогдашнего взаимодействия Ордынской державы и феодальной Руси, а вместе с тем и более широкого учета как внутривнутриполитического их развития, так и всего хода международной жизни данного региона на протяжении XIV—начала XV вв.

Отмечая достижения нашей историографии, посвященной изучению ордыно-русских отношений в целом и рассмотрению одного из культурно-национальных моментов этих отношений — самой Куликовской битвы, мы все же должны констатировать наличие не изжитых еще разногласий между современными исследователями как в интерпретации этого события, так и в осмыслении его общего значения в восточноевропейском историческом процессе данного периода. В последнее время эти разногласия

⁶ В. О. Ключевский. Сочинения, т. II, ч. 2. М., 1957, с. 43.

⁷ А. Е. Пресняков. Образование Великорусского государства. Пг., 1918, с. 174, прим. 1 и сл.

⁸ По мнению этих историков, именно московский правящий дом всегда лучше других княжеских домов феодальной Руси использовал Орду в качестве своего «партнера» и «союзника» (В. О. Ключевский. Там же). Историческая действительность, однако, была сложнее: во-первых, на Владимирском столе в XIV в. появлялись, как известно, не только московские князья (например, такие фавориты Орды, как Иван Калита), но и князья Тверские, Суздальско-Нижегородские, а, во-вторых, московские князья добивались реальных успехов в сражении Москвы с Владимирским княжеством не в союзе с Ордой, а в борьбе с ней (например, Дмитрий Донской в 70-х годах XIV в.).

возникали главным образом на почве различного отношения к достоверности главных историко-литературных памятников куликовской и послекуликовской поры, что обуславливалось чаще всего той или иной их датировкой.

Значительная часть исследователей утверждала, что главные историко-литературные памятники, так или иначе отражавшие воздействие Куликовской битвы на политические судьбы «Русской земли», возникли в ту эпоху исторического развития феодальной Руси, которая может считаться непосредственно послекуликовской, точнее говоря, в конце XIV в. или в самом начале XV в.⁹

Вслед за гипотезой А. А. Шахматова о появлении первых литературных рассказов о Куликовской битве уже в 1381 г.¹⁰ названные историки не только доказывают возникновение самой «Задонщины» в 1381 г. (Ржигга, Соловьев), «Сказания о Мамаевом побоище» на рубеже XIV—XV вв. (Дмитриев), но и устанавливают идейно-концепционную и хронологическую связь памятников собственно Куликовского цикла с такими произведениями послекуликовской поры, как вторая редакция «Жития митрополита Петра» (Дмитриев), «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго» (Черепнин, Соловьев), «Список русских городов» (Тихомиров, Рыбаков, Черепнин). Так, отмечая органическую связь «Задонщины» со «Списком русских городов», Черепнин, например, подчеркивал, что «в сухом перечне населенных и укрепленных пунктов присутствуют те же большие идеи этнической общности различных ветвей теперь разобщенной, но некогда единой, древнерусской народности», идеи, которые в художественной форме нашли действительное воплощение в „Задонщине“¹¹.

Фиксируя проблемную взаимосвязь всех этих памятников, отмечая их почти одновременное появление вскоре после Куликовской битвы, названные авторы, естественно, видели в них отражение реальной исторической действительности (пусть осложненной некоторой тенденциозностью), усматривали в них наличие такой информации, которую нельзя было не считать в основном достоверной (хотя бы потому, что в это время было еще много живых свидетелей событий 1380 г. и даже непосредственных участников сражения на Куликовом поле).

Существуют и другие точки зрения. Так, М. А. Салмина отстаивает тезис о том, что основные памятники Куликовского цикла, возникшие, по ее мнению, в середине или второй половине XV в., представляют собой публицистический вымысел, очень далекий от реальной действительности 1380 г. Утверждая, что все памятники Куликовского цикла

⁹ В. Ф. Р ж и г г а. Слово Софония Рязанского о Куликовской битве («Задонщина») как литературный памятник 80-х годов XIV в. В кн. Повести о Куликовской битве. М., 1959; А. В. С о л о в ь е в. Автор «Задонщины» и его политические идеи. Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ), т. 14. Л., 1958; е г о ж е. К вопросу о взаимоотношении произведений Куликовского цикла. «Русская литература», 1965, № 2; е г о ж е. Епифаний Премудрый как автор «Слова о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». ТОДРЛ, т. 17, 1961; М. Н. Т и х о м и р о в. Куликовская битва 1380 г. В кн. Повести о Куликовской битве. М., 1959; Л. А. Д м и т р и е в. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». ТОДРЛ, т. 10, 1954; е г о ж е. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище». В кн. Повести о Куликовской битве; е г о ж е. Памятники Куликовского цикла. В кн. История русской литературы XI—XVII вв. М., 1980, с. 231—249; Б. А. Р ы б а к о в. Там же; Л. В. Ч е р е п н и н. Там же.

¹⁰ А. А. Ш а х м а т о в. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1910, с. 128, 180; Р. П. Д м и т р и е в а. Был ли Софоний автором Задонщины. ТОДРЛ, т. 34, Л., 1979, с. 18—25.

¹¹ Л. В. Ч е р е п н и н. Там же, с. 442.

берут свое начало из краткой летописной статьи Троицкой летописи, Салмина в то же время настаивает на том, что эта летописная статья не имела прямого отношения к Куликовской битве, а представляла собой нечто вроде кальки летописного рассказа о битве на Воже 1378 г.¹² При таком отношении к исторической достоверности всех памятников Куликовского цикла работы Салминой по существу сужают фактическую основу этого события и тем самым обедняют представления об этой важной эпохе в целом¹³.

Исследования Салминой явились, таким образом, своеобразной попыткой отдалить возникновение памятников Куликовского цикла от самой Куликовской битвы, сделать комплекс этих памятников тем самым менее «историчным», а потому и менее достоверным; однако, несмотря на эти сравнительно скромные цели, исследование Салминой «неожиданно» послужило толчком, с одной стороны, для ревизии некоторыми историками шахматовской концепции развития русского летописания XIV—XV вв. в смысле искусственного удревнения этапа «расщепления» общерусского летописания на «великорусское» и «белорусское»¹⁴, с другой стороны, для существенной «корректировки» наших представлений о всем восточно-европейском историческом процессе XIV—XV вв., для искусственного удревнения процесса формирования Великороссии, для обоснования тезиса о полном утверждении ее «бытия» в XIV в., а следовательно, и для синхронного удревнения процессов обособления Украины-Руси и Белоруссии¹⁵.

Указанные тенденции в трудах некоторых наших историков выдвигают перед исследователями политической и культурно-идеологической жизни русских земель конца XIV в. целый ряд особых задач.

Сознавая невозможность охватить в небольшой статье весь комплекс перечисленных проблем, автор видел свою задачу в том, чтобы рассмотреть сначала одну из них, на его взгляд, наиболее важную и поэтому определяющую подходы ко всем остальным. Речь идет о широкой проблеме ордыно-русских политических отношений в предкуликовский и послекуликовский периоды; если говорить точнее, о вопросах сложения определенной системы взаимоотношений между ведущими государствами-«княжествами» Восточной Европы в условиях ордынского ига, о практике использования этой системы Ордой в интересах сохранения здесь своего господства, а также о все более частых случаях противодействия такой практике со стороны антиордынских сил данного региона, прежде всего русских княжеств.

Автор склонен при этом думать, что чем глубже окажутся наши представления о главных линиях политического развития Восточной Европы в указанный период, тем лучше мы будем понимать сложившуюся систему отношений в данной части европейского континента, тем легче мы сможем решить и проблемы литературно-идеологической жизни региона, вы-

¹² М. А. Салмина. Летописная повесть о Куликовской битве и «Задонщина». В кн. «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 371—372, 82—383.

¹³ В основе этих построенных две гипотезы — мифичность сведений об участии Федора Тарусского в битве 1380 г., буд. о бы подтверждавшая первичность краткого рассказа об этом событии и принадлежность перу Киприана якобы общерусской летописи 1409 г., что исключало его причастность к общерусской литературной работе 80—90-х годов XIV в., в том числе и к летописной, как считает Салмина.¹

¹⁴ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 3, 17, 38. Под термином «Общерусские летописи» автор подразумевает только великорусские, исключая «белорусские» даже самые ранние, носившие явно общерусский характер.

¹⁵ Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе. Л., 1978, с. 50 и др.

явить те или иные тенденции как в развитии летописания, так и в формировании памятников Куликовского цикла¹⁶.

Итак, для того, чтобы лучше понимать сущность разногласий в современной историографии по указанным проблемам, следует, на наш взгляд, хотя бы в общих чертах представлять себе характер тех реальных отношений Ордынской державы с русскими землями, которые сложились еще во второй половине XIII в. и продолжали сложный путь своего развития в XIV в., обращая, естественно, особое внимание на тот период этих отношений, который предшествовал Куликовской битве. Следует иметь в виду, что присутствие Орды в Восточной Европе совпало по времени с важными процессами внутренней исторической жизни стран данного региона, в частности, с процессами преодоления феодальной раздробленности и утверждения феодальной концентрации в этих странах, процессами, протекавшими в условиях борьбы двух тенденций — сохранения этнически однородных государств (на базе возрождения этнической и политической карты Восточной Европы X—XII вв.) и сложения новых многонациональных государств.

Примером утверждения этнически однородного феодального государства на основе консолидации земель с ранее сложившейся устойчивой этнической общностью может служить феодальная Польша, сумевшая уже на рубеже XIII—XIV вв. объединить большую часть древнепольских земель в рамках единой государственности.

В исторических судьбах Русской земли XIII—XIV вв. эта прогрессивная тенденция прослеживалась сначала в существовании «полицентризма» Русской земли, а потом в развитии параллельно формировавшихся и синхронно разраставшихся за счет древнерусских земель Владимирского великого княжения и Литовско-Русского государства. Эта тенденция обнаруживалась как в сфере их конкретной политики, так и в области идеологии; она проявлялась не только в общности политического, социального и культурного развития этих государств, но и в параллельной их борьбе за утверждение своего влияния на древнерусских землях.

Говоря об истории Руси конца XIV в., Б. А. Рыбаков подчеркивал, что в эпоху непреодоленной еще феодальной раздробленности, в тяжелую годину иноземного ига все интенсивнее становился процесс объединения русских земель, все активнее разворачивалась борьба за восстановление «былых пределов древнерусской народности», все шире становился круг сторонников «передовой, прогрессивной идеи единства Руси». Именно в это время, по мнению Б. А. Рыбакова, оказывался все более заметным «интерес к общерусской истории на широком фоне истории сопредельных стран», все очевиднее становилась потребность в создании памятников общерусского масштаба¹⁷.

Однако, признавая наличие общерусской тенденции в политической и идеологической жизни двух феодальных государств Восточной Европы XIV—начала XV в., мы должны констатировать, что эта закономерная и прогрессивная тенденция в историческом развитии Русской земли не привела к тем результатам, к каким она привела феодальную Польшу на рубеже XIII—XIV вв., на обширных русских землях эти объединительные процессы были блокированы сложными обстоятельствами политической жизни данного региона, в частности, активным противодействием ряда международных факторов, среди которых политике Отдынской державы принадлежала весьма важная роль.

¹⁶ Рассчитывая посвятить этим проблемам специальную работу, автор в данной статье не рассматривает памятники Куликовского цикла.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Там же, с. 200, 205.

При изучении обстоятельств утверждения ордынской власти в Восточной Европе в середине XIII в. историк сталкивается с необходимостью выявления ее реальных масштабов, поскольку в историографии, как мы уже знаем, по этому важному вопросу до сих пор нет единства мнений. Мы считаем, что Ордынская держава уже в течение первых десятилетий хозяйничания в Восточной Европе добилась установления своего контроля над всеми территориями, входившими в состав Древнерусского государства. Об этом свидетельствует прежде всего сам ход военных операций 30—50-х годов XIII в., комплекс административно-политических мероприятий, проведенных на всех русских землях. Об этом говорят материалы русских летописей, а также такие памятники, как «Слово о погибели Русской земли» (середина XIII в.). Общерусские масштабы распространения ордынской власти подтверждались и всей ордынской практикой выдачи ярлыков как различным князьям Русской земли¹⁸, так и ее митрополитам. Последних в соответствии с общерусской церковно-политической традицией XI—XIV вв., а также в соответствии с традицией сотрудничества Орды с Царьградом в данной области «рукополагали» в митрополиты в «не одной какой-либо части (Руси.— И. Г.), но всея Руси»¹⁹. О распространении влияния Орды на всю Русь в рассматриваемое время свидетельствовали кроме того факты утверждения общей финансово-административной системы для всех частей Русской земли²⁰ и чеканки «двуязычных» русско-татарских монет как на северо-восточных, так и на юго-западных территориях Руси.

При рассмотрении обстоятельств утверждения ордынской власти в Восточной Европе в середине XIII в. историк должен определить и характер политических взаимоотношений Орды с русскими землями, выявить как стратегические цели, так и тактические приемы тогдашней дипломатии Орды в данной части европейского континента. Мы считаем возможным утверждать, что монголо-татарские завоеватели, хотя и разрушили в ходе военных вторжений многие города и культурные центры русской земли, хотя и замедлили поступательное развитие Руси в целом, тем не менее не осуществили радикальной ломки происходивших здесь больших исторических процессов, не парализовали главных тенденций

¹⁸ Ордынская практика выдачи ярлыков распространялась на князей Северс-Восточной Руси (См. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв». М., 1950), Юго-западной Руси, в дальнейшем на правителей Литовско-Русского государства (об этом лучше сохранились материалы второй половины XV — начала XVI вв., хотя несомненно существование такой практики и в предшествующий период). См. «Акты Западной России», т. II, № 6. СПб., 1846; K. P u ł a s k i. Stosunki Polski z Tatarszczyzną od połowy XV w. Kraków, 1881, № 78, 90.

¹⁹ «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. VI, СПб., 1880, № 28, с. 158. По сложившейся практике ордынские ярлыки митрополитам обеспечивали иммунитетные права русской церкви на всем пространстве Русской земли, гарантировали безопасность передвижения по ней всем русским церковникам. То, что границы «митрополии Киевской и всея Руси» (за исключением Сарайской епископии) совпадали с рубежами «русской земли», с территорией расселения древнерусской народности подтверждается всей церковно-политической жизнью феодальной Руси XI—XV вв. (РИБ, т. VI. СПб., 1880), взаимосвязанностью церковной и государственно-правовой титулатуры, очевидным «параллелизмом» титулов «митрополита всея Руси» и «великого князя всея Руси» (см. А. Н. Н а с о н о в. Там же, с. 100), фактом создания в канцелярии митрополита Киприана в 90-е годы XIV в. «Списка русских городов» (Б. А. Р ы б а к о в. Там же, с. 200—205).

²⁰ Об этом свидетельствовало использование единых финансово-административных «мерок», а также единой ордынской терминологии на всех частях древнерусской территории. Так, при перечислении подвластных Орде отдельных территорий Руси речь шла в документах того времени как о «тьмах» Владимировского Великого княжения (ПСРЛ, т. XV, с. 68; т. XXII, с. 423), так и «тьмах» Литовско-Русского государства, о «тьмах» Киевской, Смоленской, Курской, о «тьмах» Великого Луцка, Брянска, Стародуба и т. д. («Акты Западной России», т. II, № 6, 200); K. P u ł a s k i. Ibid.

исторической жизни феодальной Руси, в частности, напряженной борьбы центробежных и центростремительных сил, ставшей традиционной уже во второй половине XII — начале XIII в. Более того, есть основания утверждать, что завоеватели быстро приспособились к этим процессам, встав на путь их умелого использования в интересах упрочения своего господства над приобретенными территориями.

Забывая о создании максимально благоприятных условий для утверждения и сохранения своей власти над русскими землями, для получения львиной доли «национального дохода» Руси в виде «выхода», «царева сбора» и т. д., ордынские правители делали ставку не на полное торжество центробежной или центростремительной тенденции в развитии феодальных русских княжеств, а на искусственное затягивание борьбы этих тенденций, на разжигание политических распрей между князьями, на сталкивание сил централизации и децентрализации феодальной Руси, с одной стороны, поощрение соперничества между исторически сложившимися очагами консолидации русских земель,— с другой.

На такой характер политики Ордынской державы в Восточной Европе обратил внимание еще К. Маркс: «Традиционной политикой татар было обуздывать одного русского князя при помощи другого, питать их раздоры, приводить их силы в равновесие и не позволять никому из них укрепляться»²¹.

Правители Орды, установив свою власть над разрозненной, политически раздробленной страной, все же сочли нужным сохранить два важных политических института общерусского значения: великое княжение во Владимире²² (параллельно с владимирским столом некоторое время в середине XIII в. функционировал и киевский великокняжеский стол) и митрополичью кафедру в Киеве (митрополита Киевского и всея Руси)²³.

У нас есть все основания утверждать, что Орда использовала в своих интересах еще одну важную традицию общерусской политической жизни, которая сложилась и оформилась еще в XII в. и сохранилась с теми или иными отклонениями чуть ли не до середины XV в., традицию, связанную с практикой приглашения в Великий Новгород того русского князя, который представлял в данный момент наиболее сильную, наиболее влиятельную княжескую группировку Русской земли (или ту, которая должна была ею стать по расчетам Орды). Ордынская держава, видимо, стала использовать эту традицию почти с самого утверждения своей власти в Восточной Европе, причем использовать весьма своеобразно: она выдвигала перспективу одновременного овладения Владимирским и Новгородским княжениями не перед одной влиятельной княжеской группировкой, а по меньшей мере перед двумя такими группировками, что, естественно, усиливало накал борьбы между ними, содействовало взаимному ослаблению русских князей, а вместе с тем помогало Орде укреплять свое политическое влияние на русских землях.

²¹ К. Маркс. Secret Diplomatic History of Eighteenth Century. London, 1899, p. 80.

²² Использование Ордой института великого княжения в качестве инструмента монголо-татарской политики на Руси было отмечено еще К. Марксом: «Для того, чтобы поддержать рознь среди русских князей,— писал он,— монголы восстановили достоинство великого княжения» (К. Маркс. Ibid., s. 78).

²³ Сохраненная структура русской церкви с ее Киевской митрополией была для Орды не только важным инструментом ее политики в православных землях Восточной Европы, но и средством поддержания нужных контактов с Византией, часто выступавшей союзницей Ордынской державы. Отсюда хорошо известны ханские ярлыки тем русским митрополитам, которые ставились в Константинополе, отсюда и часто взаимосвязанные визиты русских митрополитов в Орду и Царьград, а также постоянные связи Сарайской епископии как с Киевской митрополией, так и с константинопольским патриархом.

Так, быстрое приспособление ордынской дипломатии к происходившим на русских землях историческим процессам, умелое использование ею исторически сложившихся институтов и определенных политических традиций обеспечили Орде необходимые предпосылки для закрепления своих завоеваний в Восточной Европе, для утверждения своей власти в данном регионе на сравнительно долгий период.

Мы, разумеется, не можем рассматривать ордыно-русские отношения XIII—XV вв. как нечто стабильное и неизменное, не можем, в частности, игнорировать существования нескольких этапов в развитии этих отношений.

На протяжении второй половины XIII — начала XIV в., когда во внутреннем развитии Ордынской державы доминировали центристремительные тенденции над центробежными, а на русских землях торжествовала феодальная раздробленность, правители Орды проводили довольно жесткую великодержавную политику в восточноевропейском регионе. Утверждая свою власть над всей Русью, Ордынская держава использовала тактику сталкивания различных объединительных центров Русской земли, использовала претензии ряда русских князей на княжения во Владимире и в Новгороде, однако при этом она основную ставку делала на поддержание сил дезинтеграции русских земель, на поощрение тенденции их феодального дробления. Об этом этапе ордынской политики говорили не только печальные судьбы Михаила Черниговского и Ярослава Суздальского, погибших в Орде, но и трудный путь самого Александра Невского, который, хотя и получил от правителей Орды «великое княжение» сначала в Киеве, а потом и во Владимире, хотя и стал при этом князем новгородским, должен был постоянно считаться с противодействием центробежных сил феодальной Руси, скрыто поощряемых ордынской дипломатией. Об этом свидетельствовала и длительная политическая борьба ближайших преемников Александра Невского — его сыновей Дмитрия Переяславского, Андрея Городецкого, а также его братьев Ярослава Тверского и Василия Костромского, претензии упомянутых князей на Владимир и Новгород находили параллельную, иногда синхронную поддержку ордынской дипломатии.

Однако наметившееся в первые десятилетия XIV в. усиление процессов феодальной концентрации в Восточной Европе, в частности, параллельный рост двух великих княжений — Владимирского великого княжения и Великого княжества Литовского — вынудил правителей Орды несколько изменить свои тактические приемы. Практиковавшееся ранее преимущественное использование противоречий между центристремительными и центробежными тенденциями развития феодальной Руси (с главным вниманием к последним) теперь стало дополняться использованием соперничества между формирующимися крупными государственными образованиями Восточной Европы. При этом такие общерусские институты, как великие княжения, кафедра митрополита всея Руси, а также упоминавшаяся «общерусская» политическая традиция предоставления одному из великих княжений прав на Великий Новгород находили еще более широкое применение в дипломатической практике ордынских правителей. Видимо, не случайно, с 30-х годов XIV в. на берегах Волхова наряду с князьями Владимирского княжения стали все чаще появляться князья из Литовско-Русского государства (в 1333 г. в Новгороде впервые княжил князь Наримант Гедиминович)²⁴.

²⁴ Наримант Гедиминович (1292?—1347) был князем в нескольких центрах Русской земли: не только в Великом Новгороде, но также в Полоцке, Пинске; после крещения по православному обряду получил имя Глеба [Новгородская I летопись (НП)]. М.— Л., 1950, с. 345]; о близости Нариманта к ордынской политике в Восточной Европе свидетельствовал факт его бегства в Орду в 1345 г. (Там же, с. 358).

Таким образом, не прекращая поощрения сил дезинтеграции в рамках формирующихся объединений, ордынские правители все больше внимания обращали на стимулирование соперничества между двумя великими княжениями, умело регулируя соотношение сил между ними, в частности, и путем ориентирования Новгорода на сближение с тем или иным великим княжением²⁵. Тем самым правители Орды ханы Узбек (1312—1342) и Джанибек (1342—1357) использовали новые тактические приемы и столь же эффективно, как и их предшественники, обеспечивали реализацию основной стратегической цели ордынской дипломатии в Восточной Европе. Поддерживая необходимую ей политическую напряженность на русских землях, они продолжали сохранять свой контроль над восточноевропейским пространством, продолжали получать регулярный «выход» с русских земель.

Поощряя соперничество двух «великих княжений», Ордынская держава уже в середине XIV в. оказывалась иногда перед перспективой чрезмерного усиления одного из них, а вместе с тем и перед возможностью потери своего контроля над политической жизнью восточноевропейских государств в целом. В этих условиях Орда была вынуждена все чаще прибегать к тактике прямого сдерживания политических амбиций как Владимирского великого княжения (например, на рубеже 50—60-х годов XIV в. это было достигнуто предоставлением владимирского стола наиболее близкому тогда Орде нижегородскому князю Дмитрию Константиновичу), так и Великого княжества Литовского (иногда даже путем вооруженного противодействия попыткам Ольгерда укрепиться на среднем Приднепровье, например, у Синих вод).

Показательным для этой новой тактики Орды было ее тогдашнее отношение к русской церкви, в частности, поддержка практики «расщепления» русской митрополии. Если сохранение единой митрополии всея Руси могло содействовать чрезмерному усилению одного из великих княжений, то ее расщепление должно было придавать особую остроту их соперничеству, а вместе с тем обеспечивать необходимое Орде равновесие между ними. Эти тактические соображения ордынской дипломатии хорошо понимал князь Ольгерд, глава Литовско-Русского государства; учитывая их, он добился создания особой литовско-русской митрополии для своего ставленника — митрополита Романа (1354—1361), а позднее в 1371 г. потребовал в Константинополе не просто восстановления литовско-русской митрополии, существовавшей при Романе, но и подчинения ей тех русских епархий, которые находились далеко от Литвы, но зато близко от Ордынской державы (в частности, подчинения предполагаемому литовско-русскому митрополиту Нижнего Новгорода, а также такого далеко выдвинутого на юго-восток пункта, как Новосиль)²⁶. Но сколь ни изо-

²⁵ В сущности о такой тактике Орды говорили и летописи. Так, под 1353 г. Новгородская I летопись сообщала о том, что инициатива новгородцев по поводу приглашения во Владимир, а следовательно, и на Волхов суздальского князя Константина была «скорректирована» Ордой в пользу князя московского, при этом летопись отмечала, что в данном случае не последовало, как бывало обычно, никаких «санкций» ни со стороны Орды, ни со стороны тогдашнего ордынского фаворита — великого князя московского Ивана Ивановича. «Того же лета послаша новгородцы свои посол... ко цесарю в Орду, прося великого княжения Костянтину князю Суздальскому, и не послуша их цесарь и дашетъ Ивану князю Ивановичю великое княжение. И пребыша без мира чюгородци с великим князем полтора года, нъ зла не бысть никакого же» (НПЛ, с. 363). Та же летопись сохранила сведения о том, что как Орда, так и ее князья-фавориты прибегали часто к «санкциям» против Новгорода. В той же летописи под 1332 г. мы читаем: «Того же лета великий князь Иван прииде из Орды и възверже гнев на Новьград, прося у них серебро закамское» (там же, с. 344).

²⁶ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 110.

щренными оказывались тактические приемы ордынских политиков на восточноевропейских землях, им все труднее было контролировать политическую жизнь как в Восточной Европе, так и на территории самой Ордынской державы.

Происходившие в 40—60-х годах XIV в. интенсификация процессов феодальной концентрации в Восточной Европе и на этой основе дальнейшее утверждение двух мощных государственных образований в этом регионе совпали по времени с ослаблением политического потенциала самой Ордынской державы, с усилением тенденций ее распада на отдельные улусы, с обострением династической борьбы и т. д. Хотя политическая жизнь Ордынской державы после смерти Джанибека (1357) до воцарения Тохтамыша (1381) характеризовалась усилением борьбы центробежных и центростремительных сил, равнодействующая этой борьбы складывалась все же в пользу сохранения относительной целостности Орды, отражением чего явилась деятельность известного ордынского правителя Мамая, оказавшегося способным, несмотря на все трудности внутриполитической жизни Орды, осуществлять довольно активную и даже наступательную политику в отношении восточноевропейских стран.

Тем не менее в 60—70-х годах XIV в. создавалась во многом новая расстановка сил в Восточной Европе, складывались новые политические отношения между Ордой, Московской Русью и Литовско-Русским государством. Это были годы, когда усилившееся Владимирское княжение пыталось расшатать власть Ордынской державы в Восточной Европе, стремилось нарушить в свою пользу то равновесие между Москвой и Вильно, поддерживая которое, ордынские правители сохраняли контроль над восточноевропейскими странами. Надо признать, что Владимирское княжение особенно многого добилось на этом пути в 70-е годы XIV в., когда князь московский и владимирский Дмитрий Иванович отказался выплачивать дань Орде в прежних размерах, когда явно вопреки воле ордынских правителей стал интенсивно расширять фронт русских княжеств, готовых вести борьбу как против самой Ордынской державы, так и против ее союзников в Восточной Европе, в частности, против Великого княжества Литовского и Твери. Масштабы этого нового объединения русских княжеств были продемонстрированы во время похода князя Дмитрия на Тверь в 1375 г.

Политическая сущность достигнутой в результате этого похода победы была юридически зафиксирована в докончальной грамоте «старейшего» московского князя Дмитрия Ивановича с «молодым» тверским князем Михаилом. «А вотчины ти нашии Москвы, и всего великого княженья Владимирского и Новагорода Великого, под нами не искати», — провозглашала грамота²⁷.

Развитие событий в этом направлении свидетельствовало о том, что наметился кризис ранее сложившихся отношений между Москвой, Вильно и Ордой, кризис всей восточноевропейской политики Ордынской державы. Если на протяжении предшествующих десятилетий Орде удавалось поддерживать равновесие между Владимирским и Литовско-Русским княжениями (путем насаждения «местного» сепаратизма в рамках названных политических образований, а также путем поощрения «великодержавных» устремлений этих великих княжений, путем их сталкивания, регулирования их территориального роста и т. д.), то теперь, в 70-е годы XIV в., в связи с явным усилением Северо-Восточной Руси и выходом Москвы из повиновения, правители Орды оказались перед фактом нарушения сохранявшегося ранее равновесия, а следовательно, и перед воз-

²⁷ «Духовные и договорные грамоты» (ДДГ). М.—Л., 1950, № 9, с. 26.

возможностью крушения всей системы ордынского господства в Восточной Европе.

Теперь Ордынская держава должна была сделать все от нее зависящее, чтобы затормозить развитие политических событий в данном направлении, чтобы не допустить дальнейшего развертывания процессов интеграции Русской земли, явно наметившихся в связи с нарушением равновесия между двумя великими княжениями. В этих условиях, как известно, Орда перешла от дипломатического воздействия на политическую жизнь Владимирского княжения к чисто военному вмешательству, к организации серии военных походов, завершившихся появлением армии Мамаю на Куликовом поле в 1380 г. Однако Куликовская битва не оправдала надежд Мамаю: закончившаяся разгромом ордынской армии, эта битва не только не остановила наметившихся в 70-е годы процессов интеграции Руси, но, резко ослабив власть Орды над русскими землями, содействовала развертыванию этих процессов в небывалых до сих пор масштабах.

Чтобы убедиться в этом, следует более внимательно рассмотреть расстановку политических сил в Восточной Европе накануне Куликовской битвы и сразу после этого исторического события.

Так, если еще во время Тверского похода 1375 г. действительно создавался широкий антиордынский фронт русских княжеств под эгидой Москвы, то в 1376—1379 гг. этот фронт несколько сузился, а его политические возможности в какой-то мере сократились. Это было связано не только с военным нажимом Орды на Северо-Восточную Русь (битвы на реке Пьяне в 1377 г. и на реке Воже в 1378 г.), но и с ее политическим воздействием на Рязань, Нижний Новгород, а также на Великий Новгород.

Хотя в исторической литературе и имеются попытки изобразить позицию Рязани накануне Куликовской битвы как нейтральную или даже как союзную Москве, есть прямые указания источников, подтверждающие факт политического сотрудничества Рязани с Ордой и Литвой в 1379—1380 гг. В сущности, московско-рязанское докончание 1381 г., возвращавшее рязанского князя Олега в положение вассала Дмитрия Донского, свидетельствовало о том, что в 1379—1380 гг. этот князь находился в стане противников Москвы.

Что касается взаимоотношений Москвы с Нижегородским княжеством накануне Куликовской битвы, то в данном случае следует учитывать не только широко известный факт политической пассивности суздальских князей на протяжении 1378—1382 гг. по отношению к московскому княжескому дому, но и некоторые обстоятельства церковно-политической и идеологической жизни Нижегородского княжества. Если Орда еще в середине XIV в. не возражала против появления рядом с московским митрополитом Алексеем литовско-русского митрополита Романа, если в 1371 г. она была готова санкционировать передачу Нижегородской епископии под контроль предполагавшегося тогда литовско-русского митрополита, то теперь ордынская дипломатия прямо стала поддерживать, вопреки воле Москвы, претензии суздальского епископа Дионисия на руководящую роль в жизни всей русской митрополии. Хорошо известно, что Орда содействовала переправке через свою территорию Дионисия в Царьград, где он должен был стать митрополитом всея Руси вместо московского претендента на этот пост.

Есть основания предполагать, что Орда была готова в тот период поддерживать выход на общерусскую арену и самого нижегородского княжеского дома, как это было сделано в 1360—1362 гг., когда нижегородский князь Дмитрий Константинович был обладателем владимирского стола и Великого Новгорода, а кроме того, и родственником Ольгерда. Видимо, нельзя считать случайностью и тот факт, что именно в это время на

нижегородской почве возникла идея создания такого общерусского свода, который должен был обосновать приоритет суздальско-нижегородской земли в системе русских княжеств. Этим сводом могла быть известная Лаврентьевская летопись. Еще одним аргументом в пользу существования в эти годы «самостоятельных» общерусских планов суздальско-нижегородского князя Дмитрия Константиновича, а также определенных расчетов самого суздальского епископа Дионисия на «митрополию Киевскую и всея Руси» может быть сложная судьба одного из интереснейших памятников русского прикладного искусства конца XIV в. — именно ковчега-мощевика, не без основания связываемого с церковно-политической деятельностью упомянутого Дионисия²⁸. Независимо от того, когда и кем был изготовлен этот замечательный памятник прикладного искусства средневековой Руси (мастерами Новгорода или Суздаля, накануне первой или второй поездки Дионисия в Царьград или во время его пребывания в Великом Новгороде в 1381—1382 гг.)²⁹, несомненным представляется желание суздальского епископа приписать саму идею создания этого ковчега-мощевика, идею доставки мощей Христа Спасителя из Царьграда в Суздаль политической амбициозности суздальского князя Дмитрия, а также якобы особой благосклонности Царьградского патриарха Нила как к суздальскому правящему дому, так и к суздальской епископии. В сущности, об этом свидетельствовала сама надпись на ковчеге, сделанная, видимо, при непосредственном участии Дионисия: «Божественные страсти... Христа пренесены изо Царьграда смиренным архиепископом Дионисием в святую архиепископию в Суздаль, в Новгород, в Городец... при всесвятомъ патриархе Ниле при великом князи Дмитрии Константиновиче иже созда раку сию в честь и в славу святым страстям сим Христовым в лето 6891 (1383)»³⁰.

Но если идея привоза мощей из Царьграда в Суздаль ведет нас прямо к Суздальскому правящему дому, к суздальской епископии, то конкретная ее реализация оказалась связанной с важной промежуточной инстанцией — именно с Великим Новгородом. И дело тут не только в возможности изготовления новгородскими мастерами самого ковчега в 1381—1382 гг., но и в факте пребывания суздальского владыки Дионисия в эти годы на берегах Волхова. Разумеется, находясь тогда в Новгороде, суздальский епископ подчинялся новгородскому владыке Алексею, а через него и реальному митрополиту Киприану³¹. Однако, имея в виду традиционные устремления любого претендента на Владимирское княжение закреплять за собой позиции и на берегах Волхова, можно предположить, что пребывание Дионисия в Великом Новгороде в 1381—1382 гг. было связано не только с его официальным служением митрополиту Киприану, но и с «неофициальным» выполнением им своего долга перед суздальским князем Дмитрием, долга, который предусматривал подготовку благоприятных условий для утверждения суздальского влияния на Волховских берегах, разумеется, в случае перехода к суздальско-нижегородскому правящему дому великого Владимирского княжения (при этом

²⁸ Речь в данном случае должна идти о его деятельности в 1379—1384 гг., в частности, о его двух поездках в Царьград (1379—1380 гг. и второй половине 1383 г.), о его присутствии в 1381—1382 гг. на берегах Волхова, о пребывании с января по июль 1383 г. в Суздале, наконец, о его загадочной смерти в Киеве, последовавшей в 1384 г.

²⁹ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи XI—XIV вв. М., 1964, № 54, с. 46—47; Т. В. Николаева. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976, с. 23—35.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Русские датированные надписи..., с. 47.

³¹ По заданию Новгородского епископа Алексея, а следовательно, и митрополита Киприана, суздальский епископ Дионисий вел борьбу с московскими еретиками. НИЛ, с. 378—379.

изготовление новгородскими мастерами сосуда для передачи привезенных из Царьграда святых мощей князю Дмитрию Константиновичу могло быть не только символом сотрудничества Великого Новгорода с Новгородом Нижним в церковной сфере, но и важным элементом подготовки намечавшегося сотрудничества этих двух центров и в политической сфере).

Итак, кем бы и когда бы ни был изготовлен ковчег-мощевик, самого его существование с вышеприведенной записью о суздальском князе Дмитрии, а также факт почти двухлетнего пребывания суздальского епископа в Новгороде подтверждали то обстоятельство, что церковная, идеологическая и даже хозяйственно-организационная деятельность Дионисия была составной частью общерусской политики суздальско-нижегородского правящего дома (во всяком случае до смерти суздальского князя Дмитрия, последовавшей 5 июля 1383 г.).

Весьма сложной оказывалась и позиция Великого Новгорода накануне Куликовской битвы. Если во времена Тверского похода 1375 г. Великий Новгород был сторонником Москвы, если в 1376 г. он отверг попытку нового литовско-русского митрополита Киприана подчинить ему Новгородскую епископию, то в 1377—1378 гг. поведение «боярской республики» стало постепенно меняться: сначала она занимала позицию нейтралитета в литовско-московском соперничестве, раздуваемом Ордой (об этом свидетельствовало нежелание новгородцев задерживать у себя полоцкого князя Андрея Ольгердовича, который из Литовской Руси был переправлен через Псков и Новгород в Москву), а потом в 1379 г. открыто встала на путь сближения с Литвой, пригласив на берега Волхова одного из князей Литовско-Русского государства Юрия Наримановича. И хотя есть сведения, что весной 1380 г. снова наступило какое-то сближение Новгорода с Москвой, а следовательно, и ослабление контактов с великим князем Ягайло, тем не менее общее положение неустойчивого равновесия в Восточной Европе не позволило, видимо, тогда прибыть на берега Волхова представителю московского правящего дома и реализовать намечавшийся союз Новгорода с Дмитрием Донским.

Однако чем дальше от Москвы отдалялись Рязань, Нижний Новгород и Великий Новгород, тем настойчивее добивался московский князь Дмитрий консолидации остальных княжеств Северо-Восточной Руси, тем энергичнее он устанавливал политические контакты с определенными группировками литовско-русских князей, в частности, с полоцким князем Андреем Ольгердовичем, брянским князем Дмитрием Ольгердовичем, а возможно, и с самим князем Кейстутом.

Таким образом, в создавшихся условиях возникла ситуация непрекращающейся перегруппировки сил, при которой ни одна из соперничающих сторон не обладала очевидным превосходством. И все же, несмотря на отсутствие явного перевеса, несмотря на ослабление своего политического потенциала по сравнению с периодом Тверского похода 1375 г., Москва сумела создать такую консолидацию сил Русской земли, которая оказалась достаточной для решительной победы на Куликовом поле.

Есть основания утверждать, что большой военный успех Дмитрия Донского был обусловлен не только его полководческим искусством, не только недостаточной боеспособностью армии Мамай, но и рядом чисто политических факторов. По-видимому, прежде всего два важных обстоятельства сыграли роль в исходе этого сражения: во-первых, создание московским князем сравнительно широкого антиордынского фронта русских княжеств, привлечение под свои знамена князей из Залесской Руси, а также из Руси Юго-Западной — Руси Литовской³²; во-вторых,

³² Близки к такой оценке политических факторов советские исследователи М. Н. Тихомиров и Л. В. Черепнин.

сковывание инициативы тогдашнего главы Литовско-Русского государства Ягайло путем установления тайных контактов с определенными кругами западнорусских феодалов, а возможно, даже с самим митрополитом Киприаном и князем Кейстутом.

Если все эти политические обстоятельства содействовали Куликовской победе, то сама победа, значительно ослабив Орду, создала в Восточной Европе качественно новую политическую ситуацию, при которой искусственно сдерживавшиеся объединительные процессы получили простор для своего развития. Торжество Дмитрия Донского на Куликовом поле не только положило конец неустойчивому равновесию между Москвой и Вильно, но и превратило Владимирское княжение в ведущую силу консолидации русских земель.

Наиболее ярким показателем этих важных сдвигов в политической жизни Восточной Европы были перемены в судьбе тогдашнего главы литовско-русской церкви Киприана. Если до Куликовской битвы Киприан, выступая критиком Дмитрия Донского, являлся конкурентом московских ставленников на русскую митрополию, то теперь, после одержанной победы и превращения Москвы в главный центр процесса консолидации русских земель, Киприан с его планами создания общерусской митрополнии стал естественным союзником Дмитрия Донского. По приглашению самого великого князя Дмитрия Ивановича в мае 1381 г. Киприан торжественно въехал в Москву, став митрополитом с широкими общерусскими полномочиями.

Не удивительно, что в этих условиях изменились отношения Москвы с Рязанью, Тверью, Великим Новгородом, возможно, даже с Нижним Новгородом.

Наиболее показательными были перемены в развитии московско-рязанских отношений. Мы знаем, что они были враждебными накануне и во время Куликовской битвы. Об этом свидетельствуют не только многие памятники Куликовского цикла, но и сам акт докончания, заключенного между Москвой и Рязанью в 1381 г.³³ с целью возвращения рязанского князя из антимосковского лагеря в русло московской политики. Этим докончанием, санкционированным уже находившимся тогда в Москве митрополитом Киприаном, не только провозглашалось прекращение соперничества между Москвой и Рязанью, но и декларировалось установление самого тесного сотрудничества между ними, сотрудничества, в котором рязанский князь Олег Иванович в качестве «младшего» брата Дмитрия Донского должен был следовать всем зигзагам московской политики как в рамках Владимирского княжения, так и на международной арене, в частности, в своих отношениях с Великим княжеством Литовским. Он должен был расторгнуть союзные отношения с Ягайло, но вмес-

³³ ДДГ, № 10, с. 29—30; С. М. Соловьев, А. В. Экземплярский, Д. И. Иловайский, А. Е. Пресняков, А. А. Зимин, А. Г. Кузьмин датировали эту докончательную грамоту 1381 г.; Л. В. Черепнин предложил датировать ее 1382 г., связывая ее возникновение с вторжением Тохтамыша (Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., т. 1. М.—Л., 1948, с. 55—58; е г о ж е. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1961, с. 649). Старая точка зрения представляется еще не опровергнутой. В самом деле, заключение с санкции Киприана докончания Дмитрия Донского с Олегом Рязанским могло произойти только после приезда Киприана в Москву (май 1381 г.), а требование разрыва отношений Рязани с великим князем Ягайло могло быть выдвинуто до отстранения последнего от власти Кейстутом (ноябрь 1381 г.). Позднее этот договор не мог быть заключен по следующим причинам: с ноября 1381 по июнь 1382 г. главой Литовско-Русского княжества был Кейстут; в июле — августе 1382 г. Рязань, принявшая удар Тохтамыша, снова отделилась от Москвы, осенью 1382 г. Киприан не мог санкционировать этот договор, так как, переехав тогда в Киев, прекратил на какое-то время сотрудничество с московским князем.

те с тем допустить восстановление добрососедских отношений с Литвой, если ее возглавит другой князь, расположенный к Москве.

Есть основания говорить о наступившем в 1381 г. сближении Москвы с Великим Новгородом. Если зимой в 1379—1380 гг. на берегах Волхова присутствовал, как мы знаем, представитель Литовско-Русского княжества Юрий Наримантович, то в 1381 г. его здесь уже не было³⁴. О дальнейшем сближении Москвы с Великим Новгородом в 1381 г. говорят такие факты, как закладка в том же году на новгородской территории церкви св. Дмитрия³⁵, игнорирование новгородцами просьбы литовской стороны оказать военную поддержку князю Скиргайло, осаждавшему тогда город Полоцк, резиденцию князя Андрея Ольгердовича, политического партнера Дмитрия Донского в тот период³⁶. Об установлении тесных контактов Москвы с Великим Новгородом свидетельствовали и события церковной жизни, в частности, распространение контроля Киприана на деятельность не только владыки новгородского Алексея, но и архиепископа суздальского Дионисия, который был направлен тогда на берега Волхова (Дионисий вышел из подчинения Киприана лишь в 1383 г., когда Константинопольский патриарх сделал его митрополитом).

Реальность упрочения позиций Дмитрия Донского на берегах Волхова в 1381 г. может быть подкреплена еще и живучестью самой традиции политического сотрудничества Великого Новгорода с тем «великим княжением», которое оказывалось победителем в соперничестве с другим «великим княжением», так же как и постоянством использования этой традиции ордынской дипломатией, широко практиковавшей, как известно, раздачу ханских ярлыков на русские земли (в том числе на Новгород и Псков) тем или иным «преуспевающим» правителям восточноевропейских государственных образований³⁷.

Так, князья Северо-Восточной Руси, получая ярлыки на Владимирское великое княжение, как правило, становились «обладателями» и Великого Новгорода, обретали возможность либо самим направляться на берега Волхова, либо посылать туда своих наиболее влиятельных родственников (обычно старших сыновей). Источники зафиксировали такой порядок в отношении почти всех князей, занимавших владимирский стол во второй половине XIII—XIV в.³⁸

То же самое можно сказать и о правителях Литовско-Русского государства, которые по мере разрастания этого государства за счет древнерусских земель стали все чаще претендовать на право отправки на берега Волхова своих князей-наместников, т. е. на то право, которым широко пользовались в XIV в. князья Владимирского великого княжения, а в XII — начале XIII в. — представители других «великих княжений» (князья киевские, черниговские и т. д.) Присутствие князей Литовско-Русского государства в Великом Новгороде, начиная с 30-х годов XIV в., становилось довольно частым явлением. В числе князей, представлявших интересы Великого княжества Литовского, Русского и Жемайтійского на Волхове, можно назвать Нариманта Гедиминовича (1333), Александра

³⁴ НІЛ, с. 375. Возможно, что в обстановке неустойчивого равновесия между Москвой и Вильно князь Юрий Наримантович покинул берега Волхова еще весной 1380 г. Во всяком случае та же Новгородская I летопись утверждала, что новгородцы добились накануне цветной недели (1380) какого-то сближения с московским князем Дмитрием, который тогда «к Новгороду крест целовал на всей старине новгородской и на старых грамотах» (НІЛ, с. 376).

³⁵ НІЛ, с. 377.

³⁶ НІЛ, с. 378.

³⁷ Разумеется, что победитель Мамаев московский великий князь Дмитрий не мог рассчитывать в 1381 г. на такой формальный шаг со стороны Орды.

³⁸ И. Б. Греков. Там же, с. 33—58 и сл.

Наримантовича (1338), Юрия Наримантовича (1378—1380), Патрикара Наримантовича (1383—1386), Семена Лугвеня Ольгердовича (1389—1392, 1407—1412) и других³⁹.

Видимо, с использованием этой традиции было связано и командирование Казимиром на берега Волхова в 1470 г. киевского князя Михаила Олельковича, так же как и сам факт тесного сотрудничества этого князя с домом Борецких (сотрудничества не на «униатской», а на православной основе)⁴⁰.

Не приходится сомневаться в том, что ярлыки на русские земли, выдававшиеся крымскими ханами правителям Литовско-Русского государства в начале XVI в. (но восходившие по всем данным к ярлыкам более раннего времени, — во всяком случае к эпохе Тохтамыша и Хаджи-Гирея), фиксировали эту устойчивую традицию политической жизни русской земли. Так, перечисляя конкретные центры русских земель, «передаваемых» правителям Великого княжества Литовского, ханские ярлыки в этом перечне постоянно называли Великий Новгород и Псков⁴¹. Это не являлось какой-то случайной оговоркой. Эти города упоминались во всех сохранившихся копиях ярлыков, в некоторых летописных рассказах по поводу передачи ордынскими ханами «прав» на русские земли тем или иным правителям восточноевропейских государств. Весьма характерным в этом смысле оказывается присутствующий во многих летописях рассказ о переговорах Тохтамыша с Витовтом накануне битвы на Ворскле (1399), рассказ о достигнутом между ними соглашении по территориальным вопросам, в котором специально оговаривалась дальнейшая судьба Великого Новгорода и Пскова как обязательного «придатка» одного из «великих княжений», как составной части будущего обширного государства Витовта в Восточной Европе⁴².

Однако, несмотря на очевидные указания вполне достоверных источников о существовании традиции передачи Новгорода во владение одному из «великих княжений», о широком использовании Ордой этой традиции в своих политических интересах, в историографии существуют попытки иначе смотреть на эти документы⁴³.

³⁹ НИЛ, с. 345, 375, 379, 383, 385, 397, 402—404, 412, 419, 420, 423; В. Н. Б е р н а д с к и й. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.—Л., 1961, с. 211—214.

⁴⁰ И. В. Г р е к о в. Очерки по истории международных отношений в Восточной Европе XIII—XVI вв. М., 1963, с. 174—177, 182—184 и сл.

⁴¹ K. P u ł a s k i. Ibid.

⁴² Суть этого соглашения сводилась к следующему: «И похвалялся на Орду Витовт, глаголаше: „пойдем, пленим землю Татарскую, победим царя Темир-Коутлюя, возьмем царство его и разделим корысть его и посадим во Орде на царстве его царя Тохтамыша, а сам сяду на Москве, на великом княжении на всей Русской земли, а Великий Новгород и Псков мои будут“» (ПСРЛ, IV, с. 385).

⁴³ Так, например, Грушевский видел в ярлыках начала XVI в. не подтверждение существования определенных традиций политической жизни всей русской земли, не использование их Крымом в целях столкновения восточноевропейских государств, «поделивших» древнерусские территории, а лишь перечень украинских земель, входивших в состав Великого княжества Литовского, а также юридическое оформление якобы «добровольного» отречения Крыма от своих исторических прав на украинские земли в пользу литовских князей (М. С. Г р у ш е в с к и й. Історія України-Руси, т. IV, с. 458—461). И хотя такому искусственно суженому подходу к данному памятнику противоречило постоянное упоминание в ярлыках Великого Новгорода и Пскова, Грушевский это противоречие устранял просто: считая свою концепцию неизбежной, а метод «текстологического анализа» безупречным, он объяснял присутствие здесь указанных городов явным недоразумением, очевидной дефектностью списков. Он прямо писал о том, что упоминание о Великом Новгороде и Пскове в ярлыках «не пришло, не прилатано» к исторической основе этих документов, что «вставки» в ярлыках о Новгороде и Пскове являются откровенной фальсификацией восточноевропейского исторического процесса вообще и истории Украины-Руси в частности.

Но как бы ни интерпретировалась в историографии роль ордынских ярлыков на русские земли, зафиксированная в них традиция политического сближения Новгород и Пскова с добивающимися успеха «великими княжениями» обнаружила себя, видимо, и в послекуликовский период, когда усилившийся после победы на Дону Дмитрий Донской стал более влиятельной политической фигурой и на берегах Волхова.

Еще труднее выявляется характер сложившихся в 1381 г. отношений Москвы с Нижним Новгородом. У нас есть лишь косвенные данные о возможно намечавшемся в ту пору сближении суздальских князей с московским правящим домом. Показательным, например, был тот факт, что нашествие Тохтамыша летом 1382 г. на Северо-Восточную Русь началось с угрозы Нижнему Новгороду⁴⁴, что как будто предполагало соответствующую связь последнего с Москвой в 1381— начале 1382 г. Проливает какой-то свет на тогдашнюю позицию Нижнего Новгорода и положение суздальского епископа Дионисия в эти годы. Если в период, предшествовавший Куликовской битве, Дионисий, поддержанный Ордой и нижегородскими князьями, энергично добивался предоставления ему митрополии вся Русь (Царьград тогда отклонил эти претензии, санкционировав сосуществование двух других митрополитов — московского Пимена и литовско-русского Киприана), то в послекуликовский период, когда реальным главой всей русской церкви оказался Киприан, Дионисий, находясь сначала в Константинополе, а потом в Новгороде Великом, оставался скромным епископом суздальским, поддерживавшим тесные связи с Нижегородским княжеством, сохранявшим внешне лояльное отношение к Киприану и подтверждавшим тем самым существование такого же отношения нижегородских князей к Москве.

Куликовская битва содействовала сближению Москвы и с некоторыми феодальными группировками Литовско-Русского государства. Результатом изменившегося после Куликовской битвы соотношения сил в Восточной Европе, видимо, оказалась и развернувшаяся летом 1381 г. борьба феодалов и горожан Полоцкой земли против ягайловского наместника в Полоцке Скиргайло.

Хотя летописи и не говорят о помощи Полоцку со стороны Москвы, у нас есть основания считать, что Москва все же поддержала как Полоцк, так и князя Полоцкой земли Андрея Ольгердовича. Вполне возможно, что эта помощь получила даже юридическое оформление в том недатированном договоре Дмитрия Донского и Андрея Полоцкого, сведения о котором сохранились в описи архива Посольского приказа 1626 г.⁴⁵ В пользу датировки этого договора 1381 г. говорит не только невозможность его заключения в предшествующий период⁴⁶, когда Андрей Полоцкий был либо политическим партнером Ольгерда (до 1377 г.), либо князем-эмигрантом в Москве (в 1379—1380 гг.), не только фиксируемое источниками восстановление в 1381 г. влияния Андрея Ольгердовича в Полоцкой земле, вряд ли достижимое в тех условиях без поддержки московского князя, но и развитие последующих событий в Великом княжестве Литовском, особенно осенью 1381 г. и в начале 1382 г.

Вполне возможно, что соглашение полоцкого князя Андрея с Дмитрием Донским послужило толчком для активизации и другого видного литовского князя — Кейстута, который в октябре 1381 г. открыто выступил против Ягайло, заставив его отказаться от великокняжеского пре-

⁴⁴ А. Е. Пресняков. Там же, с. 274.

⁴⁵ «Опись архива Посольского приказа 1626 г.», ч. 1. М., 1977, с. 34—35, л. 5.

⁴⁶ Обоснование датировки этого договора см. И. Б. Греков. Восточная Европа..., с. 139.

стола в свою пользу⁴⁷. Когда Кейстут стал формально великим князем литовским, русским и жемайтским, то, по-видимому, Дмитрий Донской с ним также заключил особый договор, в котором были статьи о тогдашних московско-литовских границах⁴⁸.

Итак, на протяжении почти двух лет после Куликовской битвы политическая обстановка в Восточной Европе оказывалась весьма благоприятной для процесса консолидации русских земель. Искусственно тормозившиеся в предшествующий период объединительные тенденции в политической жизни феодальной Руси теперь получили новые возможности для бурного развития. Однако, говоря о происходившем после Куликовской битвы процессе объединения русских земель, нельзя, разумеется, забывать, что он протекал далеко не равномерно. Сначала в условиях полного ослабления власти Орды над Русью, в условиях военных поражений Мамаю и медленного усиления власти Тохтамыша данный процесс протекал довольно интенсивно, потом по мере восстановления под эгидой Тохтамыша политической мощи Ордынской державы он замедлился, а после вторжения нового ордынского хана на территорию Руси почти приостановился. И тем не менее достигнутые на этом этапе политической жизни Восточной Европы результаты имели огромное значение. Они не только ознакомили один из переломных моментов в истории сложных взаимоотношений феодальной Руси с Ордынской державой, но и, сделав очевидной саму возможность успешного противодействия русских княжеств ордынскому натиску (даже в ходе их частичной консолидации), тем самым позволили наметить путь продолжения действительной борьбы с господством Орды, тот путь, который был связан с преодолением поддерживаемой Ордой искусственной расщепленности русских земель и на который встали уже в 90-е годы XIV в. ведущие политические силы того времени (московский правящий дом, представляемый тогда князем Василием I, Литовско-Русское государство под эгидой Витовта, а также общерусская митрополия, возглавленная Киприаном). Не секрет, что именно эти силы осуществляли в указанный период как военно-политическую подготовку к еще одной схватке с Ордынским государством (состоявшейся на берегах Ворсклы в 1399 г.), так и идеологическую подготовку к ней в форме создания соответствующей историко-публицистической, историко-познавательной литературы, ставившей своей целью не только пропаганду опыта Куликовской битвы, не только подчеркивание заслуг главных ее участников (московских и западнорусских), но и утверждение концепций общерусского единства.

Видимо, не случайно именно в этой обстановке надвигавшегося нового столкновения с Ордой вполне назревшей оказалась задача создания памятников, способных «напомнить всем русским людям от Дуная до Устьяга, от Немана до Дона о том, что некогда все они составляли единое целое, что все они объединены единством языка и культурных традиций»⁴⁹.

Такими представляются нам некоторые аспекты «предыстории» Куликовской битвы, ее, так сказать, «политического пролога», а вместе с тем и отдельные аспекты ее эпилога, прежде всего эпилога политического в виде явного усиления процессов консолидации русских земель, а также эпилога «литературно-поэтического» в виде появления памятников широкого общерусского плана, в том числе и знаменитых памятников Куликовского цикла.

⁴⁷ L. K o l a n k o w s k i. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów, t. I. Warszawa, 1930.

⁴⁸ Обоснование датировки этого договора см. И. Б. Г р е к о в. Восточная Европа..., с. 104.

⁴⁹ Б. А. Р ы б а к о в. Там же, с. 200—205.

О. Н. МАЙОРОВА

СОТРУДНИЧЕСТВО ВОКС И ОПСД В ОБЛАСТИ ПРОПАГАНДЫ СОВЕТСКОГО ПРОИЗВОДСТВЕННОГО И НАУЧНОГО ОПЫТА В НАРОДНОЙ ПОЛЬШЕ (1950—1955)

В первое послевоенное десятилетие Советский Союз и Народная Польша все свои силы направили на восстановление разрушенного войной хозяйства и дальнейшее развитие экономики и культуры. Решению этих задач способствовало братское сотрудничество СССР и Польши, которое в соответствии с Договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, заключенном 21 апреля 1945 г., носило многоплановый характер. Наряду с государственными учреждениями свой вклад в это дело вносили и общественные организации СССР и Народной Польши, в частности, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)¹ и Общество польско-советской дружбы (ОПСД).

Из всех сфер советско-польского сотрудничества в 1950—1955 гг. наименее исследованным является сотрудничество между общественными организациями СССР и ПНР, в частности, между ВОКС и ОПСД. Работы, затрагивающие деятельность этих организаций, освещают интересующий нас вопрос в самом общем виде².

ВОКС и ОПСД в 50-е годы сотрудничали в области не только политико-просветительной работы и культуры, но и передачи производственного опыта в промышленности, сельском хозяйстве и науке. В решениях IV Всепольского съезда ОПСД, состоявшегося в декабре 1952 г., подчеркивалось: «Популяризируя передовые советские производственные методы и содействуя их широкому применению в нашей польской практике, ОПСД может и должно в значительной мере способствовать победному

¹ В 1958 г. реорганизован в Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, в который вошло и Общество советско-польской дружбы.

² З. Гарстецкий. Могучая движущая сила (К 10-летию ОПСД). «Славяне», 1954, № 9; Т. Ксиажек, S. Lewandowski. W służbie idei przyjaźni. (20 lat działalności TRPR). Warszawa, 1964; А. Е. Иоффе. Деятельность зарубежных обществ дружбы с Советским Союзом. «Вопросы истории», 1966, № 3; Н. Е. Индутная. Роль общественных организаций Украинской ССР и Польской Народной Республики в укреплении советско-польской дружбы (1944—1969) (диссертация). Киев, 1970; Н. А. Пянков, Р. Р. Сааков. Международное движение общественности за дружбу и культурные связи с СССР. «Вопросы истории», 1972, № 8; Р. Р. Сааков. Основные этапы развития международного движения общественности за дружбу и культурные связи с СССР (диссертация). М., 1973; «Во имя дружбы. 30-летие Общества польско-советской дружбы». Варшава, 1975; «За дружбу з Країною Великого Жовтня». Київ, 1977; Е. Васьніскі, Н. Дзібінскі. W imię przyjaźni. XXXV lat Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej. Warszawa, 1979.

осуществлению великих задач шестилетнего плана и программы Национального фронта»³. Вопросы использования передовых советских методов труда неоднократно обсуждались на пленумах Главного управления ОПСД, собраниях актива Общества, воеводских съездах ОПСД.

Сотрудничество ВОКС и ОПСД в деле популяризации передового производственного и научного опыта осуществлялось в самых различных формах, рассмотрению которых и посвящается настоящая статья.

В промышленности ВОКС и ОПСД оказывали содействие в осуществлении переписки коллективов отдельных предприятий и учреждений Советского Союза и Польши по обмену производственным опытом. К примеру, в письме рабочих швейной фабрики им. М. Форнальской коллективу швейной фабрики «Красная оборона» в связи с Месячником углубления польско-советской дружбы в 1952 г. говорилось, что они широко развернули движение трудового социалистического соревнования и рационализации, в результате чего постоянно перевыполняют производственные нормы, повышают производительность труда и качество работы, выпуск продукции. «Применяя Ваши трудовые методы, методы Корабельниковой и Седовой, мы работаем лучше, быстрее и экономнее», — отмечалось в письме⁴.

В 1954 г. члены кружка ОПСД железнодорожники станции Варшава — Грохув писали коллективу Московского железнодорожного узла о своем горячем желании поделиться достижениями в профессиональной работе: «Проверяя испытанные методы Ваших и наших передовиков труда, мы достигли в соцсоревновании лучших результатов и завоевали первое место по всей железнодорожной сети... Мы сознаем, что только опираясь на Советский Союз и вечную дружбу с советским народом, мы можем обеспечить наши достижения и строить фундамент прочного мира между народами»⁵.

В том же году рабочие вагоноремонтных мастерских в Иновроцлаве Быдгощского воеводства предложили рабочим-вагоноремонтникам Московской окружной железной дороги установить постоянный контакт, «чтобы путем переписки обмениваться своими успехами, достигнутыми благодаря применению проверенных передовых методов труда». При этом в письме сообщалось о результатах применения таких методов рабочими в Иновроцлаве⁶.

Коллектив судоремонтного завода Гданьска в октябре 1954 г. писал на аналогичный завод в Ленинграде: «Для нас, судостроителей, достижения Вашего судоремонтного завода имеют особое значение, так как судостроительная промышленность в Польше существует только десять лет... Ваши достижения являются примером в нашей повседневной работе по развитию молодой польской судостроительной промышленности». Далее говорилось, что большие успехи были достигнуты в короткий срок благодаря использованию советских передовых методов труда. В письме сообщалось, что «всего методами советских передовиков труда работает около 300 наших товарищей. Благодаря применению этих методов мы работаем производительнее, экономнее, с меньшей себестоимостью, увеличивая тем самым богатство нашей Родины. Своими достижениями мы обязаны Вам и всему советскому народу, который искренне отвечает нам дружбой, помощью и примером»⁷. Таких писем через ВОКС шло довольно много.

³ «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. X. М., 1980 (далее — ДИМ), док. 157.

⁴ Там же, док. 151.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 296, л. 125.

⁶ Там же, л. 133—134.

⁷ ДИМ, т. X. док. 243.

Сотрудничество ВОКС и ОПСД проявлялось и в организации выставок, отражавших достижения в промышленности Советского Союза и Польши. С этой целью передавались полностью оформленные выставки или отдельные фотоподборки, плакаты и другие материалы. Так, в этот период ВОКС направил выставки «Профсоюзы СССР», «У советских текстильщиков» и некоторые другие⁸. Большой интерес вызвала выставка «Техническое творчество учащихся училищ и школ трудовых резервов СССР», подготовленная ВОКС и Главным управлением трудовых резервов при Совете Министров СССР и показанная осенью 1955 г. в Варшаве во Дворце культуры и науки в период проведения Месячника углубления польско-советской дружбы. На ней было представлено 130 экспонатов, в том числе около 100 действующих моделей различных промышленных объектов, машин и установок. Ее осмотрело свыше 220 тыс. человек. В книге отзывов посетители оставили свыше 1000 записей, в которых подчеркивалось, что выставка не только ознакомила польских трудящихся с огромными достижениями Советского Союза в развитии техники и в подготовке кадров советских рабочих, но и сыграет большую роль в улучшении в Польше постановки профессионального обучения, в развитии технического творчества польской молодежи. Высокую оценку ей дали также польская печать и радио, которые посвятили этому событию ряд информационных сообщений, статей и репортажей⁹.

ОПСД, используя получаемые от ВОКС материалы, организовывало большое количество выставок, популяризовавших советский передовой опыт в промышленности, в частности, воеводских, посвященных различным отраслям хозяйства.

Передаче советского производственного опыта способствовал также обмен делегациями ВОКС и ОПСД. Так, в январе 1950 г. польские текстильщицы — члены делегации ОПСД посетили комбинат «Трехгорная мануфактура». Они интересовались стахановскими методами труда, особенно работой советских ткачих-многостаночниц, движением за отличное качество продукции, за высокую культуру производства.

Главное правление ОПСД, приглашая делегации ВОКС в Польшу для участия в Месячниках углубления польско-советской дружбы, высказывало пожелание, чтобы в их состав наряду с учеными, спортсменами, деятелями искусства входили и передовики труда по различным отраслям производства: металлурги, шахтеры, машинисты угольных комбайнов, работники химической промышленности, ткачихи, прядильщицы и т. п., имея в виду организовать их встречи с рабочими польской промышленности непосредственно на производстве¹⁰.

ВОКС учитывало эти пожелания ОПСД. Так, в 1951 г. в состав делегации, приехавшей в Польшу для участия в Месячнике, входил машинист угольного комбайна Донецкого угольного бассейна В. Кучер. Во время встреч с польскими горняками на шахте «Болеслав Храбрый» он показал, как можно рационально работать на советском угольном комбайне «Донбасс», имевшемся на польских шахтах¹¹. Тов. Бернат из Сталевои Воли сказал, что «этот советский человек по-братски раскрыл нам все тайны своих успехов, объяснил все тонкости. Мы теперь работаем только советским методом. Нельзя было и думать до войны ни у нас, ни в какой-либо капиталистической стране, чтобы таким образом один человек учил другого»¹².

⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 265, л. 142; д. 275, л. 34; д. 304, л. 61.

⁹ Там же, д. 301, л. 2—6; д. 304, л. 195—197; д. 309, л. 2—6.

¹⁰ Там же, д. 267, л. 150—151.

¹¹ «Przyjaźń», 1951, № 45, s. 3; № 49, s. 3.

¹² Ibid., 1952, № 13, s. 10.

В 1953 г. в состав делегации ВОКС входил токарь-скоростник Московского станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе А. В. Павлов. Большинство из 36 его встреч с польскими рабочими, техниками и инженерами сопровождалось практическим показом скоростной обработки металла резцом Колесова. Такие встречи состоялись на заводе им. Сталина в Познани, на вагоноремонтном заводе в Ополе, в Кракове, в Новой Хуте, на заводе автоизделий в Жешове, в Политехническом институте в Гливице.

Метод работы при помощи резца Колесова был показан также на заводе легковых автомобилей в Жеране. Результат превзошел все ожидания присутствовавших. Обработка детали, на которую в Жеране тратилось 3,5 часа, продолжалась менее 12 минут. Павлов выработал 1756 % нормы. После показа в заводском клубе состоялось собрание токарей и инженеров, на котором А. Павлов дал рекомендации по улучшению работы с помощью резца Колесова. Уже на следующий день, применив такой резец и используя приемы работы А. Павлова, передовые токари повысили свою выработку: токарь Зых — на 673 %, токарь Цабаевский — на 600 %. Эти встречи вызвали огромную заинтересованность среди польских металлостов, умножили ряды польских колесовцев, побудили к активной деятельности клубы рационализаторов. О встречах с польскими друзьями А. В. Павлов рассказал на страницах газеты «Известия»¹³.

Член той же делегации опытный советский текстильщик с комбината «Трехгорная мануфактура» В. А. Арбатский поделился опытом многостаночной работы, консервации машин и получения высоких показателей продукции тканей первого сорта. Т. Гошковская после встреч с Арбатским применила новый метод, в результате которого был упрощен производственный процесс и достигнуто высокое качество товаров. С целью обсуждения рекомендаций В. А. Арбатского были организованы специальные совещания и дискуссии. Например, воеводское правление ОПСД в Ольштыне решило издать записи бесед и совещаний с членами советских делегаций с тем, чтобы ознакомить с этими материалами широкие круги общественности¹⁴.

В апреле 1955 г. в состав делегации ВОКС, находившейся в Польше в связи с празднованием 10-летия Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, входила закройщица Малова. Она встретилась с работниками обувной фабрики в Хелмке и поделилась опытом, применяемым закройщиками фабрики им. Парижской Коммуны, рассказала о рационализаторских предложениях по улучшению организации труда и обратила внимание на необходимость проведения лечебной гимнастики, способствующей предупреждению профессиональных заболеваний закройщиков¹⁵.

В сентябре 1955 г. в состав делегации ВОКС входил мастер — металлург Мухаркин. Он выезжал в Келецкое, Сталиноградское и Краковское воеводства, посетил несколько крупных металлургических заводов — им. Б. Берута в Ченстохове, им. Новотко в Островце, «Бобрек» в Сталинограде и комбинат им. Ленина в Новой Хуте. Мухаркин показывал методы плавки в доменных печах, а также некоторые усовершенствования, применяемые на уральском металлургическом заводе им. Серова. Во многих случаях он помог польским доменщикам разрешить их затруднения, давая квалифицированные рекомендации¹⁶.

¹³ ДИМ, т. X, док. 196; «Славяне», 1954, № 2, с. 27; «Известия», 1954, 30 июня; «Przyjaźń», 1953, № 48, с. 6.

¹⁴ ДИМ, т. X, док. 196; Archiwum ZG TPPR 5/83.

¹⁵ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 305, л. 114—115.

¹⁶ ДИМ, т. X, док. 302; Archiwum ZG TPPR 7/33, т. 11.

Участники встреч с членами делегаций интересовались не только техническими вопросами, но и социально-политическим и культурно-хозяйственным развитием в СССР.

В мероприятиях ОПСД по пропаганде производственного опыта в промышленности принимали участие также советские технические специалисты, работавшие в Польше на крупных строительных объектах (металлургический комбинат в Новой Хуте, Дворец культуры и науки в Варшаве и др.), и известные советские новаторы производства, приглашаемые в Польшу для обмена опытом. Так, в ноябре 1950 г. в Польше находилась Лидия Корабельникова, бригадир московской обувной фабрики «Парижская Коммуна», инициатор метода комплексной экономии сырья. Она посетила обувные и текстильные предприятия, фабрики готового платья в различных городах страны, встречалась с активом Главного правления ОПСД, беседовала с зам. председателя ГП ОПСД С. Матушевским. В беседе с корреспондентом «Пшиязни» Л. Корабельникова поделилась впечатлениями о пребывании в Польше, о встречах с последователями ее метода¹⁷.

Еженедельный журнал «Пшиязнь» («Дружба») — орган Главного правления ОПСД, играл значительную роль в пропаганде передового производственного опыта в области промышленности. Он выходил большим тиражом (в 1954 г. 360 тыс. экз.)¹⁸. Наряду с вопросами строительства коммунизма советским народом, огромной бескорыстной помощи, оказываемой Советским Союзом Польше, укрепления политического, экономического и культурного сотрудничества между этими двумя странами журнал широко освещал и вопросы советского передового производственного опыта и использования его в Польше. На страницах «Пшиязни» публиковались выступления членов делегаций, побывавших в СССР, а также письма и впечатления от пребывания в Польше членов советских делегаций. Так, в ноябре 1952 г. было помещено письмо советского машиниста угольного комбайна В. Кучера, в котором он делился впечатлениями от встреч с польскими шахтерами, рассказывал о новых обязательствах, принятых советскими шахтерами под воздействием решений XIX съезда КПСС¹⁹. В анкете, проведенной «Пшиязнью», читатели просили ввести постоянную рубрику «Обмен опытом в социалистическом строительстве»²⁰.

Существенную помощь в этой работе журналу оказывал ВОКС, направлявший в редакцию по просьбе ОПСД или по своей инициативе статьи, иллюстрации к ним, фотоподборки. В нем часто помещались интервью и открытые письма передовиков советского производства специально для читателей «Пшиязни». Так, в сентябре 1950 г. в журнале «Пшиязнь» было опубликовано письмо Л. Корабельниковой к читателям этого журнала, в котором она подробно рассказывала о методе комплексной экономии и значении его повсеместного применения²¹; в октябре того же года в журнал было направлено открытое письмо советского машиниста депо Москва-Сортировочная В. Блаженова польским железнодорожникам²². Главный редактор журнала Л. Зайончковская-Митцнер выразила ВОКС благодарность, отметив, что присылаемые материалы представляли большую ценность, особенно статьи известных стахановцев и новаторов.

¹⁷ «Przyjaźń», 1950, № 49, с. 2.

¹⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 254, л. 10; д. 296, л. 65.

¹⁹ ДиМ, т. X, док. 148; «Przyjaźń», 1952, № 45, с. 3.

²⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 301, л. 52—53; д. 275, л. 55.

²¹ «Przyjaźń», 1950, № 38, с. 4.

²² ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 268, л. 105.

На предприятиях проводилась их массовая читка и велись дискуссии; при этом подчеркивалось, что статьи, представляющие собой обращение к определенным предприятиям или отдельным лицам, производят наибольший пропагандистский эффект²³.

Важным направлением деятельности журнала был показ того, как перенимался передовой производственный опыт СССР на польских предприятиях, какие результаты достигались при этом. Информация о конкретных предприятиях, бригадах, отдельных передовиках давала возможность судить о размахе движения. Так, в 1954 г. «Пшиязнь» сообщала, что среди текстильных предприятий Лодзинского воеводства первыми с инициативой применения советских методов труда выступили члены ОПСД на хлопчатобумажной фабрике им. Мархлевского в Лодзи. Был выдвинут лозунг «Каждый член ОПСД применяет советские методы труда»²⁴. Следует подчеркнуть большое значение такого лозунга, если учесть, что к этому времени ОПСД насчитывало 7 млн человек. «Пшиязнь» сообщала о широком использовании советского опыта польскими железнодорожниками²⁵, о применении метода Колесова на Эльблонском механическом заводе, на Щецинских верфях, на верфи им. Парижской Коммуны и других предприятиях²⁶.

В целях пропаганды передовых советских методов производства ОПСД организовывало также лекции и беседы, которые наиболее активно проводились во время Месячников углубления польско-советской дружбы. В них принимали участие все организации, представленные в исполнительных комитетах по проведению Месячников, во главе с ОПСД: профсоюзы, Союз крестьянской взаимопомощи, Главная техническая организация, Общество всеобщих знаний, Лига женщин, Союз польской молодежи, Союз польских учителей.

ОПСД готовило материал для лекций и бесед, который рассылался во все воеводства. Так, ГП ОПСД в 1950 г. издало в серии «Портфель докладчика» материалы на такие темы, как «Помощь и пример СССР — гарантия выполнения 6-летнего плана», «Страна передовой машинной промышленности» и т. д.²⁷, в 1951 г. — «Беседы пропагандиста», состоявшие 25 тем (тиражом 963 тыс. экз.), посвященные в основном отраслевой тематике²⁸. Часть материалов для проведения лекций и бесед направлялась Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей. В 1950 г. были отправлены, в частности, информации о книгах, написанных новаторами производства²⁹. Большой интерес вызывали лекции на тему «Развитие стахановского движения в Советском Союзе»³⁰.

Большую активность проявляли отдельные кружки ОПСД. Например, в повяте Каршница Лодзинского воеводства кружок ОПСД в паровозном депо ежедневно во время Месячника передавал через громкоговорители лекции и беседы о достижениях Советского Союза и методах труда советских железнодорожников³¹. Кружок ОПСД на шахте «Бобрек» организовал из передовых горняков агитационно-пропагандистскую группу, которая раз в неделю выступала по заводскому радио с материалами о достижениях новаторов производства³².

²³ Там же, д. 275, л. 27.

²⁴ «Przyjaźń», 1954, № 3, s. 10.

²⁵ Ibid., 1950, № 30, s. 5; 1952, № 4, s. 10 и др.

²⁶ Ibid., 1953, № 20, s. 14.

²⁷ ДиМ, т. X, док. 65; Archiwum ZG TPPR, 5/53, t. 1.

²⁸ Archiwum ZG TPPR, 5/76.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 268, л. 35—36.

³⁰ Archiwum ZG TPPR 4/118, t. 11.

³¹ «Przyjaźń», 1950, № 51, s. 10; Archiwum ZG TPPR 5/83.

³² «Славяне», 1953, № 5, с. 30.

Пропаганде передового производственного опыта в промышленности способствовали также съезды, совещания, конференции и семинары передовиков производства, проводимые ОПСД и другими организациями, главным образом в рамках Месячников углубления польско-советской дружбы. Так, в октябре 1951 г. во Вроцлаве состоялся съезд 150 мастеров скоростного резания, рационализаторов, передовиков труда, техников и научных работников³³, в октябре 1953 г. в Сталинограде — общепольский съезд химиков, применявших передовые методы труда, в Катовицах — I Всепольское совещание передовиков металлургической промышленности, в Щецинском воеводстве — I съезд передовых рабочих промышленных и строительных предприятий³⁴. Всего в ходе Месячника 1953 г. вопросу распространения советского производственного опыта было посвящено 2 526 съездов, совещаний, конференций, встреч и дискусионных вечеров³⁵. В 1954 г. были организованы аналогичные совещания: в Лодзи — Общепольское совещание мастеров экономии, в Познани — съезд передовых металлистов и железнодорожников, в Белостоке — съезд рационализаторов железнодорожного транспорта, строительства и текстильной промышленности, в Щецинском воеводстве — 17 совещаний с показами советских методов труда и др.³⁶. Во время Декады советской рационализации и техники в ходе Месячника 1955 г. было проведено 1 706 совещаний рабочих, применявших советские методы труда, из них 1159 — в городе³⁷.

Часто при проведении таких мероприятий организовывались показы советских методов производства. Так, на встрече передовиков металлургического производства на заводе «Цедлеш» в Сосновце и на совещании последователей Колесова на лодзинском заводе технического оборудования были проведены показы скоростной резки металла резцом Колесова³⁸. В ходе Месячника 1955 г. в Щецинском воеводстве состоялось 72 совещания с демонстрацией советских методов труда в промышленности, в которых приняли участие 4896 человек³⁹.

Показы советских методов часто представляли собой самостоятельные мероприятия по популяризации стахановских методов труда. При проведении Месячника углубления польско-советской дружбы в 1953 г. большой успех имел «День использования советских методов», проведенный 29 октября в Кракове по инициативе директора Института металлообрабатывающих станков проф. Бернавского, который организовал показы по методам Колесова, Жандаровой, Корабельниковой и других советских новаторов⁴⁰. Собравшиеся на совещание на заводе им. Сталина токари со многих предприятий Познанского воеводства в течение нескольких часов наблюдали на практике метод Креузова⁴¹. На Пабьявицком механическом заводе был организован показ обработки металла при помощи резца Колесова⁴². Большая роль в организации и проведении таких совещаний и показов принадлежала воеводским клубам ОПСД.

Сотрудничество ВОКС и ОПСД в деле популяризации передовых методов советского производства, а также многосторонняя деятельность ОПСД в этом направлении имели важные результаты. Широкое приме-

³³ «Trybuna Ludu», 27 X 1951.

³⁴ ДиМ, т. X, док. 187; Archiwum ZG TPPR 5/83.

³⁵ ДиМ, т. X, док. 195.

³⁶ ДиМ, т. X, док. 252; Archiwum ZG TPPR 4/118, t. 11.

³⁷ Archiwum ZG TPPR 4/121.

³⁸ ДиМ, т. X, док. 252.

³⁹ Там же, док. 311.

⁴⁰ «Przyjaźń», 1953, № 48, s. 3.

⁴¹ Archiwum ZG TPPR 4/105.

⁴² ДиМ, т. X, док. 252.

нение советских методов труда в польской промышленности дало большой народнохозяйственный эффект. Так, широкое движение последователей Л. Корабельниковой, охватившее к октябрю 1950 г. более 20 промышленных предприятий Польши, принесло государству сотни миллионов золотых экономии⁴³. Лодзинская швейная фабрика благодаря использованию этого метода выпускала дополнительно продукции на 238 672 золотых в год⁴⁴. В первом полугодии 1951 г. коллективы польских предприятий хлопчатобумажной промышленности, применив метод Л. Корабельниковой, сэкономили около 496 тыс. кг пряжи⁴⁵. В апреле 1951 г. «Трибуна люду» сообщила о том, что на заводе легковых автомобилей в Жеране было принято предложение Хрущевского о введении метода комплексной экономии сырья как постоянной системы⁴⁶. С начала 1953 г. метод Л. Корабельниковой стал применяться на Лешчинской швейной фабрике. Только за один месяц было сэкономлено материалов на 4500 золотых⁴⁷.

Все более широкое применение на польских предприятиях находил метод скоростного резания металла советского новатора В. Колесова. В апреле 1951 г. ТАСС сообщал, что металлисты успешно используют этот метод на 38 крупных предприятиях, тогда как еще полгода назад его применяли только несколько десятков токарей и фрезеровщиков. Одно из первых мест по распространению метода Колесова занимал коллектив завода «Консталь» в Хожове. Металлисты Гливицкого завода увеличили скорость резания металла в два раза, а производительную мощность станков на 50%⁴⁸. Применение резца Колесова токарями завода технического оборудования «Згода» в Сталиноградском воеводстве дало экономию свыше 300 часов машинного времени. На заводе им. Дзержинского производительность труда рабочих повысилась на 70%⁴⁹. Токарь Гданьской судовой верфи С. Коц в 5 раз сократил время обработки металла, а молодой рабочий завода «Урсус» Варта — в 8 раз⁵⁰.

Метод инженера-технолога Ф. Ковалева, основанный на обобщении рациональных приемов работы нескольких стахановцев одной профессии, первыми на Равицкой швейной фабрике стали применять члены кружка ОПСД. В результате в I квартале 1952 г. продукция фабрики возросла на 40% в сравнении с I кварталом 1951 г. Активистка ОПСД, передовик труда Жмудова выполняла нормы на 220%⁵¹. Использование этого метода на Гданьской верфи привело к подъему производительности труда на 23%, на текстильной фабрике в Ченстохове — на 30%⁵². В одной только текстильной промышленности по методу Ковалева работала треть всех рабочих⁵³.

Широко пропагандировался в Польше также опыт советских стахановок А. Жандаровой и О. Агафоновой. Предложенный ими метод заключался в том, что рабочий, выполнявший последующую обработку детали, строго контролировал качество продукции рабочих, выполнявших предшествующую по технологическому процессу операцию. Это обеспечивало повышение качества продукции и производительности труда. На предприя-

⁴³ «Правда», 1950, 9 октября.

⁴⁴ «Славяне», 1951, № 11, с. 47.

⁴⁵ Там же, с. 64.

⁴⁶ «Trybuna Ludu», 22 IV 1951.

⁴⁷ «Przyjaźń», 1953, № 20, s. 14.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 4459, оп. 24, д. 975.

⁴⁹ Там же, д. 1250, л. 290; ДИМ, т. X, док. 178.

⁵⁰ «Славяне», 1953, № 12, с. 60; № 5, с. 64; № 10, с. 63.

⁵¹ «Przyjaźń», 1953, № 43, s. 3.

⁵² «Славяне», 1953, № 8, с. 64; 1952, № 6, с. 64.

⁵³ «Przyjaźń», 1953, № 43, s. 3.

тиях Лодзинского воеводства 50 металлостов, следуя их почину, повысили в 1952 г. свою дневную выработку на 10—30%. В Нижней Силезии этот метод применяли свыше 1300 рабочих: 255 производственных бригад предприятий в Познани, усвоивших навыки этих советских стахановок, выполняли по 1,5 и 2 производственные нормы⁵⁴. Число их последователей в 1953 г. в химической промышленности возросло в 7 раз, в текстильной — в 9 раз. В металлургической промышленности по их методу трудилось около 15 тыс. рабочих⁵⁵. В период Месячника 1954 г. в Познанском воеводстве, в Вепфане, рабочие Ст. Космовский и Х. Юхач выступили с инициативой использования опыта А. Жаандаровой и О. Агафоновой, которая была широко подхвачена⁵⁶.

Динамику применения в Польше отдельных методов советских новаторов производства показывают данные по одному из воеводств. Если в 1952 г. в Зеленогурском воеводстве методом Жаандаровой работало едва 50 человек, то в 1955—1848, по методу Корабельниковой в 1953—100 человек, а в 1955—1403, по методу Ковалева в 1952—250 человек, а в 1955 г. — 1200, по методу Чутких соответственно 120 и 2600 человек⁵⁷.

Таким образом, польские передовики труда, применяя опыт советских стахановцев в условиях своих предприятий, обогащали производственные навыки, вырабатывали рациональные приемы, позволявшие им добиваться высоких производственных показателей. Много инициативы в этом деле проявляли кружки ОПСД. Большую помощь оказывал ВОКС, передавая ОПСД различные материалы о передовом советском производственном опыте в самом широком диапазоне — от применения отдельных рационализаторских предложений до освещения основных достижений в различных отраслях народного хозяйства, дополняя тем самым контакты между советскими и польскими профсоюзами. Применение передовых советских методов производства являлось ценным подспорьем в выполнении польским народом 6-летнего плана.

ВОКС и ОПСД сотрудничали в пропаганде советского передового опыта и в области сельского хозяйства. Применение советских новейших достижений в земледелии и животноводстве было актуальным для польской деревни. Этому в значительной мере способствовала передача ВОКС соответствующих материалов для проведения лекций и бесед, а также книг и брошюр для ОПСД. Так, среди направленной в июне 1950 г. литературы по сельскому хозяйству были такие издания, как «Опыт работы передовых льноводных колхозов» (М., 1948), «Организация труда на орошаемых участках» (М., 1949), «Агротехника яровых зерновых культур в нечерноземной полосе» (М., 1950), «Руководство по апробации сельскохозяйственных культур» и многие другие. Всего 49 наименований, 165 экземпляров. В том же году были переданы материалы об украинском колхозе, который посетили участники второй делегации польских крестьян⁵⁸.

В письме ГП ОПСД, с которым оно обратилось в ВОКС в мае 1951 г. с просьбой выслать ряд изданий, необходимых для плодотворной работы создаваемых воеводских и сельских клубов, а также Центрального клуба ОПСД, подчеркивалось, что особенно нужны брошюры, фильмы и другие материалы о передовом опыте не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве⁵⁹. В связи с этим для ОПСД были направлены, среди прочих, такие статьи, как «Новинки советской сельскохозяйственной литературы»,

⁵⁴ «Славяне», 1952, № 7, с. 64; № 11, с. 60, 64.

⁵⁵ «Przyjaźń», 1953, № 43, с. 3.

⁵⁶ Archiwum ZG TPPR 4/105.

⁵⁷ «Przyjaźń», 1955, № 33, с. 10.

⁵⁸ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 265, л. 231—233; д. 268, л. 35—36.

⁵⁹ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 277, л. 58.

«Советский народ успешно выполнил первый послевоенный 5-летний план», материалы на тему «Совхозы СССР», «Механизация труда в колхозах СССР» и др.⁶⁰.

В связи с решениями IX пленума ЦК ПОРП о подъеме сельского хозяйства ГП ОПСД обратилось в ноябре 1953 г. в ВОКС с просьбой прислать материалы по широкому кругу вопросов, отражавших опыт работы советских колхозов и совхозов, благосостояние их работников, методы выращивания и уборки высоких урожаев, передовые приемы агро- и зоотехники⁶¹.

В 1954 г., претворяя в жизнь решения IX пленума ЦК ПОРП и II съезда партии, ОПСД провело целую серию мероприятий в сельских местностях, направленных на распространение передового опыта и достижений советского сельского хозяйства. В связи с этим ГП ОПСД обратилось 4 июня 1954 г. в ВОКС с просьбой о высылке соответствующих материалов, касающихся вопросов сельского хозяйства — о вспашке, севе, посадке свеклы, картофеля, животноводстве, о внедрении новых достижений в сельском хозяйстве⁶².

Используя материалы ВОКС, ГП ОПСД издало для проведения лекций в период Месячника в 1951 г. так называемые «Беседы пропагандиста», из которых шесть тем были посвящены советскому сельскому хозяйству⁶³, в 1953 г. — 13 номеров «Блокнота агитатора» (490 тыс. экз.), в которых серьезное внимание уделялось достижениям сельского хозяйства СССР и опыту советских колхозников⁶⁴.

Большой интерес в селах, госсельхозах, производственных кооперативах вызывали лекции на тему «В советских колхозах», «Советский опыт в осенней посевной кампании» и др. Так, в ходе Месячника 1954 г. в Щепинском воеводстве было прочитано 465 лекций о советских методах труда, которые прослушало 8 тыс. человек. В течение Мичуринской недели в 1955 г. Обществом всеобщих знаний совместно с ОПСД было проведено 154 лекции в Краковском воеводстве, из которых 72 — о советской агро- и зоотехнике⁶⁵.

В целях распространения передового производственного опыта в сельском хозяйстве организовывались также экскурсии крестьян на сельскохозяйственные опытные станции, проводились конкурсы под девизом «Поделимся опытом», обсуждались работы польских авторов, популяризовавших советский опыт. К примеру, в 1954 г. в 43 машинно-тракторных станциях Познанского воеводства обсуждались книги Е. Грабовского «Помощь Советского Союза в механизации земледелия в Польше» и Б. Курылловича «Повышение производительности труда в сельском хозяйстве СССР»⁶⁶. Проводились и другие мероприятия в этом направлении.

Популяризуя советский опыт, ОПСД организовывало много сельскохозяйственных и мичуринских выставок в повятах и громадах, которые вызывали большой интерес. Например, в 1955 г. в ходе Мичуринской недели выставку в Вадовицах Краковского воеводства посетили 35 тыс. человек; на ней экспонировались сельскохозяйственные машины, среди которых было много советских. 13 выставок в громадах того же воеводства посетило 3850 человек. В качестве экспонатов выставлялись выращенные мичуринцами зерно, кукуруза, овощи, фрукты⁶⁷.

⁶⁰ Там же, д. 269, л. 188; д. 267, л. 19.

⁶¹ Там же, д. 294, л. 14.

⁶² Там же.

⁶³ Archiwum ZG TPPR 5/76.

⁶⁴ «Славяне», 1953, № 7, с. 43.

⁶⁵ Archiwum ZG TPPR 5/81; 4/118, t. 11; 4/125.

⁶⁶ «Славяне», 1954, № 7, с. 64.

⁶⁷ Archiwum ZG TPPR 4/125.

Популяризации советских передовых методов труда в области сельского хозяйства способствовали встречи с членами делегаций ВОКС. Так, в ходе Месячника 1953 г. директор совхоза «Пролетарий» Владимирской области Г. Ф. Платонов посетил ряд госсельхозов. В одном из них — Санниках, состоялась восьмичасовая беседа с рабочими и служащими этого хозяйства, в которой участвовали также члены сельскохозяйственных кооперативов и крестьяне-единоличники из окрестных деревень. Г. Ф. Платонов ответил на ряд вопросов, касавшихся организации труда в животноводческих и полеводческих бригадах, уровня механизации работ, а также использования ручного и механизированного труда. Его спрашивали о рациональном кормлении скота и птицы, организации работы тракторного парка и т. п. Через несколько дней массовые собрания состоялись в шести других хозяйствах, входивших в то же объединение, на которых участники встречи с Платоновым делились своими впечатлениями о ней⁶⁸.

В состав делегации ВОКС, приехавшей в Польшу в связи с Месячником в 1955 г., входила доярка колхоза им. Сталина, депутат Верховного Совета СССР М. Сардак. Встречи с ней устраивались как в Министерстве государственных сельскохозяйственных хозяйств, так и в воеводствах — Варшавском, Лодзинском, Люблинском и Краковском. Они носили характер двустороннего обмена опытом выращивания молочного скота. М. Сардак рассказывала о жизни и работе своего колхоза, о своем методе доения коров, а также знакомилась с достижениями польских кооперативов и госсельхозов⁶⁹.

Следует отметить, что в планах пребывания делегаций ВОКС на деревню обращалось большое внимание: в 1954 г., например, из 55 встреч членов делегации ВОКС около 30 состоялось в деревне⁷⁰.

Пропаганде передового производственного опыта в области сельского хозяйства, как и в промышленности, придавал большое значение журнал «Пшиязнь», освещая на своих страницах опыт мичуринцев и передовиков сельского хозяйства в СССР и Польше. Так, в 1950 г. ВОКС направил в редакцию журнала письма: колхозников Украины польским крестьянам, членов колхоза им. Ленина Кирсановского района Тамбовской области в сельскохозяйственный кооператив села Коденец Люблинского воеводства и др.⁷¹

Как и в промышленности, широко использовалась такая форма, как показы. Например, в госсельхозе Марципковице Кошалинского воеводства состоялся показ силосования зеленых трав на корм, на котором присутствовало 180 индивидуальных крестьян и членов кооперативов. В опытном хозяйстве в Велихове Познанского воеводства состоялся показ уборки трав советскими машинами, а также орошения лугов и удобрения почвы⁷².

Способствовали пропаганде передового опыта и такие мероприятия, как съезды и совещания передовиков сельского хозяйства. Так, в октябре 1951 г. в Ченстохове состоялось 1 Всепольское совещание крестьян-мичуринцев, решения которого обсуждались затем в воеводствах. Широкому внедрению в польское садоводство методов мичуринского учения способствовал I Общепольский съезд садоводов-мичуринцев, проходивший в июне 1952 г. в Институте садоводства в Скерневицах. В ходе Месячника 1953 г. состоялись съезды мичуринцев в Познанском, Олыштынском,

⁶⁸ ДиМ, т. X, док. 196; «Przyjaźń», 1953, № 48, s. 6.

⁶⁹ ДиМ, т. X, док. 302; Archiwum ZG TPPR 4/33, t. 2.

⁷⁰ Archiwum ZG TPPR 7/6.

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 268, л. 140.

⁷² ДиМ, т. X, док. 311.

Щецинском и других воеводствах, в 1954 г. — в Люблине⁷³. В 1955 г. в ходе Мичуринской недели состоялось 313 съездов. Интересно прошли повятовые съезды в Грудзёндзе, Хойницах и других повятах Быдгоцкого воеводства, в Раве Мазовецкой Лодзинского воеводства⁷⁴. 23—24 октября этого года в Варшаве проходил Общепольский съезд мичуринцев, посвященный 100-летию со дня рождения И. В. Мичурина.

Такие съезды, как показала практика, являлись одной из наиболее эффективных форм пропаганды прогрессивных методов труда в сельском хозяйстве, передовой советской агробиологии и агротехники, а также установления тесного сотрудничества ученых с крестьянами — практиками. На них широко обсуждались результаты применения советских методов труда в сельском хозяйстве, подчеркивалась необходимость придания мичуринскому движению единого, целенаправленного и научного характера, более широкого использования опыта советской агробиологии.

Важной составной частью деятельности ОПСД по распространению мичуринского движения были встречи с участниками поездок в СССР, мичуринцами и передовыми крестьянами, которые на собственном опыте убедились в практической пользе применения достижений советской агробиологии и агротехники. В 1954 г., например, в Познанском воеводстве состоялись 144 встречи с мичуринцами. В Чешине ОПСД также организовало такие встречи⁷⁵. В сентябре 1955 г. на собрании мичуринцев и передовых крестьян в Бялынине Скерневицкого повята Лодзинского воеводства выступил участник поездки в Советский Союз Ленцкий, с интересом было выслушано выступление мичуринца А. Трача об успехах, достигнутых им в выращивании плодовых деревьев⁷⁶.

В мичуринском движении были достигнуты определенные успехи. Так, в ходе Месячника 1953 г. возникло около двух тысяч мичуринских кружков. В Краковском воеводстве в ходе Мичуринской недели в 1955 г. возникло 20 новых мичуринских кружков. На VII воеводском съезде ОПСД в Быдгощи констатировалось, что в 1952 г. в воеводстве было 34 мичуринских кружка, а в 1955 г. — 270. Не прошла бесследно работа ОПСД в деревне, если крестьянин Левандовский из громады Рачёнжек сказал на съезде, что понял мудрость слов великого Мичурина о том, что не надо ждать милостей от природы⁷⁷.

Применяя советские методы в животноводстве и земледелии, польские крестьяне добились значительных результатов. Так, члены кооператива дер. Сикоры Щецинского воеводства собрали в 1952 г. по 380 ц с га сахарной свеклы. Передовой свекловод М. Дубек, использовавший опыт советской стахановки М. Демченко, собрал сахарной свеклы по 824 ц с га⁷⁸. На воеводском съезде ОПСД в Жешове в марте 1952 г. отмечалось, что использование советского опыта в значительной степени повлияло на увеличение продуктивности сельского хозяйства. Например, производственный кооператив Ветлин в Ярославском повяте собрал около 1000 ц сахарной свеклы с га, а производственный кооператив Сосница — 31 ц ячменя с га⁷⁹. В Лодзинском воеводстве в 1952—1955 гг. отмечался рост поголовья скота с 461 160 до 477 807, крестьяне из деревни Микулин Бжезинского повята добились увеличения урожая зерна более чем на 50% (он достиг 22,5 ц с га). На территории воеводства была увеличена посадка фрукто-

⁷³ ДиМ, т. X, док. 126, 252.

⁷⁴ ДиМ, т. X, док. 311; Archiwum ZG TPPR 4/121; 4/125, t. 9.

⁷⁵ Archiwum ZG TPPR 4/105; «Przyjaźń», 1954, № 5, s. 10.

⁷⁶ ДиМ, т. X, док. 311; Archiwum ZG TPPR 4/125, t. 9.

⁷⁷ ДиМ, т. X, док. 195; «Przyjaźń», 1955, № 25, s. 10.

⁷⁸ «Славяне», 1953, № 8, с. 64; № 1, с. 64.

⁷⁹ «Przyjaźń», 1952, № 13, s. 10.

вых деревьев со 100 тыс. шт. в 1954 г. до 200 тыс. в 1955 г., причем в этой работе принимал участие Институт садоводства в Скерневицах⁸⁰.

Контакты между ВОКС и ОПСД осуществлялись и в области науки. Так, в 1950 г. ВОКС в связи с августовской сессией ВАСХНИЛ о положении в биологической науке выслал для ОПСД полный стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ, сочинения И. В. Мичурина, В. Р. Вильямса, а также статьи известных советских ученых — В. Н. Столетова, И. В. Якушкина, А. Н. Несмеянова, В. П. Бушинского, Варунцяна и др. — всего 44 названия, подборки газет, а также два тематических альбома: «Мичуринское учение — основа современной биологии» и «Мичурин — великий преобразователь природы». Часть этих материалов была выпущена отдельными изданиями, большая их часть опубликована в печати и использована для докладов и выступлений, ОПСД издало брошюру о мичуринском учении⁸¹. В этом же году ВОКС передал ОПСД 6 экз. выставки «Академик Павлов», в следующем — столько же экземпляров выставки «Методы мичуринской селекции» и статью «Мичуринские принципы создания новых пород сельскохозяйственных животных»⁸².

Наиболее эффективной и распространенной формой сотрудничества ВОКС и ОПСД в области науки было включение в состав делегаций ВОКС известных советских ученых. Так, в 1951 г. делегацию ВОКС возглавлял Е. А. Чудаков — специалист в области машиноведения и автомобильной техники, академик АН СССР, директор Института машиноведения АН СССР. Его книга «Теория автомобиля» стала настольной книгой не только советских, но и польских студентов и конструкторов. На одной из встреч в Варшаве он рассказал польским студентам — будущим инженерам и конструкторам автомобилей о развитии советской автомобильной промышленности, замечательных достижениях советских пятилеток⁸³.

В 1953 г. в делегацию ВОКС входило три советских ученых: В. Н. Столетов, Г. А. Бабаджанян и С. Р. Сергиенко. Зам. министра культуры СССР, кандидат биологических наук В. Н. Столетов, возглавивший делегацию, во время встреч с преподавателями польских вузов поделился опытом организации обучения в СССР. Ему были заданы десятки вопросов о научной и педагогической работе, сотрудничестве ученых и практиков, подготовке молодых научных кадров, планировании в области науки. Во время встреч с Г. А. Бабаджаняном, зав. сектором Института генетики АН Армянской ССР, было задано свыше 200 вопросов⁸⁴. С. Р. Сергиенко, доктор химических наук, зав. лабораторией Института нефти АН СССР, имел встречи на нефтеперерабатывающем заводе в Чеховицах, на азотно-химическом заводе в Кендзежине, в нефтяных институтах в Кракове и Кросне, на химическом предприятии в Дворках, на химическом факультете Ягеллонского университета и в Краковской горно-металлургической академии. С. Р. Сергиенко принимал также участие в общепольском съезде химиков в Сталинограде⁸⁵.

В 1954 г. делегацию ВОКС, прибывшую в Польшу для участия в Мессячнике, возглавлял В. И. Слицын, известный советский химик, профессор Московского государственного университета им. Ломоносова, член-корр. АН СССР, директор Института физической химии АН СССР. Он прочитал несколько лекций о развитии неорганической химии в Советском

⁸⁰ ДиМ, т. X, док. 252; Archiwum ZG TPPR 4/125, t. 9.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 1, д. 433, л. 1—6, 24—30.

⁸² Там же, д. 270, л. 114—115; д. 281, л. 26—27; д. 267, л. 19.

⁸³ «Przyjaźń», 1951, № 45, s. 3.

⁸⁴ «Przyjaźń», 1953, № 48, s. 6.

⁸⁵ ДиМ, т. X, док. 196; Archiwum ZG TPPR, Wydział propagandy, 5/43.

Союзе в Гливицком и Лодзинском политехнических институтах, а также на предприятиях по производству красителей «Борута» в Згеже, обменялся мнениями по научным вопросам с известным польским химиком проф. В. Светославским.

Член той же делегации архитектор Б. Р. Рубаненко, преподаватель Московского архитектурного института, член-корр. Академии архитектуры СССР, принял участие в совещании металлургов, посвященном применению советских методов индустриализации жилищного строительства ⁸⁶.

В состав делегации ВОКС, находившейся в Польше в апреле 1955 г. в период празднования 10-летия Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между Польшей и СССР, входил В. И. Дикущин, советский ученый в области машиноведения, академик АН СССР. Он участвовал в восьми специальных встречах: в Варшаве — в ПАН с профессорами Серпинским, Яблоньским, Шимановским, Бернадским и др., в Варшавском Политехническом институте, в Институте скоростной резки металлов; в Кракове — в Горно-металлургической академии с профессорами, студентами и представителями ФАБЛЮКа (паровозостроительного завода); во Вроцлаве — с коллективом завода «Архимед». На этих встречах он выступал с докладами о достижениях Советского Союза в области механики и автоматике, участвовал в развертывавшихся дискуссиях о методах резки металлов. В. И. Дикущин посетил также Прушков, Новую Хуту, Освенцим, Поронин, Ополе, Познань ⁸⁷.

Глава делегации ВОКС в сентябре 1955 г. В. П. Елютин, министр высшего образования СССР, встречался с польскими учеными, профессорами вузов, сотрудниками Министерства высшего образования Польши, посетил Польскую Академию наук. В. П. Елютин выступил с докладами в Познани — в Институте сельского хозяйства, в Кракове — в Ягеллонском университете, в Варшаве — в Политехническом институте. Перед отъездом В. П. Елютин встретился с министром высшего образования Польши А. Рапацким и имел с ним продолжительную беседу об организации высшего образования в СССР и Польше. В. П. Елютин рассказывал о состоянии научных исследований в СССР в области техники, использовании атомной энергии в мирных целях, о методах подготовки научных кадров, работе Министерства высшего образования СССР. Доклады тов. Елютина вызвали большой интерес, о чем свидетельствовали большое количество заданных ему вопросов и оживленные дискуссии. Практические советы и рекомендации учитывались при подготовке молодых научных кадров в польских вузах, использовании лабораторного оборудования, в методах работы учебных заведений ⁸⁸.

Один из авторов проекта Дворца культуры и науки в Варшаве, Л. В. Руднев, действительный член Академии архитектуры СССР, входивший в ту же делегацию, во время поездки по Польше ознакомился с памятниками архитектуры, их восстановлением, а также с новым строительством. Л. В. Руднев встречался с архитекторами городов, которые посетил, а также с профессорско-преподавательским составом архитектурного факультета Политехнического института в Гданьске, в Высшей школе изобразительных искусств в Сопоте и в Архитектурном обществе в Варшаве. Теоретические дискуссии, развертывавшиеся во время этих встреч, способствовали выявлению направления современной архитектуры ⁸⁹.

⁸⁶ ДиМ, т. X, док. 252.

⁸⁷ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 305, л. 105—116.

⁸⁸ ДиМ, т. X, док. 302; Archiwum ZG TRPR 4/133; 7/33, т. 11.

⁸⁹ ДиМ, т. X, док. 302.

По линии ВОКС и ОПСД и польские ученые приезжали в Советский Союз. В частности, в составе делегации, принявшей участие в СССР в торжествах в связи с проходившим в Польше Месячником, в 1954 г. был член Президиума ПАН проф. Г. Яблоньский, в 1955 г. — министр просвещения ПНР В. Ярославский и его заместитель Мотыка, чл.-корр. ПАН Свентковский.

ВОКС передавал ОПСД материалы для лекций и бесед об успехах советской науки. Так, в июле — августе 1955 г. в связи с приближающимся Месячником ГП ОПСД обратилось в ВОКС с просьбой выслать материал на такие темы, как «Новейшие достижения советской агробиологии и агротехники», «Новейшие достижения советской медицины» и др.⁹⁰ В декабре 1955 г. в адрес ГП ОПСД были направлены книги и брошюры: «Мичуринское учение на службе народа», «Лучшие сорта плодов и ягод Мичурина и его последователей», «Преподавание химии в школе и подготовка учащихся к практической работе», «Элементы политехнического обучения в начальной школе» и др.⁹¹

Через ВОКС и ОПСД осуществлялась переписка ряда научных учреждений Польши и Советского Союза. Например, в письме сотрудников научно-исследовательского института лесного хозяйства в Варшаве коллективу родственного института в Москве говорилось об изучении мичуринского учения, которое «указывает путь к преобразению природы. Это помогает нам выхаживать лучшие сорта деревьев, улучшить сорт быстрорастущих лесных деревьев и принести помощь государству, увеличивая продукцию сырья. В наших научно-исследовательских работах мы используем методы и успехи выдающихся советских лесничих товарищей Тимофеева, Яблокова, Нестерова, Альбенского, Пятницкого и др.»⁹²

Следует отметить, что сотрудничество ВОКС и ОПСД в области науки дополняло научные связи и контакты, осуществляемые между ПАН и АН СССР. Особенно важное значение это имело в первые годы после создания в октябре 1951 г. Польской Академии наук, когда научные связи между двумя академиями были еще незначительными.

Исследование вопроса о связях и сотрудничестве ВОКС и ОПСД в деле обмена производственным и научным опытом позволяет сделать следующие выводы: сотрудничество и связи ВОКС и ОПСД в рассматриваемый период сыграли положительную роль в деле внедрения передовых методов работы в промышленность и сельское хозяйство и способствовали дальнейшему развитию экономики и науки обеих стран. ВОКС и ОПСД использовали разнообразные формы сотрудничества в популяризации передового производственного и научного опыта: непосредственные встречи с новаторами и передовиками производства, приезжавшими в Польшу в составе делегаций ВОКС, обеспечение ОПСД необходимыми материалами для лекций и бесед на эту тему и для журнала «Пшиазнь», передачу готовых для экспозиции выставок или отдельных материалов для их организации, содействие переписке советских и польских предприятий и учреждений, родственных по профилю производства, с целью обмена опытом. Проводимые мероприятия по передаче опыта носили комплексный характер, чему предшествовала большая совместная организационная деятельность ОПСД и ВОКС. ОПСД тесно контактировало с другими польскими общественными и государственными организациями и прежде всего с отраслевыми профсоюзами, Главной технической организацией, Союзом крестьянской взаимопомощи, Польской Академией наук,

⁹⁰ ЦГАОР СССР, ф. 5283, оп. 17, д. 304, л. 184; д. 307, л. 122.

⁹¹ Там же, д. 308, л. 11—12.

⁹² ДиМ, т. X, док. 153.

которые тоже в какой-то мере занимались пропагандой советского передового опыта. ОПСД, являясь наиболее массовой общественной организацией с разветвленной сетью низовых организаций, имело возможность для повсеместного распространения передового советского опыта. Передача советского опыта не только повышала технические знания польских трудящихся, но и способствовала их ознакомлению с социально-политическими и культурными достижениями в СССР. Связи и сотрудничество ВОКС и ОПСД в области передачи передового производственного и научного опыта — наглядный пример братской дружбы СССР и Польши.

В. Ф. КАДАЦКИЙ

БОРЬБА БКП ПРОТИВ МОНАРХО-ФАШИЗМА И ПОЛИТИКА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В БОЛГАРИИ

Весной 1936 г. в Болгарии закончился первый этап борьбы демократических сил, направленной на восстановление конституционно-парламентского режима в стране. Он начался после военно-фашистского переворота 19 мая 1934 г., а основным его содержанием являлись поиски путей и методов, форм и средств реализации демократических требований¹.

Компартия Болгарии на VI пленуме ЦК в феврале 1936 г. в основном определила курс антифашистской борьбы, который предусматривал, во-первых, всемерное развертывание этой борьбы и вовлечение в нее широких масс и, во-вторых, установление единства действий компартии со всеми силами, заинтересованными в свержении фашистского режима — с мелкобуржуазными и нефашистскими буржуазными партиями. Достигнуть выполнения этих двух задач компартия рассчитывала в рамках народного фронта, с предложением о создании которого она и обратилась к этим партиям.

Демократическая, Национал-либеральная партии и Демократический стовор, составлявшие буржуазную часть оппозиционных фашизму сил, с первого же дня ликвидации конституционно-парламентского режима исключали как возможность установления сотрудничества с компартией, так и необходимость вовлечения народных масс в борьбу против фашизма. Они делали упор на восстановление конституции в ходе переговоров с царем, путем получения уступок и достижения компромиссов с фашистской реакцией. Вместо единства действий всех демократических сил эти партии направляли свои усилия на то, чтобы привлечь на свою сторону мелкобуржуазные партии, и в первую очередь БЗНС, которые являлись третьей составной частью демократической оппозиции. Будучи не в состоянии определить свои, особые пути борьбы, они стояли перед необходимостью сделать выбор одной из двух тактик антифашистской борьбы.

Создание в конце мая 1936 г. «пятерки» — коалиции пяти партий: БЗНС «Врабча I», Демократического стовора, БРСДП, Национал-либеральной и Радикальной — свидетельствовало о том, что основные мелкобуржуазные партии в лице БЗНС «Врабча I», а также БРСДП официально сделали выбор в пользу тактики нефашистских буржуазных партий. Фактическим руководителем «пятерки» стал лидер БЗНС «Врабча I»

¹ В. Ф. К а д а ц к и й. Антифашистская борьба демократических сил Болгарии (май 1934 — май 1936 гг.). «Советское славяноведение», 1978, № 2, с. 12—27.

Д. Гичев. Ее возникновение объяснялось прежде всего тем, что лидеров буржуазно-демократических партий тревожил нарастающий размах классовых выступлений трудящихся, организующей и направляющей силой которых являлась компартия, перспективы и возможные последствия роста этих выступлений. С другой же стороны, в обстановке резко возросшего в народе недовольства режимом монархо-фашистской диктатуры лидеры буржуазно-демократической оппозиции чувствовали себя смелее и, хотя их действия не переходили границы лояльности по отношению к монарху, они в меньшей степени опасались ответной реакции властей.

Забастовка рабочих всех табачных предприятий страны стала важной вехой в развитии стачечного движения, а в более широком плане и в движении за народный фронт². За ней последовали стачечные выступления текстильщиков в ведущих центрах этой отрасли промышленности Болгарии — Габрове и Сливене. А в июне страну охватила всеобщая забастовка — на этот раз уже шоферов, парализовавшая автомобильное движение во всей стране.

Антифашистские выступления трудящихся, организованные компартией в мае — июне 1936 г., а также активизация буржуазно-демократической оппозиции вызвали в стране острый политический кризис³. В стремлении как-то разрядить обстановку министр внутренних дел Сапов распорядился возобновить работу по составлению списков для голосования⁴. И действительно, по Софии стали циркулировать слухи о предстоящем привлечении в состав правительства деятелей буржуазно-демократических партий.

Наступление демократических сил, поставившее монархо-фашистский режим в кризисную ситуацию, создало благоприятные условия для реализации политических и социально-экономических требований демократического характера. В этих условиях компартия вновь выступила с инициативой объединения всех демократических сил с тем, чтобы совместными усилиями нанести сокрушительный удар монархо-фашистскому режиму и восстановить демократические порядки в стране. Выражая свое отношение к появлению «пятерки» и ее действиям, компартия отмечала, что расчеты лидеров буржуазно-демократической оппозиции на восстановление конституционно-парламентского строя путем верхушечных переговоров, без организованной борьбы народных масс есть не что иное, как «самообман и косвенное содействие расколу народных сил, чреватое опасными последствиями для дела демократии»⁵.

Но и на этот раз предложения коммунистов были отвергнуты лидерами оппозиции, считавшими, что развитие событий подтверждает правильность их выводов относительно путей восстановления буржуазной демократии. Поведение «пятерки» и ее реакция на инициативу компартии объяснялись тем, что в июне 1936 г. Борис III, пытаясь преодолеть политический кризис, наконец принял (каждого в отдельности) лидеров оппозиции, заявивших царю о необходимости вернуть стране конституционно-парламентский строй. Царские аудиенции руководители оппозиции рассматривали как свидетельство плодотворности своей тактики «морального давления»⁶.

² Централен партиен архив на ЦК на БКП (далее — ЦПА ЦК БКП), ф. 3, оп. 4, д. 508, л. 20.

³ И. Д и м и т р о в. Българската демократична общественост, фашизмът и войната. София, 1976, с. 151.

⁴ За год до этого его предшественник ген. Атанасов прибег точно к такому же приему, что вызвало в стране много разговоров о возможном проведении выборов.

⁵ «Работническата партия в България 1927—1938. Сборник от документи и материали». София, 1966, с. 444—445.

⁶ «Искра», 20 VI 1936.

В противовес «пятерке» и другим партиям национал-социалистское движение (НСД) Цанка в переговорах с царем настаивало на ином выходе из политического кризиса. В своих многочисленных выступлениях сам А. Цанков и его последователи указывали, что лишь их партия сможет навести должный порядок. На страницах органа А. Цанкова газеты «Слово» не прекращалась шумная кампания в пользу передачи всей власти НСД, ибо, по мнению Цанкова, так называемый «беспартийный» режим монархо-фашизма, не имевший опоры в массах, не мог рассчитывать на длительное существование.

Далеко не последнюю роль в усилении позиций Цанкова играла нацистская Германия, видевшая в лидере болгарских фашистов надежного проводника своих интересов в Болгарии и на Балканах. Как отмечал в то время Т. Костов, «Гитлер активно поддерживает Цанкова не только советами, но и деньгами»⁷. Т. Костов указывал также на существование разработанного в Берлине плана захвата власти Цанковым⁸. Имеется и свидетельство В. Коларова о наличии «проектов Цанкова и Гитлера»⁹. Мы не располагаем этим документом. Однако, опираясь на ряд фактов, можно косвенным образом восстановить его суть¹⁰. Прежде всего бросается в глаза, что в 1936 г. гитлеровская Германия пыталась примирить Цанкова с земледельцами, прежде всего, с группой «Врабча I» в БЗНС. Ведущие органы гитлеровской печати «Фелькишер беобахтер» и «Дойче альгемайне цайтунг» советовали царю составить правительство из представителей НСД и БЗНС «Врабча I»¹¹.

Вскоре эти призывы были подкреплены делом — в августе 1936 г. гитлеровское руководство направило в Болгарию видного промышленника Лепсиуса, а вслед за ним и ген. Ганчева, жившего в Германии при «дворе» свергнутого болгарского царя Фердинанда и являвшегося агентом гитлеровцев. Лепсиус занялся урегулированием технической и финансовой стороны создания в Болгарии акционерного общества. А ген. Ганчеву было поручено материально заинтересовать и ввести в состав правления сколачиваемого Лепсиусом акционерного общества лидеров БЗНС «Врабча I» и НСД или их подставных лиц. Еще одним свидетельством крайней заинтересованности гитлеровцев в составлении правительственного кабинета из цанковцев и гичевцев, по мнению политических наблюдателей в болгарской столице, явился приезд в Софию руководителя культурной палаты рейха Г. Гинкеля — посла по особым поручениям Геббельса¹².

Правительство, сформированное при участии Цанкова и Гичева, должно было провести парламентские выборы. А с помощью нового избирательного закона и своих военизированных отрядов НСД намеревалось получить большинство на выборах и таким образом прорваться к власти.

Итак, по замыслу гитлеровцев, это правительство, участие в котором БЗНС «Врабча I» затрудняло бы создание народного фронта и оказание отпора Цанкову, должно было сыграть роль переходного на пути к овладению властью НСД и установлению в стране фашистской диктатуры под эгидой Цанкова.

⁷ Тр. Костов. Избрани статии, доклади, речи. София, 1964, с. 315.

⁸ Там же, с. 327.

⁹ ЦПА ЦК ВКП, ф. 3, оп. 4, д. 496, л. 11.

¹⁰ Подробнее об этом см. В. Ф. Кадацкий. К вопросу о роли нацистской Германии в развитии фашистского движения в Болгарии. «Sborník k problematice dejín imperializmu», Praha, 1978, sv. 5, díl 2, s. 493—516.

¹¹ В. Мигев. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България (1934—1936). София, 1977, с. 124.

¹² W. K o s c h. Biographisches Staatshandbuch. Lexikon der Politik, Presse und Publizistik. Erster Band. Bern und München, 1963, S. 533.

В Болгарии ярым поборником земледельческо-цанковской правительственной комбинации был военный министр Х. Луков, известный своими профашистскими воззрениями и связями с Германией. Подозрительную активность развил министр земледелия Р. Василев, имевший беседу с Г. Гинкелем во время пребывания последнего в Софии, а затем многократно встречавшийся с ближайшим помощником Д. Гичева В. Димовым¹³. Д. Гичев тайно встречался 17 июля 1936 г. с таким заинтересованным в осуществлении этого плана лицом, как Ж. Асеов, крупнейшим болгарским табачным магнатом, не только финансировавшим НСД, но и ближайшим другом А. Цанкова¹⁴.

Несмотря на все прилагавшиеся усилия, эти замыслы потерпели провал. После долгих колебаний Д. Гичев ответил отказом на предложение о создании с Цанковым правительственного кабинета для проведения парламентских выборов. Слишком велика была опасность взрыва недовольства крестьянских масс таким конъюнктурным соглашением, пусть даже временным. Впрочем, на решение Гичева повлияла и возможная «расшифровка» фашистских замыслов царем, со своей стороны опасавшимся их реализации, поскольку это вело к отстранению его от власти.

4 июля 1936 г. Борис III утвердил новый кабинет министров, основу которого составляли преданные ему чиновники, а два второстепенных поста были предоставлены сторонникам Цанкова. В правительственной декларации было сказано, что основной целью этого кабинета является проведение до октября 1936 г. «свободных выборов в парламент». Цанков, уверенный в том, что любая правительственная комбинация — с БЗНС «Врабча I» или с царским двором — после «свободных» выборов приведет его к власти, немедленно приветствовал сформирование такого правительства, охарактеризовал его как важный этап на пути к созданию «новой» Болгарии, в которой не будет места для «старых партий». В своих заявлениях для печати он не скрывал, что считает это правительство «своим»¹⁵.

Весь июль руководство НСД направляло свои усилия на должную подготовку к парламентским выборам. В середине июля в Софии была созвана конференция руководящих деятелей НСД, участники которой занялись обсуждением задач НСД в свете предстоящих выборов, предвыборной платформы партии и форм партийной организации с целью приспособить всю деятельность партии к захвату власти. Конференция утвердила организационное строение партии, поставив в основу ее принцип «фюрерства». «Вождь» Цанков назначал себе двух помощников и «высший совет» — совещательный орган, состоявший из 16 человек. Вспомогательным органом «вождя» являлся так называемый «центр», включавший в себя четыре секции — политическую, агитации и пропаганды, социальную и молодежную¹⁶. Было принято решение о создании на конспиративных началах штурмовых отрядов. Для их вооружения у НСД имелись склады оружия. Щедрым потоком потекли в кассу НСД денежные средства от многочисленных представителей финансовой и торгово-промышленной буржуазии. Руководители НСД заявляли в тот момент, что во всех отношениях состояние их партии и виды на власть лучше, чем когда бы то ни было ранее¹⁷.

¹³ И. Димитров. Там же, с. 184.

¹⁴ Архив на Министерството на вътрешните работи (далее — АМВР), об. 21166, л. 112.

¹⁵ «Слово», 9 VII 1936.

¹⁶ «Политика», 9 VIII 1936.

¹⁷ АМВР, об. 1454—II, л. 51.

Таким образом, политический кризис 1936 г. создал реальную угрозу прихода к власти палача болгарского народа А. Цанкова. Большая доля ответственности за это ложилась на деятелей буржуазно-демократической оппозиции. Их поведение в тот критический для болгарского фашизма момент явилось основной причиной того, что благоприятная для реализации демократических требований обстановка не была использована антифашистскими силами. Эти события явились подтверждением точки зрения коммунистов, что раскол демократических сил идет на пользу лишь фашизму.

В связи с опасностью прихода к власти А. Цанкова и его «движения» и установления в стране еще более свирепой фашистской диктатуры компартия предприняла энергичные меры для оказания отпора планам реакции. В июле 1936 г. между компартией и БРСДП было подписано соглашение о совместных действиях, направленных на восстановление в стране конституционно-парламентского режима, роспуск и пресечение деятельности фашистских партий и организаций¹⁸. Но правые деятели в руководстве БРСДП, связав свою деятельность с «пятеркой», не думали выполнять это соглашение.

Однако сам факт подписания антифашистского соглашения с БКП свидетельствовал о том, что лидеры социал-демократии, которые вынуждены были считаться с требованиями основной массы членов партии, не могли, как это было раньше, игнорировать компартию. Подобные же процессы протекали и в среде земледельцев, которые категорически требовали от руководства БЗНС заключить антифашистский союз с компартией¹⁹.

Настойчивые усилия БКП по сплочению демократических сил и созданию народного фронта снизу привели к тому, что осенью 1936 г. в стране насчитывалось около 90 комитетов народного фронта²⁰. Хотя число этих комитетов далеко не удовлетворяло требований антифашистской борьбы, тем не менее, это было крупным успехом компартии, если учесть, что они создавались в условиях не только постоянных преследований со стороны властей, но и многочисленных препятствий, чинимых лидерами буржуазно-демократической оппозиции. Целеустремленная деятельность по организации антифашистской борьбы вывела БКП в число ведущих политических сил в демократическом лагере и в стране в целом.

Во второй половине 1936 г. БКП начала переговоры с лидерами «пятерки». Отказываясь принять компартию в свои ряды, руководители этой буржуазно-демократической группировки, тем не менее, не исключали возможности установления тесного сотрудничества с ней в деле восстановления демократии²¹. Переговоры компартии с лидерами «пятерки», а также заключение антифашистского соглашения с руководством БРСДП свидетельствовали о том, что БКП сделала большой шаг на пути к созданию в стране народного фронта, а «пятерка» в известном отношении отступила от ранее избранной тактики действий.

Все это подтверждало опасения Демократической партии, имевшиеся у нее еще на заре становления «пятерки», относительно возможных последствий руководящей роли мелкобуржуазных деятелей в блоке буржуазных нефашистских и мелкобуржуазных партий. Демократическая партия была и оставалась самым решительным противником какого-либо диалога с компартией.

¹⁸ «Работническата партия в България...», с. 444—445.

¹⁹ «Стенографски дневници на XXIV ОНС. I РС». София, 1939, с. 360.

²⁰ Г. Р а д е в. Борбата на БКП за народен фронт по време на общинските избори през март 1937 г. «Известия на Института по история на БКП», т. 12. София, 1964, с. 155.

²¹ В. Г е о р г и е в. Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България. София, 1971, с. 250.

Известие об установлении сотрудничества БКП с «пятеркой» было встречено с яростью фашистской реакцией, увидевшей в нем опасный для себя прецедент, который может привести к созданию народного фронта. В стремлении не допустить этого фашисты использовали различные средства, не останавливаясь даже перед провокациями. Так, летом 1936 г. ими усиленно муссировались слухи о том, что компартия якобы готовится к перевороту²². Этим реакция пыталась отвлечь внимание общественности от партии Цанкова, настроившейся на фашистский переворот.

Лишь в начале августа 1936 г. Цанков понял планы царя: обещанием провести парламентские выборы в ближайшие месяцы и передать власть в его руки привлек НСД в правительство, оттянул время, необходимое для принятия соответствующих мер, которые позволят благополучно вывести монархо-фашизм из политического кризиса. Другой неприятной неожиданностью для Цанкова явилось возникновение широкой оппозиции его притязаниям на власть. Наряду с коммунистами и социал-демократами, заключившими соглашение о едином фронте, с решительными осуждениями, больше того — угрозой ответных действий в случае каких-либо акций со стороны Цанкова — выступили даже национал-либералы²³ и видные представители генералитета, связанные с уволенными в отставку руководителями Военного союза и заявлявшие, что двинут «на Софию свои полки».

Принимая все это во внимание, Цанков был вынужден отказаться от осуществления в начале августа 1936 г. переворота с помощью своих штурмовых отрядов, полиции и части реакционного генералитета. Тем более, что в Германии без восторга отнеслись к этой затее Цанкова; там все еще делали ставку на земледельческо-цанковский мезальянс.

Осенью 1936 г. НСД изменяет свою тактику. Цанков пытался представить себя защитником и сторонником восстановления Тырновской конституции со всеми предусмотренными в ней правами и институтами. На этой почве он стал предпринимать меры к установлению сотрудничества с буржуазно-демократической оппозицией. Изменение тактики НСД объясняется двумя обстоятельствами. Цанкову, деятельность которого власти стали ограничивать, вновь понадобились буржуазно-демократические свободы для собирания сил и подготовки нового штурма в борьбе за власть. Кроме того, демократической фразеологией неудавшийся диктатор рассчитывал рассеять имевшиеся у буржуазно-демократической оппозиции подозрения в отношении НСД.

На изменение тактического курса НСД повлияло и видимое охлаждение Германии к Цанкову. Состоявшиеся в конце года переговоры Гитлера с прибывшим в Берлин лидером болгарских фашистов закончились для последнего неутешительно. Не помог Цанкову и прибывший вслед за ним в Германию его «политический багаж» — три лидера маловлиятельной в БЗНС фракции: Г. Йорданов, Н. Атанасов и Х. Стоянов. На протяжении полугода безуспешно бившийся над решением поставленной ему гитлеровцами задачи Цанков рассчитывал достигнутым в ноябре 1936 г. соглашением НСД с этой группировкой в БЗНС²⁴ компенсировать свою неудачу с созданием столь желанной Германией комбинации с влиятельной гичевской фракцией. В конце 1936 г. Германия, потеряв веру в способности А. Цанкова, но не сбрасывая его окончательно со счетов, решила сделать ставку на новые, с ее точки зрения более перспективные фигуры — «ратников», «легионеров» и т. д.

²² «Нелегални позиви на БКП». София, 1954, с. 152.

²³ «Политика», 5 VIII 1936.

²⁴ АМВР, об. 830, л. 56.

К этому времени монархо-фашистский режим сумел оправиться от нанесенных ему антифашистами весной—летом 1936 г. ударов. Вольно или невольно содействовали этому данковское НСД и буржуазно-демократическая оппозиция, поскольку те и другие были полны надежд получить власть из рук царя.

Используя сравнительно благоприятную внутривнутриполитическую конъюнктуру, царское правительство осуществило ряд мероприятий, способствовавших укреплению позиций монархо-фашистской клики в государственном аппарате, армии, и самое главное, в господствующем классе. К концу лета 1936 г. правительство приняло законы о промышленности, таможенном тарифе, акцизном сборе, трудовом договоре, коллективном трудовом договоре. Классовый характер социально-экономической политики монархо-фашистского правительства ярко проявился в законе о промышленности. Под предлогом «насыщенности» закон санкционировал практику правительственных запретов на расширение или создание предприятий в той или иной отрасли промышленности. В результате за существующими крупными предприятиями закреплялось монопольное положение²⁵. Более того, министерству промышленности, торговли и труда предоставлялось право концентрировать производство путем укрупнения больших предприятий и закрытия — с выплатой определенной компенсации — малых. Правительство брало на себя обязательство различными мерами — предоставлением разного рода финансовых льгот капиталистам при снабжении их предприятий сырьем, транспортом, обеспечением участия в государственных поставках и т. д. — стимулировать развитие промышленности.

Закон о таможенном тарифе предоставил правительственным органам, состоявшим из крупных капиталистов, право повышать пошлины на те иностранные товары, которые, по их мнению, были предметом демпинга или пользовались экспортными премиями, выплачиваемыми вывозящим их государством²⁶. Следует сказать, что этого закона капиталисты добились давно. Еще 8 июля 1936 г. вице-председатель Союза промышленников Пеев заявил, что в беседе с царем болгарские капиталисты высказались против понижения пошлин на товары своих иностранных конкурентов.

Полностью отвечали интересам предпринимателей и законы о трудовом договоре и о коллективном трудовом договоре. Используя лазейки, имевшиеся в первом из них, предприниматель мог без предупреждения уволить неугодных ему рабочих, задержать выплату зарплаты, значительно уменьшить число рабочих, имевших право на отпуск. Закон о трудовом договоре запрещал проведение забастовок.

Объектом неустанных забот монархо-фашистских правительств еще с весны 1935 г. являлся весьма влиятельный в Болгарии крупный торговый капитал. В угодю крупнейшим экспортерам сельскохозяйственной продукции в октябре 1935 г. был создан так называемый Экспортный институт²⁷, представлявший собой государственно-монополистическую организацию. В результате государство, устранив от экспортных операций мелких и средних торговцев, а также кооперации, закрепило монополию на внешнюю торговлю за небольшой группой крупнейших торговцев. Автоматически эта же кучка капиталистов получала неограниченные возможности для ограбления производителей сельскохозяйственной продукции, вынужденных из-за отсутствия спроса соглашаться на предлагаемые им крайне низкие закупочные цены.

²⁵ «Икономика на България», т. I. София, 1969, с. 585—587.

²⁶ «Днес», 13 VIII 1936.

²⁷ «Държавен вестник», 2 X 1935.

Вслед за этим, по требованию крупнейших представителей торгового капитала, действовавших на внутреннем рынке, органы государственной власти приступили к разработке закона о регламентации внутренней торговли. Заправлявшие в ЦК Общего союза болгарских торговцев (ОСБТ) крупнейшие капиталисты, непосредственно участвовавшие в составлении этого закона, в ответ на свои требования предоставить им монопольные права на внутреннем рынке, неизменно получали от правительства заверения в содействии²⁸. Неудивительно, что на аудиенции у царя в июне 1936 г., т. е. в самый разгар политического кризиса, делегация ЦК ОСБТ заявила о своей поддержке существовавшего режима, а царь, в свою очередь, обещал и далее оказывать этим своим союзникам содействие в удовлетворении их требований и нужд. Трогательное единство царя-фашиста и крупного торгового капитала выразилось в том, что на этой же аудиенции Борис III был провозглашен почетным председателем и покровителем ОСБТ²⁹.

Таким образом, все социально-экономическое законодательство монархо-фашистского правительства отвечало интересам господствующего класса. Болгарские капиталисты ограждались от натиска иностранных конкурентов, органы государственной власти способствовали созданию монопольного положения крупным предпринимателям, обеспечивали спрос на их продукцию и, наконец, запретив забастовки, обещали установить «социальный мир».

В результате за короткий промежуток времени монархо-фашизм завоевал симпатии и поддержку у многих представителей господствующего класса. Вот почему социально-экономические мероприятия правительства быстро отразились на организационном состоянии буржуазных партий, в том числе и НСД. В этом отношении для понимания процесса перелива сил в стане буржуазии характерен пример с Хр. Статевым. Этот политический хамелеон в свое время из национал-либералов «перекрестился» в цанковца и занимал видное положение в НСД. В начале сентября 1936 г. он переметнулся на сторону царя и выступил в прессе с явно инспирированной дворцом статьей, которая была направлена против попыток Цанкова найти пути к соглашению с Гичевым³⁰.

Прямым следствием консолидации монархо-фашизма явился переход от летней политической «либерализации» режима к жесткой политике по отношению ко всяким политическим партиям. Власти теперь уже были в состоянии положить конец той относительной свободе действий, которую был вынужден дать монархо-фашизм буржуазно-демократическим партиям летом 1936 г., чтобы не вызвать в момент своего кризиса с их стороны решительных действий. Сделать это было тем более необходимо, что активизация политической деятельности представляла для монархо-фашизма немалую опасность. Правительственные органы и раньше пресекали любую попытку оппозиционных лидеров выйти за рамки дозволенной «либерализации» и из-под контроля властей. Так, еще в августе в полицию были вызваны национал-либеральные лидеры Б. Смилов и М. Арнаулов, которым учинили допрос — первому за разосланный им циркуляр о реорганизации партийных кадров на местах и о предстоящем созыве партийного совещания, а второму — за изданную им брошюру о политическом положении в стране. В августе в г. Лом, а затем в сентябре 1936 г. в г. Шумен полиция завела судебное дело на членов Демократической партии, которые

²⁸ Централен държавен исторически архив (далее — ЦДИА), ф. 370, оп. 4, д. 97, л. 54.

²⁹ ЦДИА, ф. 370, оп. 4, д. 97, л. 42.

³⁰ «Зора», 18 IX 1936.

пытались организовать свои собрания³¹. В сентябре 1936 г. власти изъяли номер газеты «Нация и земля», издаваемой Гр. Василевым и другими деятелями Демократического сговора, за обращение политического характера к читателям. Уволен был с поста заместителя мэра Софии Хр. Радославов, подписавший выпущенный национал-либеральной партией циркуляр к членам партии.

С особым вниманием власти следили за деятельностью Земледельческого союза, от которого в значительной степени зависело развитие событий в демократическом лагере. Как весьма опасный симптом в настроениях крестьянских масс расценивали власти инцидент, имевший место в с. Голямо-Конаре, недалеко от Пловдива. Здесь 26 августа 1936 г. функционеры гичевского БЗНС организовали совещание, в котором приняли участие свыше 50 земледельцев. Полиция разогнала участников, арестовав несколько человек. Однако на помощь арестованным пришли их товарищи. Более 1000 человек окружили здание, куда поместили арестованных, и попытались их освободить³². В ответ полицейские открыли огонь. Только с помощью специально прибывших из Пловдива полицейских сил властям удалось ликвидировать крестьянские волнения в деревне. Было арестовано несколько десятков человек. Против 15 наиболее активных участников и организаторов совещания было начато следствие, которое вел директор болгарской полиции.

Укрепление позиций монархо-фашизма летом — осенью 1936 г. происходило по мере того, как все в большей степени расширялась социальная опора режима. Но поскольку своих новых сторонников монархо-фашизм вербовал почти исключительно из приверженцев НСД и буржуазной нефашистской оппозиции, то результатом этого процесса явилось ослабление политических позиций последних. Это обстоятельство в свою очередь имело важные последствия для развития событий в демократическом лагере страны. Ослабление в нем нефашистских буржуазных партий неизбежно влекло за собой и ревизию тактики их борьбы мелкобуржуазными партиями, ранее целиком ее воспринимавшими. Основанием для пересмотра этой тактики явился неуспех всей предшествующей деятельности, а фактором, способствовавшим этому пересмотру, — снижение удельного веса нефашистской буржуазии в антифашистском движении. В буржуазно-демократической оппозиции ослабление нефашистского буржуазного компонента сопровождалось усилением роли компонента мелкобуржуазного, т. е. гичевского БЗНС, предпринявшего в конце 1936 г. первые шаги к пересмотру своей деятельности. Глубинные процессы, происходившие в рядах буржуазно-демократической оппозиции, дают ключ к пониманию событий 1937—1938 гг. в антифашистском движении.

В октябре 1936 г. царь вывел из состава правительства двух цанковцев. Премьер-министр Г. Кьосеиванов предложил вакантный пост лидеру одной из фракций Радикальной партии, члену «пятерки» Г. П. Генову, предполагая тем самым расколоть этот оппозиционный блок. Эта попытка не увенчалась успехом. Новое правительство отказалось от проведения в ближайшем будущем парламентских выборов, но обещало произвести муниципальные выборы. По настоянию царя пост министра железных дорог занял ген. Йовов, уже являвшийся министром в первом кабинете Кьосеиванова (ноябрь 1935 — июль 1936 гг.). В назначении Йовова многие политические наблюдатели в Софии усматривали стремление царя добиться примирения с действующими и уволенными в отставку офицерами — приверженцами разгромленного властями Военного союза.

³¹ «Трибуна», 21 IX 1936.

³² ЦПА ЦК БКП, ф. 3, оп. 4, д. 513, л. 64.

По распоряжению царя Йовов в течение нескольких месяцев до своего назначения министром вел переговоры с рядом бывших руководителей этой организации с целью установить «единство армии» на основе проведения царем «беспартийного курса» во внутренней политике и «дружбы с Югославией» — во внешней.

Политические наблюдатели в болгарской столице предполагали, что царь ради такого примирения с недавними политическими противниками, а точнее говоря ради укрепления позиций в армии — одним из основных столпов своей диктатуры — пожертвует военным министром ген. Луковым. Такой прогноз был достаточно правдоподобен. Дело в том, что Луков, являвшийся непосредственным организатором разгрома Военного союза и гонений на его членов, был личностью, ненавистной офицерам — участникам Военного союза. Однако готовность царя расстаться с Луковым не следует объяснять лишь его желанием «угодить» репрессированным офицерам. Давление, оказываемое Луковым на царя с целью составить правительство из членов НСД и БЗНС «Врабча I»³³, и его связи с руководством нацистской Германии позволяют с большой степенью вероятности предположить, что он был одним из основных исполнителей германского замысла, направленного на передачу всей полноты власти в руки Цанкова³⁴. Видимо, это обстоятельство толкало царя, который, как правило, одним выстрелом стремился поражать несколько политических целей, к тому, чтобы вывести из игры Лукова, во-первых, и во-вторых, укрепить устои своей диктатуры за счет привлечения к себе новых слоев офицерства. Миссия, возложенная царем на Йовова, потерпела провал. Об этом свидетельствовали аресты многих видных деятелей и функционеров Военного союза и «Звена», проведенные политической полицией с 20 по 23 ноября 1936 г., и последовавшее за этим интернирование их в провинцию. Из большой массы уволенных царем в запас офицеров, связанных с Военным союзом, лишь небольшая, и притом не имевшая политического веса часть согласилась занять предложенные им властями посты в Дирекции трудовой повинности и в Обществе газовой защиты. Руководящее ядро уволенных офицеров, являвшееся объектом внимания царя, отклонило попытки примирения и повело против Бориса III решительную борьбу по многим вопросам внутренней и внешней политики страны.

Принцип «беспартийности» при составлении правительства и фактический отказ царя от демократизации страны вызвали резкое недовольство в кругах буржуазно-демократической оппозиции. Обманутая в своих ожиданиях «пятерка» направила царю 8 ноября 1936 г. новый меморандум, в котором впервые всю ответственность за создавшееся положение возложила на царя³⁵. Довольно резкий тон меморандума, хотя и не вышедший за рамки лояльности, явственно давал понять царю, что оппозиция намеревается приступить к более активным действиям. И действительно, в качестве ответной меры на «жесткий курс» режима «пятерка» по инициативе БЗНС «Врабча I» принимает решение провести в стране демонстрацию протеста. Однако цель, которую ставили перед этими демонстрациями оппозиционные лидеры, была крайне ограничена: заставить царя принять руководителей «пятерки», которые высказали бы ему свое недовольство и свои предложения.

Чтобы не допустить политических выступлений, полиция с 20 по 23 ноября 1936 г. организовала повальные обыски и аресты функционеров-гичевцев, видных деятелей БЗНС «Врабча-I». Прямо из полицейских участ-

³³ И. Д и м и т р о в. Там же, с. 166.

³⁴ Характерно, что когда царь в январе 1938 г. все же уволил Лукова в отставку, самые скорбные голоса раздавались в рядах НСД.

³⁵ В. Г е о р г и е в. Там же, с. 251—252.

ков около 300 арестованных были отправлены на временное поселение в провинцию, другие же были поставлены под гласный надзор полиции. Превентивные аресты и ссылки сорвали планировавшиеся демонстрации. Заслуживает внимания тот факт, что из всей буржуазно-демократической оппозиции преследованиям подверглись лишь члены БЗНС «Врабча I». И этот факт закономерен, ибо земледельцам принадлежала инициатива организации этих выступлений и именно земледельцы составили бы ядро демонстраций. Тенденция к эмансипации мелкобуржуазных партий от тактики нефашистской буржуазии было налицо.

Наглядным примером этого процесса может служить представляющая исключительный интерес листовка БЗНС «Врабча I» от 25 ноября 1936 г. Она является своего рода итоговым документом, можно сказать политическим отчетом руководства БЗНС «Врабча I» о своей деятельности за весь период, прошедший со времени майского переворота 1934 г. Руководители БЗНС «Врабча I» были вынуждены признать, что меморандум от 29 мая 1936 г. и другие акции «пятерки» не привели к восстановлению демократии, т. е. что их деятельность — а в основе ее лежала тактика «морального давления» — не увенчалась успехом. Руководство БЗНС «Врабча I», охарактеризовав политическое положение в стране, обрисовало и возможные перспективы своей дальнейшей деятельности. В частности, в листовке говорилось, что если и впредь страной будут управлять «безответственные правительства», приведшие болгарский народ «к крайнему обеднению и вырождению» и делавшие из него бесправного раба, то опасность конфликта между «двумя конституционными факторами» — царем и народом — неизмеримо возрастет, и в конце концов он может стать неизбежным. «Тяжкую ответственность примут на себя те, кто заставил бы народ начать борьбу за завоевание отнятых прав и свобод», — заявляли далее лидеры БЗНС «Врабча I». Эти слова, как и традиционный налет «верноподданничества», присутствовавший в листовке, свидетельствовали о том, что руководство БЗНС «Врабча I» еще полностью не осознало пагубности прежней тактики и необходимости покончить с ней. «Конфликт» с царем был для него явно нежелательным, вынужденным средством для решения проблемы. Поэтому было бы ошибкой не учитывать этих настроений; но еще большей ошибкой было бы не заметить того, что в сложившихся в конце 1936 г. условиях земледельческие лидеры уже не исключали возможности применения более радикальных форм борьбы. В заключительной части листовки содержался призыв к народу быть начеку, пресекая любые попытки властей поработить его; народ должен быть готовым отстаивать свои человеческие и гражданские права. Членов и единомышленников БЗНС листовка также призывала сплотиться и готовиться к совместной со всеми приверженцами демократии борьбе за восстановление суверенитета народа. Таким образом, ноябрьская листовка БЗНС «Врабча I» не оставляла сомнений в том, что в рядах его руководства отчетливо наметилась эволюция взглядов в пользу перехода к более активным и решительным формам борьбы³⁶.

Развитие этого процесса происходило под влиянием нескольких факторов. Во-первых, к пересмотру тактики руководство БЗНС «Врабча I» толкала безрезультатность деятельности «пятерки». Социально-экономическое законодательство монархо-фашизма привело к уменьшению рядов нефашистской буржуазии и ослаблению ее партий — носителей тактики «пятерки». Это усилило позиции народного фронта в антифашистском лагере страны и явилось вторым фактором, положившим начало ревизии земледельческим руководством прежних форм и методов борьбы. Наконец,

³⁶ ЦПА ЦК БКП, ф. 3, оп. 1, д. 515.

на позицию БЗНС влияла многогранная деятельность БКП, все это время самостоятельно поднимавшей народные массы на борьбу с фашизмом.

Компартия, добиваясь установления на местах сотрудничества с антифашистами из других партий, препятствовала упрочению монархофашизма в среде трудящихся масс. Политические настроения трудящихся проявлялись, в частности, на собраниях, проходивших в рамках казенных профсоюзов, которые во второй половине 1936 г. коммунисты сделали основной ареной борьбы за создание единого фронта. В сентябре 1936 г. на общем собрании делегатов Болгарского рабочего союза Софии большинство оказалось на стороне единого фронта. Тогда полиция разогнала собрание, а власти отказались утвердить его решения. 11 октября после тщательного отбора делегатов власти устроили новое собрание. Несмотря на принятые меры, им с трудом удалось добиться утверждения собранием официального списка кандидатур. За него проголосовало 197 человек, тогда как оппозиционный список получил голоса 113 делегатов.

Подобные явления происходили и в среде ремесленников. Ввиду преобладания левых элементов в руководстве софийской организации Союза ремесленников власти назначили выборы. Однако и на выборах, состоявшихся 27 октября, антифашистская оппозиция вновь одержала победу над ставленниками властей. Эти успехи стали возможными благодаря тому, что компартия, сделав верный анализ настроений ремесленников, усилила свою деятельность по вовлечению этой категории трудящихся в антифашистскую борьбу³⁷.

Новые веяния в деятельности БЗНС «Врабча I» вызвали глубокое беспокойство у лидеров буржуазных партий. На повестку дня у последних встал вопрос — не допустить перехода мелкобуржуазных партий на позиции борьбы, лежащие в основе народного фронта. В этом отношении основную надежду нефашистская буржуазия возлагала на «запасной вариант», на свой резерв — Демократическую партию. И осенью 1936 г. Демократическая партия поспешила на помощь своим единомышленникам в «пятерке», предложив создать новую политическую группировку, в которую наряду с ней вошли бы партии, представленные в «пятерке», цанковское НСД и группа оппозиционных Гичеву земледельцев. В этом же направлении стали действовать и буржуазные партии «пятерки». Сразу же после выхода НСД из правительства национал-либерал Смилов встретился с Цанковым с целью выяснения политических планов последнего. Цанков сообщил Смилову, что он намерен действовать совместно с другими буржуазно-демократическими партиями с тем, чтобы добиться проведения выборов, восстановления политических свобод и т. д. Буржуазные партии «пятерки» проявляли готовность установить самое тесное сотрудничество с вновь появившимся союзником³⁸. Наряду с этим «пятерка», и прежде всего опять же буржуазная ее часть, высказывала заинтересованность в заключении союза с Демократической партией.

В начале ноября 1936 г. состоялось несколько встреч руководителей «пятерки» с Малиновым и Цанковым, на которых обсуждались возможности совместного выступления перед царем. Малинов и Цанков настоятельно требовали подключения к планировавшейся акции лидеров других, конкурирующих с Гичевым фракций БЗНС.

В то же время неоднократные предложения компартии об установлении сотрудничества с «пятеркой» неизменно отвергались буржуазно-демократическими лидерами, среди которых в это время все еще преобладало мнение об «опасности» союза с БКП и о том, что для «пятерки» будет

³⁷ ЦПА ЦК БКП, ф. 6, оп. 1, д. 390, л. 1.

³⁸ АМВР, об. 830, л. 59.

лучше, не допуская компартию в свой круг, к своей деятельности за восстановление конституции и не принимая на себя никаких обязательств по отношению к ней, воспользоваться ее содействием в случае проведения выборов.

Какие цели ставила перед собой Демократическая партия, пытаясь сколотить новый политический блок? Во-первых, участие в этой группировке правых земледельцев — непримиримых оппонентов Гичева в земледельческом движении — привело бы к ликвидации доминирующей роли БЗНС «Врабча I», а значит, и мелкобуржуазного компонента в целом. Следовательно, на руководящие позиции выдвинулась бы Демократическая партия, что явилось бы одной из гарантий укрепления тактики нефашистских буржуазных партий. Оживить эту тактику должна была и консолидация этих партий в рамках единой группировки. Наконец, важную роль демократы Малинова и их союзники отводили участию в планируемой группировке фашистского НСД, перешедшего осенью 1936 г. в оппозицию к монархо-фашизму и стремившегося выйти из политической изоляции. Подключением Цанкова к буржуазно-демократической оппозиции Малинов и Мушанов надеялись воспрепятствовать переходу всей оппозиции к формам и методам массовой, всенародной борьбы с фашизмом. Действительно, участвуя в такой группировке, Цанков безусловно был бы ярким противником народного фронта, и в этом смысле являлся бы для нефашистских буржуазных партий бесценным союзником в их стремлении не допустить сдвига влево, к которому тяготели мелкобуржуазные партии. Кроме того, лидерам Демократической партии была известна принципиальная позиция компартии, убежденной в том, что любое сотрудничество демократических партий с Цанковым означало реабилитацию палача болгарского народа. Поэтому, включив Цанкова в свои ряды, оппозиция знала, что компартия не присоединится к ней.

Но этим планам лидеров Демократической партии и ее буржуазных союзников не суждено было осуществиться. Народные массы внесли свои коррективы в проектируемые комбинации. 20 декабря 1936 г. сотни антифашистов по призыву БКП провели мощную демонстрацию перед домом А. Цанкова и тем самым подтвердили свою боевую решимость не допустить блокирования своих лидеров с цанковским НСД. После этого события, отражавшего настроения всех антифашистов, в тот момент не могло идти и речи о коалиции с Цанковым. В самом конце 1936 г. на похоронах замечательного гражданина и патриота, ученого Ас. Златарова 50 000 человек, участвовавших в траурном шествии, продемонстрировали не только свою верность демократическим идеалам, но и свою решимость бороться за их торжество единым фронтом.

Не увенчалась успехом и попытка Малинова включить в эту группировку диссидентов из земледельческого движения: его предложения вновь встретили решительное возражение Гичева.

Ввиду этого продолжавшиеся около двух месяцев переговоры представителей «пятерки» с Малиновым и Цанковым не увенчались успехом. Буржуазным партиям не удалось осуществить реорганизацию «пятерки», которая поставила бы мелкобуржуазные партии под контроль буржуазных союзников. Предпринятые буржуазными партиями попытки сохранить прежнюю тактику борьбы с монархо-фашизмом не дали желаемых результатов. В конце 1936 г. «пятерка» по настоянию левых социал-демократов и Гичева допускает на правах наблюдателя в свой круг компартию. На рубеже 1936—1937 гг. появляется «Всенародное требование» — политический документ, разработанный «пятеркой» совместно с компартией. С появлением этого документа антифашистская борьба вступила в новый этап.

Политические манипуляции противников народного фронта в конце 1936 г. ознаменовали собой завершение второго этапа борьбы демократических сил страны против монархо-фашистской диктатуры. Этот этап продолжался сравнительно недолго — всю вторую половину 1936 г., но именно тогда были заложены чрезвычайно важные основы для последующего развития антифашистской борьбы.

Подводя итоги второго этапа, можно сделать следующие основные выводы. Развитие антифашистской борьбы на этом этапе происходило по двум линиям: в рамках «пятерки» и в рамках народного фронта. Усилия компартии направить борьбу демократических сил в единое русло неизменно наталкивались на противодействие буржуазно-демократической оппозиции, и поэтому на протяжении всего времени эти две линии антифашистской борьбы развивались параллельно.

Основанная на принципах тактики «морального давления», деятельность «пятерки» не привела и не могла привести к восстановлению конституции и парламентаризма. Жизнь показала несостоятельность этой тактики. Как следствие этого в конце 1936 г. проявилось стремление мелкобуржуазных партий перейти к более активным формам борьбы, к которым их звала БКП. Кризис тактики нефашистских буржуазных партий совпал по времени с окончательным закреплением у власти монархо-фашизма³⁹. И это совпадение было не случайным. Именно потому, что демократический лагерь страны был скован этой тактикой и народный фронт создать не удалось, монархо-фашизм сумел благополучно выйти из кризиса. Укрепление монархо-фашизма осенью 1936 г. со всей очевидностью показало народным массам несостоятельность тактики действий «морального давления», что в конечном итоге и привело к ее краху. Поэтому предпринятые Малиновым, Смиловым и другими деятелями попытки возродить эту линию борьбы в тот момент не увенчались успехом.

По мере того, как эта тактика борьбы все более и более компрометировала себя в глазах масс своей безрезультатностью, в демократическом лагере страны упрочивались идеи народного фронта и позиции компартии, которая неустанно претворяла их в жизнь.

---

³⁹ Вл. М и г е в. «Цанковото движение» и развитието на монархо-фашистката диктатура в България през 1937—1939 гг. «Годишник на Софийския университет», кн. III. София, 1969, с. 342—343.

Г. П. МЕЛЬНИКОВ

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В ЧЕХИИ В 20-е ГОДЫ XVI в.

Последняя четверть XV — первая четверть XVI в., т. е. время правления Ягеллонской династии, в истории Чехии до сих пор остается наименее изученным периодом. Ряд работ, появившихся за последнее время, носит локальный характер и в целом не меняет общей характеристики периода, данной еще в прошлом веке крупнейшим чешским буржуазным историком Ф. Палацким¹. Однако давно назрела необходимость пересмотра этой концепции с новых методологических позиций. В чешской историографии в последние годы такой пересмотр намечился. Усилия исследователей ныне сосредоточены на изучении положения дворянства, политики королевского двора, положения крестьянства в связи с откликами в Чехии на события Великой крестьянской войны в Германии². Проблематика же, связанная с развитием города — важнейшего социально-экономического и политического компонента чешской сословной монархии, остается малоизученной³. Это тем более досадно, что чешские города в то время переживают свой наиболее бурный период, отмеченный зарождением раннекапиталистических элементов в экономике, рядом внутригородских переворотов и борьбой, как экономической, так политической и военной, с дворянством. Одно из центральных мест здесь занимает переворот в Праге в 1524 г., непосредственно связанный как с процессом распространения в Чехии идей немецкой Реформации, так и с реакцией городов на общеполитическую обстановку в стране.

Лютеранство в чешских землях начинает распространяться с 1519 г. Под влиянием Реформации в чешском обществе происходит поляризация сил. Реакционное крыло во главе со староутраквистами стремилось к сближению с католической церковью, что вызвало резкую реакцию не только со стороны радикальных народных ересей, продолжавших традиции таборитского радикализма и Общины чешских братьев, но и привело к расколу самого утраквизма. Его левое течение — новоутраквизм —

¹ F. P a l a c k ý. Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě, kn. XVI—XVIII. Praha, 1876.

² A. S k ý b o v á. Česká šlechta a jednání o povolení kompaktát r. 1526. In: Pro-měny feudální třídy v Čechách v pozdním feudalismu. Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et historica, I. Studia historica, XIV. Praha, 1976, s. 83—107; E. M a u r. Dvě kapitoly z děj — in lidových hnutí v Čechách roku 1525. In: Minulostí Západočes-kého Kraje, 1976, r. 13, s. 135—160; e г о ж е. К programu lidových hnutí v Čechách a na Moravě roku 1525. «Československý časopis historický», 1976, р. 24, s. 240—241.

³ Подробнее см. Г. П. М е л ь н и к о в. Современная чехословацкая историография о проблемах развития чешских городов в первой половине XVI в. «Вестник Московского университета. История», 1977, № 3, с. 69—77. За последнее время вышла статья: J. J a n á č e k. Městské finance a investice: Praha 1420—1547. «Československý časopis historický», 1977, r. 25, s. 408—426.

тяготел к лютеранству и симпатизировал некоторым радикальным течениям немецкой Реформации (анабаптизм и др.). Деятельность проповедников-лютеран (Матвей-пустынный, Мартин Вифлеемский, Гавел Цагера) способствовала ознакомлению широких масс пражского населения с идеями Реформации.

Однако ситуация в Чехии во многом существенно отличалась от положения в Германии. Во-первых, Чехия уже прошла стадию активной борьбы с католической церковью за столетие до немецкой Реформации. Частично эта борьба увенчалась успехом. Возникла национальная чешская церковь (утраквистская), отвечавшая требованиям «дешевой» церкви, демократизма и подчинения светским властям. Во-вторых, Чехия в своем социально-экономическом развитии в начале XVI в. отставала от Германии. Противоречия между феодализмом и нарождавшимся капитализмом в Чехии были слишком слабо выраженными, чтобы привести к широкому народному движению. Поэтому раннебуржуазная по своей сущности идеология Реформации не смогла найти широкого распространения среди городского населения Чехии.

Во второй половине XV — начале XVI в. задачей прогрессивных сил чешского общества являлось удержание уже имевшихся завоеваний в области религии, что было связано с сохранением национальной независимости чешского государства, от контрнаступления сил католической реакции в союзе с частью правых уtrakвистов. Главной целью при этом оставалось добиться признания папской курией чешской церковной автономии. Принятие же Реформации означало бы окончательный разрыв с Римом, что противоречило политическим планам чешских сословий.

Вначале (1519—1521) пражане, как беднота, так ремесленники и часть патрициата, благожелательно отнеслись к Реформации, видя в ней мощную поддержку в борьбе с католицизмом. Однако по мере распространения ее левых течений в среде уtrakвистов произошел раскол. Масса горожан, в первую очередь ремесленники, отвернулись от Реформации, боясь ее радикальных последствий.

Об этом свидетельствует и неудача поездки Томаса Мюнцера в Прагу в 1521 г., не сумевшего разобраться в сложной ситуации в стране. Радикальные призывы Мюнцера не нашли значительного отклика в городской среде, а его «Пражское воззвание» так и не было обнародовано⁴. После ухода Мюнцера из Праги известный тогда сторонник Лютера Франц Гюнтер из Лохану писал Мюнцеру в январе 1522 г.: «говорят, чехи не пришли в движение, а остались на позиции евангеликов (утраквистов.— Г. М.), что заставило тебя бежать»⁵.

Специфичность развития Чехии была причиной того, что в 1525 г. на Великую крестьянскую войну в Германии откликнулось лишь население пограничных с немецкими землями территорий на юге и западе Чехии, где сохранялись позиции католической церкви и был значителен процент немецкого населения, положение которого (и крестьянства, и жителей горных городов) было такое же, как и в Германии⁶.

⁴ По поводу пребывания Мюнцера в Праге в историографии существуют две противоположные точки зрения. М. М. Смирин (М. М. Смирин. Томас Мюнцер в первые годы реформации. В сб. Средние века, вып. 1. М.—Л., 1942, с. 133—135; статья с некоторыми изменениями вошла в его же монографию: Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.—Л., 1947, с. 50—65), а за ним ряд чехословацких историков придавали этому факту чрезвычайную важность как для процесса формирования идеологии самого Мюнцера, так и для революционного процесса в Чехии. Эта точка зрения была опровергнута (на наш взгляд, убедительно) одним из крупнейших чехословацких историков-марксистов В. Гусой в специальной работе V. H u s a. Tomáš Müntzer a Čechy. Praha, 1957, 100 с.

⁵ М. Смирин. Народная реформация..., с. 51, примеч. 46.

⁶ E. Maur. Dvě kapitoly..., s. 160.

В Праге отход городских масс от Реформации привел в 1524 г. к перевороту, известному как переворот Яна Пашека из Врата. Это событие означало победу староутраквизма.

К сожалению, специально переворот 1524 г. не исследовался, поэтому его оценки в историографии во многом носят априорный и противоречивый характер. Одни ученые считают, что в результате переворота 1524 г. к власти пришел патрициат, свергнувший правление ремесленников⁷. Другие характеризуют события в Праге в 1521—1524 гг. как борьбу за власть между двумя группировками патрициата, одна из которых во главе с Яном Главсой поддерживала лютеранство, а другая во главе с Яном Пашеком — староутраквизм, причем в сущности эта борьба носила характер личного соперничества двух выдающихся политических деятелей. Так как Пашек вернее, чем его соперник, определил общее настроение городских масс, то ему удалось захватить власть⁸. Некоторые исследователи считают переворот 1524 г. не самостоятельным событием, вытекающим из социально-политической ситуации в Праге, а инспирированным частью чешского реакционного католического дворянства во главе со Зденеком Львом из Рожмитала, которому в осуществлении его политических планов потребовалась поддержка городского сословия⁹.

По-разному объясняя причины переворота 1524 г., все историки, начиная с Ф. Палацкого, сходятся в негативной оценке этого события и его последствий.

Отсутствие специального исследования и противоречивость мнений в историографии заставляют подробнее остановиться на перевороте 1524 г., тем более что имеется достаточное количество источников¹⁰, основным из которых служит «Хроника» Бартоша-писаря¹¹.

«Хроника», жизнь и взгляды ее автора были обстоятельно изучены Й. В. Шимаком¹². Бартош (около 1470—1535) родился в Праге, окончил Карлов университет, одно время служил писарем (откуда и происходит его прозвище), затем занимался торговлей полотном, в 1520 г. он упоминается среди городских старейшин. Религиозные взгляды Бартоша были весьма расплывчаты, очевидно из-за плохой осведомленности о существовавших доктринах, однако его симпатии были всецело на стороне лютеран и чешских новоутраквистов. После переворота Бартош, принадлежавший к побежденной группировке Я. Главсы, был изгнан из Праги. Вернуться он смог только после вмешательства короля в пражские дела в 1529 г. Тогда же он начал писать свою хронику, которую успел завершить перед своей смертью в 1535 г. По своему положению Бартош принадлежал к зажиточной части торгового населения Праги. После 1529 г. Бартош владел двумя домами¹³. Он не был выдающимся хронистом. В его философских и особенно исторических взглядах отчетливо виден

⁷ Přešled československých dějin». Praha, 1958. d. 1, s. 295.

⁸ V. V. T o m e k. Dějepis města Prahy, d. X. Praha, 1896, s. 517—519; е г о ж е. Život M. Jana Paška z Vratu, primasa pražského. «Casopis Ceskeho Musea», 1844, s. 35; J. V. S i m á k. Úvod v kn. Prameny dějin českých. Praha, 1907, d. VI, s. VI; «Dějiny Prahy». Praha, 1964, s. 253—254.

⁹ «Československá vlastivěda, d. II: dějiny, sv. I». Praha, 1963, v. 340; E. M a u r. K programu lidových hnutí..., s. 213; A. S k ý b o v á. Ibid., s. 94.

¹⁰ Источники по перевороту 1524 г. изданы в специальном томе «Prameny dějin českých», d. VI (Kronika Pražská Bartoše Písaře. Paměti o bouře pražské roku 1524. Listy a Kronika mistra Jiřího Píseckého. Přílohy). Praha, 1907, 398 s.

¹¹ При работе над настоящей статьей использовано издание: B a r t o š. Kronika pražská. Vydal J. K. Erben. Praha, 1863, 386 s.

¹² J. V. S i m á k. Bartoš písař. «Český časopis historický», 1901, r. 7, s. 310—405; е г о ж е. Kronika Bartoše písaře. «Věstník české akademie pro vědy, slovesnost a umění», 1903, r. XII, s. 603—670; е г о ж е. Úvod...

¹³ J. V. S i m á k. Úvod..., s. VII.

провинциализм и ограниченность интересов. Он был крайне плохо осведомлен даже о недавних (рубежа XV—XVI вв.) обытиях в Чехии¹⁴. Цель создания им «Хроники», охватывающей период 1524—1530 гг., — написать апологию группировки Главсы и пражских лютеран. Поэтому понятны исключительно черные краски при характеристике своих противников. Однако это не снижает ценности «Хроники» Бартоша-писаря как исторического источника. Она является наиболее полным собранием фактических сведений о перевороте, отличается детальным описанием событий, причем личные симпатии и антипатии Бартоша не искажают у него описания событий¹⁵, они сказываются лишь в его комментариях к этим событиям и в характеристиках исторических лиц. Надо решительно отвергнуть мнение польского историка Б. Назимека¹⁶, не дооценившего «Хронику» как источник лишь на том основании, что хронист симпатизировал Габсбургам и давал субъективные характеристики. Напротив, сама тенденциозность Бартоша является историческим источником, свидетельствующем о сложной и напряженной внутривластной обстановке в Праге. При соответствующем критическом подходе «Хроника» может быть в полной мере использована как наиболее полный источник, повествующий о внутригородских событиях в Праге, об отношении Праги к королю Людовика Ягеллону, а также о реакции пражского бюргерства на первые шаги политики Габсбургов.

Принимая во внимание малую известность пражского переворота 1524 г., необходимо более подробно осветить ход событий.

При посещении Праги в 1523 г. молодой король Людовик предпринял попытку восстановить сильную королевскую власть. Была произведена смена высших земских чиновников. Среди уволенных оказались верховный управляющий земель чешской короны могущественный Зденек Лев из Рожмитала и гофрихтер Ян Пашек из Врата, должность которого король передал другому пражскому патрицию — Яну Главсе из Либославы. Весной 1524 г. наметился союз З. Льва с Я. Пашеком, стремившихся к восстановлению своей власти, причем З. Лев превратился из ярого врага королевских городов в их преданного союзника и защитника.

В 1523 г. в стране господствовали настроения веротерпимости и симпатии к лютеранству. 23 июля по решению магистрата во главе с Главсой из Праги были изгнаны четыре священника, активно выступавших против лютеранства и его чешских последователей. Чтобы пресечь подобные настроения, сословный сейм в январе 1524 г. принял решение о запрещении обвинять последователей лютеранства в ереси¹⁷.

В Праге весной 1524 г. ситуация начинает изменяться в пользу староутраквизма. В марте при обновлении состава магистрата примасом Праги избирается Пашек. По его инициативе создается комиссия для рассмотрения религиозных споров, которая 11 мая 1524 г. издала свое решение о запрещении оскорблять и преследовать староутраквистов. Оно было одобрено на собрании городской коммуны Праги.

Результатом его принятия были возвращение в Прагу священников-староутраквистов, изгнанных 23 июля 1523 г., и уход из города части священников-лютеран во главе с Мартином Вифлеемским. В своем письменном объяснении причиной ухода они объявляли нежелание способство-

¹⁴ Обстоятельный анализ взглядов Бартоша, данный Й. В. Шимаком, недавно был повторен польским ученым Б. Назимеком. См. В. Назимек. *Poglądy Bartoša pisarza praskiego. «Sobótka. Śląski kwartalnik historyczny»*, 1978, № 1, s. 33—45.

¹⁵ J. V. Šimák. *Bartoš písař*, s. 405; В. Назимек. *Ibid.*, s. 44.

¹⁶ В. Назимек. *Ibid.*, s. 44.

¹⁷ F. Palacký. *Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě*. Praha, 1921, s. 1260, 1262.

вать народным волнениям в обстановке, когда пражане разделились на два враждебных лагеря. Однако из последующего текста объяснения становится ясно, что действительной причиной их вынужденного ухода было враждебное отношение к ним со стороны массы пражского населения¹⁸.

Это находит подтверждение в городском фольклоре того времени. В песнях, сложенных накануне переворота, поддерживается позиция староутраквистов, выражается ненависть к лютеранскому учению, его чешские адепты подвергаются оскорблениям и насмешкам. «Лютерова ересь» называется «худшей блудницей, чем сам римский папа»¹⁹.

В политике королевского двора также усилились антилютеранские тенденции. На сейме в июле 1524 г. католическое духовенство во главе с эстергомским архиепископом Ласло Салкай (Салкан — в чешских источниках) высказалось за возобновление королевских мандатов против «шикартов», т. е. против еретиков, под которыми подразумевались тогда все сторонники Реформации и чешских радикальных сект. Против высказалось лишь несколько высокопоставленных лиц, в том числе верховный бургграф Чешского королевства Ян из Вартемберка и Ян Главса от имени королевских городов. Окончательного решения сейм не принял.

Подобные настроения обеспечивали Пашеку поддержку со стороны как городских масс, так и части правящих кругов. Однако среди патрициев — членов магистрата имелось большое число сторонников лютеранства. По своему социально-экономическому положению, как свидетельствуют их завещания, это были крупные купцы²⁰ и владельцы значительных капиталов²¹. Используя благоприятную обстановку, Пашек решился на внутригородской переворот.

Предлогом послужило ночное собрание в ратуше части коншелов, симпатизировавших лютеранству, по поводу известия о беспорядках на Малой стране, оказавшегося ложным. Вероятно, оно было спровоцировано сторонниками Пашека, так как на следующее утро, 9 сентября 1524 г., эти коншелы были обвинены другими членами магистрата — сторонниками Пашека в заговоре с целью уничтожения всех староутраквистов в Праге и арестованы. Пашек взял всю полноту власти в свои руки²². Главным действующим лицом переворота был Зига Ваничковиц, мясник, находившийся в родстве с Пашеком²³.

В поддержку переворота выступили пражские ремесленники, в первую очередь мясники²⁴. Общее собрание всей городской коммуны также одобрило переворот. Положение Пашека упрочилось еще тем, что администратор утраквистской консистории Гавел Цагера, ранее ревностный последователь Лютера, поддержал переворот и переметнулся на сторону староутраквистов. По словам Бартоша-писаря, он, «поняв, куда и к чему склонялся пражский народ, говорил и делал, чтобы всегда угодить народу»²⁵. Теперь он начал яростно преследовать всех, симпатизировавших лютеранству, Общине чешских братьев и другим левым течениям.

Известие о перевороте было с удовлетворением воспринято при королевском дворе и в папской курии. В послании королю Людовику от

¹⁸ B a r t o š. Ibid., s. 53—54.

¹⁹ «Prameny...», s. 367.

²⁰ «Zákjady starého mistopisu pražského». Vydal J. Teige. Praha, 1910—1915, d. II, s. 195 (kšaft J. Erazima).

²¹ Ibid., d. I, s. 546—547 (Kšaft Václava Daniela).

²² B a r t o š. Ibid., s. 60—65.

²³ J. V. S i m á k. Ziga Vaníčkovic, účastník bouře pražské roku 1524. «Časopis Českého Musea», 1904, s. 33—41.

²⁴ B a r t o š. Ibid., s. 74; «Prameny...», s. 317.

²⁵ B a r t o š. Ibid., s. 125.

6 октября 1524 г. папа Клемент VII оценил это поражение «пикартов» как одно из самых значительных событий своего понтификата ²⁶.

В октябре-ноябре 1524 г. ²⁷ по требованию Пашека полноправные жители города принесли присягу, основное содержание которой сводилось к обязательству не изменять религиозные обряды и не принимать новые вероучения, а также изгнать из Праги всех «еретиков», т. е. тех, кто не разделял доктрины староутраквизма и отказывался принести данную присягу ²⁸. Безусловно, принятие присяги способствовало дальнейшему сплочению пражского населения, главным образом ремесленников.

Началась широкая кампания по изгнанию из Праги без суда и следствия всех обвинявшихся в ереси, во время которой было допущено множество злоупотреблений. Началась полоса доносов и сведения личных счетов под предлогом борьбы за чистоту веры. Бартош утверждает, что многие, ранее симпатизировавшие лютеранству, смогли откупиться от изгнания ²⁹.

В свете изложенных фактов и свидетельств современников причины переворота 1524 г. сводить к «патрицианскому междоусобию» представляется необоснованным. Мнение о смене правления ремесленников правлением патрициата также не соответствует действительности. По данным Списка пражских коншелов, в магистрат, состоявший после объединения Праги в 1518 г. из 18 человек, вошло 6 ремесленников, в то время как в староместском магистрате до объединения их было всего два. Таким образом, при объединении Праги представительство ремесленников в органе городского самоуправления увеличилось. Примерно таким же это число оставалось на протяжении всего периода существования единой Праги (1518—1528). Переворот 1524 г. на численности ремесленников в магистрате не отразился (до переворота — 5 человек, после — 4 чел., в 1528 г. — 6 чел.) ³⁰. Причины переворота 1524 г. следует искать в специфике отношения чешского городского сословия к Реформации.

Накал борьбы между старо- и новоутраквистами и размеры репрессий не следует преувеличивать. Новоутраквисты и сторонники других реформационных течений составляли меньшинство среди горожан, что сделало возможным староутраквистам одержать быструю и легкую победу. Несмотря на заявления тенденциозных хронистов о том, что Пашека поддерживала лишь меньшая часть городской коммуны ³¹, сведения, имеющиеся в их же хрониках, говорят об обратном. Так, у Бартоша имеются данные о количестве изгнанных из Праги за время правления Пашека ³². Их максимальное число, даже учитывая пристрастность хрониста, можно определить в 100 человек. Это составляет 5% от числа всех пражских ремесленников ³³, а так как изгонялись не только ремесленники, но и их семьи, то позволительно процент изгнанных вычислить от количества всего пражского населения. В таком случае он равен лишь 0,5% ³⁴.

²⁶ F. P a l a c k ý. Ibid., s. 1265.

²⁷ По данным Бартоша — 7 ноября (B a r t o š. Ibid., s. 80); согласно анонимному автору «Воспоминаний о пражском мятеже 1524 года» — 30 октября («Prameny...», s. 319).

²⁸ B a r t o š. Ibid., s. 80—85; «Prameny...», s. 319.

²⁹ B a r t o š. Ibid., s. 118, 197.

³⁰ Вычислено мною на основании Списка пражских должностных лиц, составленного В. В. Томеком: V. V. T o m e k. Dějepis města Prahy, d. IX. Praha, 1893, s. 458 ann.

³¹ «Prameny...», s. 313.

³² B a r t o š. Ibid., s. 185, 190—193.

³³ По числу лиц, подписавших присягу 1524 г., общее количество ремесленников в Праге составляло примерно 2000 человек. См. Z. W i n t e r. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XIV. a v XV. století. Praha, 1906, s. 569.

³⁴ Население Праги в 1524 г., на основе тех же данных, составляло 20 000 чел. См. В. М е n d l. Vývoj populace pražské od válek husitských. «Česká revue», 1916—1917, s. 209.

Определить социальную сущность и классовый характер переворота и четырехлетний период правления Пашека чрезвычайно трудно, так как необходимые для этого сведения в хрониках отсутствуют. Например, мы ничего не знаем, кроме сведений об изгнаниях, мучениях и казнях «еретиков», о внутригородской политике Пашека, о его взаимоотношениях с цехами, а также о торговой и финансовой сторонах его деятельности. Замечание Бартоша, что богатство Пашека и его приспешников выросло «на мозолях и тяжком труде других»³⁵ в данном случае ничего не проясняет. О хозяйственной деятельности Пашека известно лишь то, что по его инициативе городская коммуна Праги в феврале 1524 г. купила большое земельное владение — панство Пршеров за 24720 коп чешских грошей. В результате этой операции Прага стала в ряд с крупнейшими феодальными собственниками в стране³⁶.

Ближайшее окружение Пашека составляли ремесленники. «Четырьмя столпами» правления этого периода Бартош называет, кроме самого Пашека, мясника Зигу Ваничковца, в 1499 г. бывшего старейшиной цеха мясников³⁷, оловянщика Яна Карбана, кузнеца Томаша Захлубила³⁸. Из отдельных высказываний Бартоша и текста присяги 1524 г. создается представление, что во время правления Пашека цеховая верхушка приобрела небывалое до тех пор могущество, так как решение вопроса о предоставлении горожанам права заниматься тем или иным ремеслом ныне всецело находилось в ее руках.

Значительное участие в городском управлении при Пашеке принимал патрициат, к богатейшей части которого принадлежал он сам³⁹. Удалось выявить завещания некоторых из патрициев — сторонников Пашека⁴⁰. Среди них есть крупнейшие пражские землевладельцы, домовладельцы, купцы.

Необходимо отметить, что городские низы пассивно отнеслись к перевороту, так как их непосредственных интересов он, очевидно, не задевал.

Социальный состав изгнанных из Праги за «ересь» по источникам представляется достаточно четко. Это в основном ремесленники и патриции — сторонники Главны⁴¹.

При определении характера переворота большую важность имеет выяснение его связи с переворотом З. Льва, вернувшего себе должность верховного управляющего земель чешской короны, используя борьбу с лютеранством. В литературе иногда не делалось различий между этими переворотами⁴². Э. Маур, придерживаясь аналогичной точки зрения, делает вывод о том, что социально-политическое движение в Праге в 1520-х годах своей зависимостью от борьбы за власть между группировками дворянства не соответствовало общей картине классовой борьбы в Чехии и было, таким образом, исключительным, нетипичным явлением⁴³.

Источники говорят лишь о личном сближении З. Льва и Я. Пашека, отстраненных королем от дел в 1523 г.⁴⁴, и о поддержке З. Львом поли-

³⁵ B a r t o š. Ibid., s. 288

³⁶ J. J a n á č e k. Městské finance..., s. 418—419.

³⁷ J. V. S i m á k. Ziga Vaníčkovice..., s. 35. По предположению Шимака, в 1516 г. Зига сменил профессию, став торговцем сукном (Ibid., s. 40).

³⁸ B a r t o š. Ibid., s. 289.

³⁹ См. его завещание: J. T e i g e. M. Jan z Vratu..., s. 77—78.

⁴⁰ «Základy...», d. I, s. 243—244 (Jan Kozel); s. 420—421 (Václav Sova); s. 445—446 (Jan Pikart); s. 300 (Bričcí Řeháček).

⁴¹ B a r t o š. Ibid., s. 185.

⁴² «Československá vlastivěda...», 340.

⁴³ E. M a u r. K programu lidových hnutí..., s. 213.

⁴⁴ Их дружба продолжалась до смерти Пашека в 1533 г. В своем завещании в число наследников Пашек включил и З. Льва. См. J. T e i g e. M. Jan z Vratu..., s. 77—78.

тики Я. Пашека и, соответственно, позиции королевских городов на сеймах. О перевороте З. Льва, состоявшемся 3 февраля 1525 г., или же о его вмешательстве в пражские дела, хронисты, относившиеся крайне отрицательно к обоим деятелям, ничего не сообщают. Очевидно, оба эти переворота не зависели друг от друга, хотя и преследовали идентичные политические и идеологические цели.

Городское сословие, интересы которого в данном случае выражал Пашек, стремилось привлечь на свою сторону одного из своих главных противников из политических и тактических соображений, используя противоречия среди дворянства. Подобный прецедент уже был ранее — на сторону городов перешел другой вождь антигородской политики дворянства — Альбрехт Рендл, автор антигородского Владиславского земского уложения 1500 г. Подобная политика переманивания врагов, используя противоречия среди дворянства, была направлена на упрочение политических завоеваний городов.

Поэтому мнение о нетипичности социально-политического движения в Праге, высказанное Э. Мауром, не представляется обоснованным, тем более, что признаваемая им типичной борьба, по его же данным, затронула только те города, которые после гуситского революционного движения остались католическими, а таких в Чехии было незначительное меньшинство. Также важно подчеркнуть, что радикальные движения наблюдались лишь среди немецкого населения этих городов⁴⁵.

В свете вышеизложенного, на наш взгляд, переворот 1524 г. и последующее правление Пашека можно определить как диктатуру части патрициата в союзе с цеховой верхушкой при широкой опоре на ремесленников в консервативных целях сохранения существующего порядка.

Период правления Пашека (1524—1528) можно считать апогеем политической силы и независимости Праги за весь послегуситский период. Прага фактически перестала подчиняться не только королю, но и решениям чешского сословного сейма. Как писал неизвестный автор «Песни о смерти короля Людовика»:

Что чехам король писал, на то они плевали
Королем в Праге Зигу и Пашка избрали,
Его больше, чем короля своего послушались⁴⁶.

Самостоятельность Праги во взаимоотношениях с королевской властью наиболее наглядно проявилась по вопросу об изгнанных из Праги «еретиках».

В октябре 1524 г., благодаря настойчивым просьбам Я. Главсы, король поручил князю Карлу Минстербергскому, внуку короля Иржи из Подебрад, разобраться в пражских делах. В конце ноября 1524 г. князь устроил судебное слушание обеих сторон, однако никакого решения не принял. Он все более склонялся на сторону католической партии и группировки Пашека. В результате в январе 1525 г. появилось королевское решение, по которому всем пражанам — сторонникам новоутраквизма предписывалось распродать свое имущество и удалиться в изгнание; в случае, если они захотят остаться в Чешском королевстве (кроме Праги), они должны будут отречься от своей «пикартской ереси»⁴⁷. Поддержка переворота Пашека, получившего одобрение католиков, королем объяс-

⁴⁵ E. M a u r. K programu lidových hnutí..., s. 213.

⁴⁶ Co slal i psal do Cech, na to nic nedbali,
Pražané za krále Zíku, Paška vzali,
Jeho víc než pána svého poslúchali («Prameny...», s. 369).

⁴⁷ F. P a l a c k ý. Ibid., s. 1266—1267.

няется его заинтересованностью в помощи Рима для борьбы с Османской империей. Между папским легатом и Пашеком начались переговоры об «объединении в веру» утраквистов с католиками, которые, однако, из-за чрезмерных требований папской курии не были завершены.

Летом 1525 г. король резко изменил свое отношение к событиям в Праге. Благодаря неоднократным ходатайствам Главсы Людовик 24 июня приказал пражскому магистрату немедленно примириться с изгнанными, повторив свое приказание 16 сентября. Однако Пашек отказался выполнять эти приказы, мотивируя тем, что он должен исполнять январское решение об изгнании всех «пикартов». В ответ на приказы короля о примирении Пашек 1 октября 1525 г. созвал общее собрание городской коммуны Праги, которое приняло решение продолжать репрессии против новоутраквистов.

Пашек отказывался подчиняться не только королевским приказам, но и решениям сейма, состоявшегося в ноябре 1525 г. в городе Колин. На основе жалобы Главсы сейм единогласно осудил переворот Пашека⁴⁸. Это понятно, ибо сильная, единая Прага, по меткому выражению Бартоша-писателя, стояла дворянству «поперек горла»⁴⁹, и оно не преминуло воспользоваться предложением защиты изгнанных для вмешательства в пражские дела. Другие королевские города также были недовольны Пашеком, потому что при нем Прага стала диктовать свою волю, игнорируя их интересы.

Именно в этот момент Праге пригодилась поддержка части высшего дворянства во главе со З. Львом из Рожмитала, вовлеченного в борьбу за наследство Петра из Рожмберка и находившегося в конфликте с коллинским сеймом. Пользуясь этой поддержкой, Пашек продолжал тактику неповиновения королевской власти. В 1526 г. он отказался предоставить королю войска пражского ополчения для войны с Турцией, непосредственно угрожавшей Венгрии. Интересно, что тенденциозно настроенный Бартош причиной поражения в битве у Могача 29 августа 1526 г. и гибели Людовика считает пражский переворот 1524 г., т. е. самостоятельную политическую линию Праги: «Нет никакой иной первопричины несчастьям короля Людовика, захвата большой страны турками и укоренения их в Венгерской земле, кроме того пражского бунта»⁵⁰.

Таким образом, события 1524—1525 гг. свидетельствуют о резком ослаблении королевской власти после попытки ее укрепления в 1523 г., о политической нестабильности и феодальных распрях в чешском обществе. На этом фоне пашековская Прага предстает сильным политическим организмом, способным вести самостоятельную политику, принимая участие даже в решении важнейших внешнеполитических вопросов (переговоры с папой, самостоятельная позиция в отношении войны с Турцией).

Со вступлением на чешский трон в 1526 г. Фердинанда Габсбурга ситуация в Чехии существенно изменилась. Начался период борьбы короля с чешскими сословиями за утверждение абсолютизма. Первой преградой на этом пути стоял королевский, однако фактически независимый, город — Прага. До 1528 г. Пашеку удавалось сохранять завоеванное положение, так как Фердинанд был занят борьбой за венгерскую корону. На четырехкратные приказы короля о примирении с изгнанными Пашек даже не давал ответа. Открытый конфликт произошел в июле 1528 г., когда Пашек заявил, что ему «невозможно и не подобает о чем-либо договариваться с изгнанниками». По его приказу пражане отказались давать свидетель-

⁴⁸ Bartoš. Ibid., s. 205—207, 211—212, 215, 221.

⁴⁹ Ibid., s. 14.

⁵⁰ Ibid., s. 225.

ские показания при судебном разборе дела королевскими уполномоченными⁵¹.

Создалась парадоксальная ситуация, когда католический король Фердинанд I, жестоко преследовавший сторонников Реформации в своих владениях, выступил в роли их защитника в столице чешского государства — так велико было его стремление любыми средствами нанести удар по могуществу Праги. Для этого он 9 сентября 1528 г., в четырехлетнюю годовщину переворота, прибыл в Прагу и назначил новый состав магистрата, причем отдельно для Старого и Нового Мест. Прага, как единый политический организм, распалась. Вновь обнаружилось трение между Новым Местом, населенным в основном ремесленниками и беднотой, и патрицианско-купеческим Старым Местом.

Одновременно Фердинанд запретил проводить общие собрания городской коммуны без специального разрешения короля, что имело целью ослабить политическое влияние ремесленников, составлявших большинство в городской коммуне.

Однако новый состав староместского магистрата, в котором сохранились позиции приверженцев Пашека, продолжал его политику неповиновения королю, правда, в более мягких формах, придерживаясь тактики оттяжек и проволочек в решении дела о примирении с изгнанными.

На собрании городской коммуны Старого Места 12 апреля 1529 г. Пашек резко выступил против примирения и призвал пражан вновь объединиться в один город. Однако ни простые горожане, ни коншелы на этот раз его не поддержали, не желая вступать в открытый конфликт с усиливавшейся королевской властью⁵².

8 июля 1529 г. Фердинанд I изгнал из чешского государства главного сторонника Пашека среди пражского духовенства Гавла Цагеру. С его уходом в Праге прекратилась агитация в костелах за неподчинение королю. Король также своей властью разрешил изгнанникам вернуться в Прагу и денонсировал присягу пражской городской коммуны от 1524 г.

В итоге под давлением короля магистрат был вынужден уступить, и в начале 1530 г. по решению общего собрания городских коммун Праги, где в защиту изгнанных с большой речью выступил один из главных инициаторов этого изгнания — З. Ваничковиц, состоялось окончательное примирение с изгнанными.

Характер этого «взаимного прощения обид»⁵³ чрезвычайно примечателен, о чем свидетельствуют тексты сохранившихся «договоров» с некоторыми из изгнанников⁵⁴. В них признается, что официальное обвинение в заговоре несостоятельно, однако о несправедливом изгнании не упоминается, так же как о приказах короля вернуть изгнанников. К тому же при повторном принятии в члены городской коммуны изгнанники обязывались приносить торжественную присягу на верность гуситской (подразумевалось — староутраквистской) вере⁵⁵, идентичную той, которую они отвергли в 1524 г. Создавалось ложное впечатление, что магистрат добровольно, а не по королевскому приказу пошел на это, оказав как бы милость изгнанникам.

После примирения Фердинанд I расправился с Пашеком, обвинив его, по сути дела, в государственной измене и изгнав из Праги.

⁵¹ Ibid., s. 226, 278, 279.

⁵² Ibid., s. 295—297.

⁵³ Ibid., s. 312, 313.

⁵⁴ Нам известны три договора: J. Hlavsa, V. Albus («Casopis Českého Musea», 1880); mistr Brikcí («Prameny...», d. VI).

⁵⁵ Bartoš. Ibid., s. 317.

Перипетии с примирением ясно демонстрируют силу и независимость положения Праги в государстве. Немаловажным был и тот факт, что в 1528—1530 гг. Фердинанду I не удалось сломить Прагу, дело фактически окончилось компромиссом.

Переворот в Праге в 1524 г. и последующие события показали реальную политическую силу городского сословия Чехии, продолжавшего и в первой половине XVI в. играть важную роль в политике государства, с чем невозможно было не считаться габсбургскому абсолютизму, одновременно вскрыв консервативные, охранительные тенденции в политико-идеологическом развитии чешского бюргерства.

С. П. БОБРОВА

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БОЛГАРИИ В ОСВЕЩЕНИИ ДИМИТРА БЛАГОЕВА

Многогранная деятельность крупнейшего пролетарского революционера Димитра Благоева нашла широкое освещение в работах болгарских и советских ученых. Д. Благоев представлен в них как выдающийся марксистский теоретик и организатор БРСДП (т. с.) и БКП, философ, экономист, литературный критик. Все более полную оценку получают труды Д. Благоева-историка.

Однако поставленный в литературе 50-х годов вопрос об отношении Д. Благоева к проблемам средневековой истории долгое время не привлекал внимания исследователей. Только через два десятилетия он был рассмотрен А. С. Бейлисом и П. Цаневым в монографиях, посвященных возникновению и развитию марксистской историографии в Болгарии¹. Между тем специальное изучение вопроса об освещении проблем болгарского средневековья первыми марксистами открывает широкие возможности для восстановления истории марксистской медиевистики в Болгарии. При этом небезынтересно сопоставить выводы марксистской и буржуазной историографии, выяснить, что было воспринято марксистами из накопленного буржуазной славистикой багажа и что бескомпромиссно отвергнуто; наконец, немаловажно определить, какие выводы первых марксистских исследователей сохранили свою значимость до наших дней. Некоторые из этих вопросов применительно к научному наследию Д. Благоева мы попытались рассмотреть в этой статье.

Ко времени появления трудов Д. Благоева буржуазная болгаристика уже располагала работами таких известных ученых, как Ю. И. Венелин, А. Ф. Гильфердинг, С. Н. Палаузов, М. С. Дринов, М. И. Соколов, Ф. И. Успенский, К. Иречек и др. Но, достигнув заметных успехов в изучении политической истории средневековой Болгарии, буржуазные исследователи сравнительно редко обращались к анализу социально-экономических отношений и классовой борьбы; идеалистическое толкование истории не позволило им выявить закономерности общественного развития. Понимая феодализм только как особую политическую и правовую организацию общества, большинство буржуазных ученых не признавало его существования во всех южнославянских странах, в том числе и в Болгарии. В 1897 г. Д. Благоев писал: «Мы имеем историю официальной

¹ А. С. Бейлис. Становление марксистской историографии в Болгарии с конца XIX в. до социалистической революции 1944 г. В кн. Проблемы болгарского Возрождения. Львов, 1970; П. Цанев. Марксистката историческа наука в България. Историко-библиографически очерк. София, 1972.

старой Болгарии, царской Болгарии, но не историю болгарского народа в полном смысле слова»². Все это и побудило первого болгарского марксиста заняться изучением далекого прошлого своей страны.

Работы Д. Благоева, частично или полностью посвященные болгарскому средневековью, создавались в разное время, но представляют единую цепь исследований, углубляемых и расширяемых как по мере проникновения в сокровищницу марксизма, а на этой основе — в изучаемый фактический материал, так и распространения идей марксизма в Болгарии. От выдвижения отдельных, методологически верных положений он шел к рассмотрению конкретных сюжетов, к важным теоретическим обобщениям.

В 1885 г. в журнале «Съвременний показател», издание которого служило популяризации идей марксизма в Болгарии, Д. Благоев резко выступил против тех ученых, которые довольствовались любованием победами болгарских царей: от истории он требовал прежде всего «исследования экономических и общественных отношений»³. Вскрывая методологические ошибки статьи К. Иречека «Болгарский царь Срацимир», Д. Благоев критиковал буржуазного историка за игнорирование вопросов о положении народных масс, роли, которую народ сыграл в «последние минуты» Болгарии⁴. Развивая высказанную ранее мысль, он писал: «В настоящее время от истории требуется описание общественного и экономического развития народной жизни ..., а личности, их поступки ... рассматриваются в зависимости от того или иного состояния среды, в которой они действуют»⁵.

Однако прошло целое десятилетие, прежде чем Д. Благоев приступил к конкретно-историческим исследованиям в области болгарского средневековья. Отдавая все силы борьбе за создание марксистской партии в Болгарии, он понимал важность систематической популяризации основ исторического материализма, марксистского учения о закономерностях развития общественно-экономических формаций (в том числе и феодальной). Выполнению этой задачи посвящена теоретическая часть работы «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» (1891), сыгравшей огромную роль в идейном сплочении болгарских социалистов⁶.

Определяя важнейшие признаки феодального строя, Д. Благоев утверждает, что его основой является «землевладение и закрепление крестьян за землей... Только землевладение давало независимость и различные права»⁷. Он уделяет внимание развитию производительных сил, торговли, городов, выясняет место цеховой организации в системе средневекового производства, останавливается на классовой борьбе крестьянства против феодалов, показывает неизбежность разложения феодального строя и зарождения элементов новых, капиталистических отношений⁸. Примечательно, что Д. Благоев пока стремится раскрыть только общие закономерности развития феодальной формации, не выявляя особенностей общественно-экономического строя славянских стран. Работа не посвящена специально критике трудов буржуазных медиевистов. Но трактовка феодализма как общественно-экономической формации была направлена против методологических установок всей буржуазной историографии, создавала предпосылки для марксистской разработки средневе-

² Д. Благоев. Сочинения, т. 4, с. 129.

³ Там же, т. 1, с. 146.

⁴ Там же, с. 160.

⁵ Там же, т. 1, с. 158.

⁶ «История Болгарской коммунистической партии», М., 1971, с. 49.

⁷ Д. Благоев. Там же, т. 1, с. 466.

⁸ Там же, с. 467—470.

ковой истории Болгарии и готовила читателя к восприятию результатов такой разработки.

В 1897—1898 гг. в журнале «Ново време» появилась серия статей Д. Благоева («Начало болгарского народа», «Социальное положение Болгарии в VIII в.» и «Крепостничество в Болгарии»), связанных единым названием — «Из прошлого болгарского народа»⁹.

Напомним, что период второй половины 90-х годов в деятельности Д. Благоева был довольно напряженным. В качестве редактора «Ново време» он возглавил борьбу в защиту идей марксизма против всех проявлений мелкобуржуазного оппортунизма. Публикация серии работ «Из прошлого болгарского народа» на страницах теоретического органа БРСДП именно в это время свидетельствует о большом значении, которое придавал ей сам автор в борьбе за победу марксистского мировоззрения. Д. Благоев предполагал рассмотреть историю болгарского народа на протяжении всего средневековья, однако не смог выполнить поставленной задачи и ограничил рамки исследования периодом VII—X вв., частично касаясь социально-экономической истории Болгарии в XIII—XIV вв.

В небольшом историографическом введении автор обосновывает необходимость пересмотра с марксистских позиций научных результатов буржуазной медиевистики. История представляется Д. Благоеву неразрывным единством двух аспектов: «кровавых войн извне» и «непрерывающейся борьбы между царско-боярским классом и угнетенным народом». Он критикует труды буржуазных ученых по политической истории, поскольку они полностью абстрагируются от социально-экономических отношений¹⁰. Обращаясь к одной из лучших работ буржуазной славистики XIX в. — «Истории болгар» К. Иречека, в которой наряду с подробным освещением политической истории впервые давалось обобщенное представление о состоянии экономики, административного, судебного и военного устройства страны¹¹, Д. Благоев высоко оценивает «первый опыт целостного изложения истории болгарского народа с самого начала его до последних лет турецкого ига». Но и здесь, вынужден констатировать исследователь-марксист, «многие стороны социальной и политической жизни нашего народа... совершенно не затронуты»¹². Обобщением выдвинутых ранее положений и одновременно программой научных изысканий Д. Благоева становится тезис: «В истории болгарского народа, как и в истории всех народов, невозможно прийти к правильным научным выводам, если исходной точкой нашего изучения не служат социальные отношения»¹³.

В центре внимания первой статьи, хронологически охватывающей период от прихода на Дунай протоболгар (в соответствии с традицией историографии XIX в. автор называет их «болгарами») до VIII в., находится один из сложнейших вопросов — образование болгарского государства. Д. Благоев подробно останавливается на характеристике общественного строя древних славян и его особенностей, отмечает наличие коллективной, задружной собственности на землю, большую роль народного собрания, отсутствие классического рабства¹⁴. Он видит в протоболгарах скотоводов. По мнению исследователя, к рассматриваемому периоду у них уже произошло разделение на классы и сложилась государственная власть («аристократическая держава»). Столкновение протоболгар и сла-

⁹ Там же, т. 4, с. 128—159.

¹⁰ Там же, с. 128—129.

¹¹ Д. Ангелов. Константин Иречек в българската историческа наука. В кн. Чехословакия и България през вековете. София, 1963, с. 47.

¹² Д. Благоев. Там же, т. 4, с. 128.

¹³ Там же, с. 129.

¹⁴ Там же, с. 132—135.

вян приводит к поражению последних, превращению общинной собственности славян в собственность протоболгарской аристократии и возникновению нового государства¹⁵.

На основе достижений современной советской и болгарской историографии нетрудно заметить ряд ошибочных положений в концепции Благоева. К ним относятся вопросы не столько характеристики взаимоотношений протоболгар и славян в момент возникновения болгарского государства (которые по разному трактуются и современными историками), сколько определения их общественного строя. К тому времени у славян уже сложилось государственное объединение «Семи племен», а протоболгары находились на последней стадии разложения первобытно-общинного строя¹⁶.

Буржуазные ученые, занимавшиеся данным вопросом до Д. Благоева, также отрицали наличие государства у мизийских славян и связывали его возникновение с протоболгарским завоеванием. Но выводы болгарского марксиста не были слепым копированием их взглядов. При решении вопроса о становлении государственности Д. Благоев исходит из уровня развития производительных сил¹⁷; отсутствие многих, известных только теперь данных, свидетельствующих о значительных достижениях ремесленного и сельскохозяйственного производства у славян, не позволило ему прийти к правильным выводам¹⁸. Однако, рассматривая процесс возникновения государственности в целом, Благоев не придает завоеванию решающей роли. Он твердо уверен, что у мизийских славян и без завоевания в результате внутреннего «развития производительных сил» сложилось бы государство «с царской властью и боярским феодальным классом, как это произошло у других славянских племен»¹⁹.

Во второй и третьей статьях, посвященных исследованию процесса формирования феодальных отношений в Болгарии и закреплению крестьянства, Д. Благоев еще глубже развивает высказанную ранее мысль о том, что в основе феодальной эксплуатации в Болгарии, как и во всех странах, лежит право крупных землевладельцев на землю²⁰. Правда, исходным моментом закрепощения он опять-таки считает протоболгарское завоевание: утратившие общинные земли славяне уже в VII—VIII вв. попадали в крепостную зависимость²¹. Но Д. Благоев отрицает универсальную роль завоеваний, полагая, что у болгар крепостничество возникло в особых условиях. У всех остальных славян «без внешних толчков» шел процесс разложения общины и создания частной собственности на землю²².

Одним из наиболее важных аспектов изучения феодальных отношений для Д. Благоева становится исследование вопроса об изменении форм кре-

¹⁵ Там же, с. 134.

¹⁶ С. А. Н и к и т и н. Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. «Вестник Московского университета», 1962, № 1; И. А н д р е в, Д. А н г е л о в. История болгарского государства и права. М., 1962, с. 84—88.

¹⁷ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 134.

¹⁸ Д. К о с е в. Димитър Благоев като историк. В кн. 100 години Димитър Благоев. София, 1956, с. 162.

¹⁹ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 135.

²⁰ Там же, с. 141.

²¹ Там же, с. 143—144. Ср. Ф. Ф. З и г е л ь. Законник Стефана Душана. СПб., 1872, с. 27—28; К. И р е ч е к. История булгар. Варшава, 1877, с. 125.

²² Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 142. Здесь Благоев воспользовался выводом Зигеля, который называет помимо завоевания еще одну причину возникновения крепостной зависимости — изгойство, причину не главную, но связанную с поземельными отношениями, так как изгнанный из общины и лишенный земли крестьянин вынужден заключить ряд-договор о зависимости от собственника земли. (Ф. Ф. З и г е л ь. Там же, с. 21.) Мнение Зигеля о возникновении крепостничества у сербов и хорватов в ходе завоевания Балканского полуострова Благоев не разделяет.

постной эксплуатации. Первоначально крепостничество, указывает автор, проявлялось в сравнительно легких формах. Перемещение крестьян от одних господ к другим не было ограничено²³; позже прикрепленный к земле и обязанный работать на собственника земли крестьянин сохранял еще право распоряжаться своим имуществом и мог судиться со своим господином. Но уже в IX в., как считает Д. Благоев, положение болгарских зависимых крестьян значительно ухудшилось, свидетельством чему являлись законы Крума²⁴.

Нет необходимости подробно останавливаться на ошибочности вывода Д. Благоева об особых причинах, вызвавших возникновение крепостничества, и времени его появления в Болгарии. Важнее указать на отмеченную им верную общую тенденцию в развитии крепостнических отношений.

Все болгарское зависимое население Д. Благоев подразделяет на париков, отроков и технитариев, что совпадает с выделением основных категорий в современной марксистской историографии²⁵. При определении положения париков Д. Благоев прежде всего указывает на поземельный характер зависимости этой категории; отроков связывает с феодалом и личное подчинение²⁶. Различие между париками и отроками болгарский марксист определяет на основе сопоставления категорий сербских и болгарских крестьян, наглядно демонстрируя, таким образом, возможности сравнительного метода, в неумении пользоваться которым он в свое время упрекал буржуазных историков²⁷. Раскрывая положение ремесленников-технитариев, автор верно отмечает зависимость городского населения в средневековой Болгарии от собственников земли — боляра и царя, ибо болгарский город не освобождал своих жителей от крепостного состояния²⁸. Еще более интересным оказывается мнение Д. Благоева о постепенном стирании различий между отдельными категориями и употреблении в XIV в. для обозначения зависимости единого термина «людие»²⁹.

В работе «Из прошлого болгарского народа» особое внимание уделяется повинностям крестьянства и, хотя термин «рента» здесь отсутствует, речь несомненно идет о ее трех формах: отработочной, натуральной и денежной. Но вследствие скудости источников Д. Благоев более подробно рассматривает совокупность повинностей, составивших централизованную ренту, выделяя «окружные», т. е. чисто государственные повинности («град зидати», «темницу блюсти», «зупские приплаты») и обязанности, выполняемые в пользу самого царя (царская работа — ангария, «приселица»). Все эти обязанности исследователь объединяет общим наименованием «натуральные повинности», которые выполнялись как в форме отработок, так и натуральных платежей³⁰. Другую группу крестьянских повинностей составляли «данъци»: «волоберщина», «кошарщина», «димнина», «броднина», «мостнина», различные виды десятин³¹. В каком виде уплачивались «данъци», в натуральном или денежном, Д. Благоев не говорит, но

²³ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 140.

²⁴ Там же, с. 146—148.

²⁵ «История на България». София, 1961, с. 192—193.

²⁶ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 152—153. Небезынтересно отметить, что К. Иречек пишет о невозможности выявить различия в положении париков и отроков. (К. Иречек. Там же, с. 381.)

²⁷ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 1, с. 161.

²⁸ Там же, т. 4, с. 155.

²⁹ Там же, с. 153. Ср. Л. В. Г о р и н а. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. Изд-во МГУ, 1972, с. 60—65.

³⁰ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 157—158.

³¹ Там же, с. 158.

и в современной марксистской болгарской историографии по этому вопросу отсутствует единое мнение³².

Анализ повинностей крестьянства завершается четким выводом: «Все эти многочисленные и тяжелые повинности и подати не только принуждали свободных земледельцев Болгарии как и везде подчиняться в качестве крепостных крупным земельным собственникам, но и были причиной потери свободы — превращения прикрепленных, но лично свободных крестьян, в бесправную массу, полную собственность бояр»³³. Это заключение болгарского марксиста перекликается с выводом Ф. Энгельса о том, что попавшие в поземельную зависимость крестьяне «...мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они были уже в большинстве своем крепостными»³⁴.

Д. Благоев выражает согласие с отдельными результатами научных наблюдений буржуазных ученых (А. Ф. Гильфердинга, Ф. Ф. Зигеля, М. И. Соколова, П. Шафарика и др.) и сравнительно часто ссылается на «Историю болгар» К. Иречека. Мнение последнего Д. Благоев учитывает при определении некоторых сторон паричской зависимости, классификации повинностей, в вопросе о крестьянских платежах и определении их содержания. Но как только возникает необходимость отразить процесс развития любого социально-экономического явления, пути представителей марксистской и буржуазной историографии расходятся, а в вопросах методологии их позиции оказываются прямо противоположными.

В отличие от своих современников К. Иречек признает наличие феодализма в Болгарии, считая его одной из причин, приведших к падению самостоятельного государства в XIV в.³⁵ Но феодальный строй, по его мнению, выражается в господстве крупного боярства, которое стремилось отделиться от центральной власти и создать свои независимые владения, т. е. снова на первый план выдвигаются особенности политических, а не экономических отношений³⁶. При таком толковании феодализма социально-экономическая история у К. Иречека оказывается не только полностью изолированной от политической истории, но и само ее изложение в значительной степени лишено внутренней связи.

Из марксистской трактовки феодализма как общественно-экономической формации вытекает принципиально иное отношение Д. Благоева к различным аспектам социально-экономической истории, которые, как мы имели возможность убедиться, он рассматривает в их взаимной связи, обусловленности и постоянном развитии.

Последняя статья болгарского марксиста подводила читателя к выводу о неизбежности классовой борьбы, которой автор собирался посвятить специальный очерк. Но свое намерение Д. Благоеву удалось выполнить лишь в 1906 г. в работе «Вклад в историю социализма в Болгарии»³⁷. Она создавалась в период подъема болгарского революционного движения, открытых массовых выступлений пролетариата под влиянием революционных событий в России в 1905 г., когда особенно важно было подытожить весь опыт классовых боев народных масс, выявить как сильные, так и слабые стороны классовой борьбы в каждую эпоху. Поэтому, обобщив результаты своих предыдущих исследований, характеризующих феода-

³² Д. В. Г о р и н а. Вопросы социально-экономического развития Второго Болгарского царства в современной болгарской историографии. В кн. Славянская историография. М., 1966, с. 167—168.

³³ Д. Б л а г о е в. Там же, т. 4, с. 158.

³⁴ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, с. 152.

³⁵ К. И р е ч е к. Там же, с. 353.

³⁶ Д. А н г е л о в. Там же, с. 54.

³⁷ Д. Б л а г о е в. Там же, с. 11.

лизм в Болгарии, Д. Благоев самое пристальное внимание уделяет классовой борьбе в средние века, одной из наиболее ярких страниц которой было богомилство.

Интерес к истории богомилства проходит через все творчество болгарского революционера. Еще в первом номере журнала «Съвременний показател» Д. Благоев называл его «народным революционным движением», цель которого «основать жизнь на принципах экономического равенства и братства»³⁸. В работе «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?» богомилское движение ставится в один ряд с такими народными выступлениями, как Жакерия во Франции, восстание английских крестьян в 1381 г., гуситские войны в Чехии, Крестьянская война в Германии³⁹. Богомилству посвящен специальный раздел в работе «Вклад в историю социализма в Болгарии». Наконец, по свидетельству Стеллы Благоевой, ее отец написал специальную работу о богомилах, которую не успел издать (рукопись, к сожалению, сгорела во время пожара Народного дома в 1921 г.)⁴⁰.

Вопрос об изучении Д. Благоевым богомилского движения уже был поставлен в работах Д. Ангелова, А. С. Бейлиса и П. Цанева⁴¹, отметивших близость благоевской трактовки болгарского богомилства к известному высказыванию Ф. Энгельса о формах революционной оппозиции феодализму⁴². В то же время небезынтересно сопоставить взгляды болгарского марксиста с выводами современной ему буржуазной историографии, для чего нами избран один из ключевых вопросов — о причинах появления богомилства.

В историографии второй половины XIX в. этот вопрос нашел достаточно широкое толкование. Исследователи, представлявшие взгляды церковно-богословских кругов, в большинстве своем отрицательно относились к богомилскому движению, видели в нем религиозную ересь, успех которой был обусловлен упадком болгарской церкви в период византийской экспансии⁴³. Другая группа буржуазных ученых не разделяла крайностей конфессиональной точки зрения, но тем не менее при выяснении причин появления богомилства на первый план также выдвигала религиозные мотивы⁴⁴. Истоки богомилского движения некоторые авторы находили в борьбе, развернувшейся в Болгарии против византийского влияния⁴⁵. При исследовании становления богомилского вероучения во всех работах буржуазных историков немалое внимание уделялось роли манихеев и павликиан. Но каждое из указанных (и действительно имевших место) условий и обстоятельств, при которых зародилось богомилство, не было главной и определяющей причиной его возникновения. Правда, в работе М. С. Дринова «Южные славяне и Византия в X в.» была сделана попытка противопоставить «политические и общественные идеалы богомилов» «существующему порядку вещей»⁴⁶. Социальные мотивы в выступ-

³⁸ Там же, т. 1, с. 94.

³⁹ Там же, с. 468.

⁴⁰ П. Цанев. Там же, с. 23.

⁴¹ Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1961, с. 10; А. С. Бейлис, Там же, с. 50—51; П. Цанев. Там же, с. 23, 43.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 361—362.

⁴³ В. Левицкий. Богомилство — болгарская ересь X—XIV вв. «Христианское чтение», 1870, кн. 1, 3—4; Г. Киприанович. Жизнь и учение богомилов по Павоплии Евфимия Зигабена. «Православное обозрение», 1875, кн. 7—8 и др.

⁴⁴ А. Ф. Гильфердинг. История сербов и болгар. СПб., 1868; Н. А. Осоркин. История альбигойцев, т. I. Казань, 1869.

⁴⁵ М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876; М. Г. Попруженко. Синодик царя Бориса. Одесса, 1899.

⁴⁶ М. С. Дринов. Там же, с. 77.

лениях богомилов отмечали также А. Н. Пыпин и К. Иречек⁴⁷. Однако все эти интересные мысли не получили развития в трудах буржуазных исследователей.

Главная отличительная особенность концепции Д. Благоева — стремление связать богомилство со всей системой социальных отношений в стране, показать его как один из этапов непрекращающейся классовой борьбы. Поэтому Д. Благоев рассматривает прежде всего не специфические условия появления ереси богомилов, а причины, которые порождают классовую борьбу вообще. И только после этого он выявляет особенности богомилства как социального протеста народных масс в религиозной форме. Болгарский марксист оценивает богомилское движение как «реальное выражение огромного недовольства народных масс общественным строем, рабским положением»⁴⁸. Стремясь подчеркнуть близость учения богомилов к нуждам и страданиям трудящихся, Д. Благоев убедительно доказывает, почему это движение не могло выйти за рамки «христианского коммунизма», связав идейную незрелость его участников с недостаточным развитием производительных сил. Он отмечает идейное влияние богомилства на другие еретические учения, но ищет объяснение этому прежде всего в сходных условиях социально-экономического развития, порождавших протест народных масс⁴⁹.

Не менее четко раскрывает Благоев социальные аспекты выступления болгарских крестьян под руководством Ивайлы. Проследивая основные этапы восстания, болгарский марксист далек от идеализации крестьянского движения и видит в нем черты, присущие всем крестьянским выступлениям: неорганизованность, стихийность, «отсутствие сознания общих задач и целей», «общих социальных идеалов»⁵⁰. Он подчеркивает, что восстание не изменило социальных отношений в стране. Крупное боярство во главе с Тертерием сумело использовать нападение татар и греков на Ивайло и разгромить восставших. Но главная причина поражения крестьянского движения, по мнению автора, заключалась в недостаточном развитии производительных сил, которые еще не пришли в столкновение с производственными отношениями⁵¹.

Снова выводы Д. Благоева нельзя не сопоставить с мнением буржуазных историков. К. Иречек, относившийся с известной долей симпатии к «царю пастухов и крестьян», тем не менее в целом рисует картину очередной дворцовой авантюры, в которой принимает участие и народ. Но тот же народ, по словам К. Иречека, «с великой радостью» встретил и очередного претендента на болгарский престол — Тертерия⁵². Еще более стремится утвердить мысль о восстании как очередном дворцовом перевороте А. Л. Погодин, считавший Ивайла авантюристом из низов, который посягал на царский трон⁵³. Попытка буржуазных историков лишить борьбу народных масс ее классового содержания была решительно отвергнута марксистской историографией. Благоевская концепция классовой борьбы нашла дальнейшее развитие в трудах современных болгарских и советских историков: Д. Ангелова, Б. Примова, П. Петрова, П. О. Карышковского, Л. В. Гориной и др.

Большую значимость имеет вывод Д. Благоева об особых путях развития болгарского феодализма, которые он связывает с особенностями

⁴⁷ А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович. История славянских литератур. СПб., 1879, т. I, с. 62; К. Иречек. Там же, с. 353.

⁴⁸ Д. Благоев. Там же, т. 11, с. 17.

⁴⁹ Там же, с. 17—18.

⁵⁰ Там же, с. 15.

⁵¹ Там же.

⁵² К. Иречек. Там же, с. 262.

⁵³ А. Л. Погодин. История Болгарии. СПб., 1910, с. 97—98.

городов в Болгарии. Зависящие от феодалов, терпящие убытки от постоянных войн, они не смогли играть роль, аналогичную городам Западной Европы⁵⁴. В недрах болгарского города не появились зачатки буржуазных отношений, развитие которых могло бы привести к ликвидации феодализма. «Турецкое завоевание, — считает исследователь-марксист, — не уничтожило феодализм. Оно его видоизменило»⁵⁵.

Вопрос о социальной характеристике османского владычества на Балканах давно привлекал внимание Д. Благоева. Еще в 1885 г. он указывал на принципиальную отличительную черту турецкого феодализма — установление государственной собственности на землю⁵⁶. Однако в этот период Д. Благоев несколько упрощенно излагал вопрос об изменении социального состава болгарского общества и полной ликвидации сословных различий, считая, что турецкое иго «уничтожило сословные подразделения даже в самой слабой степени»⁵⁷. В работе «Вклад в историю социализма в Болгарии» он говорит уже о трансформации класса болгарских феодалов на основе новой системы турецкого феодального землевладения — спахилука⁵⁸.

Турецкая османская экспансия ухудшила прежде всего положение народных масс, превращенных в бесправную раю. «Старые социальные отношения, — писал Д. Благоев, — ...развивались в еще более тяжелом для народных масс направлении»⁵⁹. Но вопреки османским завоевателям, в постоянной борьбе с ними развивались производительные силы, появились ростки нового капиталистического способа производства, условия для активизации национально-освободительного движения. Но это относится к новой истории Болгарии, выходящей за рамки данной статьи.

Таким образом, все труды Д. Благоева, связанные с анализом вопросов социально-экономических отношений в средневековой Болгарии, утверждали в болгарской историографии марксистскую трактовку феодализма как общественно-экономической формации. Д. Благоев последовательно, от работы к работе все глубже в теоретическом и конкретно-историческом плане раскрывал основные аспекты формирования феодальных отношений в стране.

Поставив главной целью изучение социальных отношений и стремясь рассмотреть их в процессе развития, болгарский марксист постоянно увязывал этот процесс с развитием производительных сил, хотя, к сожалению, не всегда располагал достаточным фактическим материалом, чем объясняются его некоторые неприемлемые в настоящее время выводы.

В центре внимания Д. Благоева постоянно находится история болгарского народа, его труд и борьба. Именно в освещении положения трудящихся масс, истории классовой борьбы болгарский марксист приходит к выводам, которые получили дальнейшее развитие в современной марксистской историографии.

В своих исторических трудах Д. Благоев показал образец использования научных результатов буржуазной медиевистики и одновременно принципиальной борьбы с буржуазной методологией.

Работы Д. Благоева являют собой пример умения тесно связывать историю далекого прошлого с задачами современной ему политической и идеологической борьбы, сочетания пропаганды исторических знаний с высокой подлинной научностью.

⁵⁴ Д. Благоев. Там же, т. 11, с. 16; Л. В. Горина. Социально-экономические отношения..., с. 145.

⁵⁵ Д. Благоев. Там же, т. 11, с. 16.

⁵⁶ Там же, т. 1, с. 106.

⁵⁷ Там же. Подробнее см. А. С. Бейлис. Там же, с. 53—54.

⁵⁸ Д. Благоев. Там же, т. 11, с. 20.

⁵⁹ Там же.

В. Я. ТИХОМИРОВА

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ 40—70-х ГОДОВ XX в.

Рассмотрение главных линий развития поэзии Народной Польши целесообразно начать с вопроса периодизации послевоенной литературы, оказавшегося в последнее время в числе дискуссионных. Условность любой периодизации не исключает ее важности, поскольку она отражает стержневые моменты социально-исторического и культурного движения общества.

В польском и советском литературоведении утвердилось разделение послевоенной литературы на несколько этапов. Первый из них — с конца 1944 по 1949 г.¹ Он отмечен новыми задачами, вставшими перед литературой после разгрома немецкого фашизма, укреплением в литературном процессе реалистических тенденций, формированием нового типа реализма в условиях острой борьбы за социалистический путь развития искусства. Второй этап традиционно ограничивают хронологическими рамками 1950—1955-х годов, рассматривая его как время активного обращения писателей к современной тематике, разработки в критике теории социалистического реализма, программа которого была выдвинута на IV съезде польских писателей в Щецине (январь 1949 г.). Два десятилетия, отделяющие нас от второй половины 50-х годов, целиком относят к третьему этапу, отмечая в качестве доминирующих черт углубление социалистического содержания литературы, интеллектуализацию всех ее родов, глубокий интерес к общественно-политической проблематике, расширение поиска новых оригинальных художественных решений. Анализируя особенности литературного процесса последних лет, ряд исследователей (М. Стемпень и др.) считает, что в начале 70-х годов наступила четвертая фаза в развитии послевоенной польской литературы.

Подобная периодизация требует сегодня уточнений. Суть их состоит в том, что еще десять лет назад изменения в литературном процессе критика чересчур жестко связывала с изменениями в политической жизни страны, которые были вызваны событиями недавней истории. Это наряду с другими факторами приводило к выделению в литературном процессе небольших временных отрезков, а также к противоречивой оценке от-

¹ W. M a s i ą g. *Literatura Polski Ludowej 1944—1964*. Warszawa, 1974; M. S t e p i e ń. *Literatura polska po 1939 roku*. Kraków, 1975; S. B u r k o t, M. S t e p i e ń. *Współczesna literatura polska. Przewodnik i materiały*. Warszawa, 1974; J. K l e i n e r, W. M a s i ą g. *Zarys dziejów literatury polskiej*. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1974; «Программа по истории польской литературы». Составитель Е. З. Цибенко. М., 1965.

дельных этапов. Так, часть польской критики до сих пор неправомерно считает 1949—1954-е годы звеном, выпавшим из единой цепи литературных традиций, возникших в межвоенное двадцатилетие и продолженных в писательской практике военного и послевоенного периодов. Ряд польских авторов (Я. Витан, Т. Древновский) видит в художественном опыте этих лет лишь проявление схематизма и нормативной эстетики.

Разумеется, литература, отражающая конфликтные ситуации и проблемы общества, не автономна по отношению к ходу истории. Тем не менее было бы ошибочным ставить эволюцию литературного процесса в зависимость исключительно от политических событий, не учитывая процессов проблемно-жанрового развития самой литературы. Недооценка этого обстоятельства приводит к тому, что в существующей периодизации из поля зрения исследователей выпадают некоторые важные, стержневые моменты, составляющие преемственную линию развития всей послевоенной литературы.

Художественный опыт минувшего тридцатипятилетия свидетельствует о своего рода непрерывности литературного процесса в Народной Польше. К этому выводу в послевоенные годы приходят многие польские и советские литературоведы, тем не менее это важное наблюдение недостаточно учитывается при установлении периодизации.

Периодизация послевоенной литературы должна в полной мере отражать как отличие, так и преемственность разных периодов единого социалистического пути развития послевоенной польской литературы. По-видимому, теперь перед исследователями стоит задача отказаться от дробного членения современной литературы, раздвинуть узкие рамки этапов, не вмещающих всего многообразия линий, форм и творческих индивидуальностей.

В польском литературоведении до недавнего времени не было серьезной попытки изменить существующую периодизацию. Однако в 1975 г. с новым предложением выступил А. Лям². Считая, что рубеж любого литературного периода определяется двумя факторами — возникновением новых важных тенденций в общественной и культурной жизни и появлением очередного поколения, вносящего в литературу свой исторический опыт и новое отношение к традициям, А. Лям выделяет три этапа в истории новейшей литературы Польши. Первый — с 1940 по 1954, второй — с 1955—1956 до 1968, третий этап связан с литературными дебютами конца 60-х годов. В концепции А. Ляма виден поиск, стремление укрупнить соответствующие периоды, однако трудно согласиться с тем, что А. Лям не выделил в качестве главного рубежа 1945 год, недооценил то новое, что стало фактом общественной и культурной жизни Польши после победы над фашистской Германией и возрождения страны на социалистической основе.

Ряд исследователей польской и других славянских литератур идет сходными путями, укрупняя периодизацию послевоенной литературы. Об интересе к этой проблематике свидетельствует статья С. Береса в журнале «Месенчник литерацики»³, а также статья С. А. Шерлаимовой, Ю. В. Богданова, В. А. Хорева в «Вопросах литературы», где авторы пишут о двух существенно различающихся этапах литературного процесса в европейских социалистических странах: первом — «начальном, охватывающем послевоенное десятилетие, связанном с закладыванием основ социализма и характеризующемся прежде всего поисками прин-

² A. L a m. Z problemów periodyzacji nowszej literatury polskiej. «Miesięcznik Literacki», 1975, № 12, s. 42—45.

³ S. B e r e ś. Uwagi na marginesie prób periodyzowania współczesnej poezji. «Miesięcznik Literacki», 1977, № 12, s. 74—79.

ципиальной ориентации литературы, выбором пути, и втором — современным, ведущем свое летоисчисление с середины 50-х — начала 60-х годов и связанном с постепенным переходом к построению развитого социалистического общества»⁴.

С такой же позиции мы приступим к рассмотрению наиболее важных результатов гуманистических исканий поэзии Народной Польши.

Облик поэзии послевоенного десятилетия поначалу определяли поэты старшего и среднего поколения — Л. Стафф, В. Броневский, Ю. Тувим, К. И. Галчиньский, М. Яструн, Ю. Пшибось и др. Они сумели запечатлеть драматические картины военных лет, создав непревзойденные образцы философской, гражданской, интимной, пейзажной поэзии. Начав с эмоционального отклика на драматические переживания лет оккупации, их поэзия вскоре стремится выйти из круга этих воспоминаний, откликнуться на задачи преобразования общества.

Послевоенная поэзия развивалась не автономно по отношению к художественному опыту предшествующих литературных периодов. В своих гуманистических исканиях разные поэты постоянно обращались к богатому источнику национальной поэзии. В условиях социалистической действительности художники по-новому осваивали национальные поэтические традиции, обогащая их живым опытом современности, тем самым способствовали дальнейшим поискам и экспериментам молодых. Видное место в поэзии 40-х годов занял Т. Ружевиц.

Как и вся литература в целом, поэзия послевоенного десятилетия в полной мере отразила необычность пережитого во время войны и оккупации. В литературе этих лет преобладали произведения, сутью которых были расчеты с фашизмом. Написанные с большой эмоциональной силой, они отражали масштабы национальной трагедии, материального и нравственного урона, нанесенного человечеству нацистскими преступниками. И все же литература первых послевоенных лет была довольно односторонне занята проблематикой, связанной с периодом оккупации, что в конечном счете приводило к тематической ограниченности как прозы, так и поэзии. На это обстоятельство неоднократно указывала передовая польская критика.

В конце 40-х — начале 50-х годов появилось много произведений, расширяющих тематические границы литературы, охватывающих различные сферы общественной и культурной жизни страны. Желание запечатлеть в художественном слове труд строителей социалистической Польши, выразить масштабность грандиозных преобразований, было присуще лучшим произведениям первой половины 50-х годов. Тем не менее, несмотря на общее успешное движение вперед, на художественном уровне многих произведений 50-х годов отразились требования живнеподобия и утилитарности искусства, выдвигавшиеся в ту пору нормативной эстетикой. Наряду с этим, отдельные критики не проявляли должной принципиальности в выборе критериев оценок, допускали резкие выпады в адрес талантливых, ищущих писателей (Галчиньского и др.). Эти и другие факты, конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Между тем, характеризуя атмосферу пятидесятых годов, некоторые польские исследователи (В. Мацёнг, С. Буркот, С. Бараньчак) гиперболизируют отрицательные явления культурной жизни того периода, не видя несомненных позитивных моментов.

Более объективный анализ литературы первой половины 50-х годов представлен в последних работах М. Стемпеня, В. Навроцкого, Я. Термера, М. Мисерного. М. Стемпень в книге «Польская литература после

⁴ С. Шерлаимова, Ю. Богданов, В. Хорев. Литература реального гуманизма. «Вопросы литературы», 1977, № 10, с. 50.

1939 года», не замалчивая трудностей литературного процесса 50-х годов, обращает внимание на общественную ангажированность писателей, их весомый вклад в процесс созидания новой действительности, творческие удачи, ставшие литературным фактом⁵. Я. Термер, анализируя историко-литературную обстановку 1949—1955-х годов, пишет: «Это было время активных художественных поисков, творческого соревнования различных стилей и направлений..., выработки новых концепций творчества. Именно в те годы окрепла убежденность, что литература должна откликаться на злободневные проблемы, проявлять интерес ко всему, чем конкретно живут социальные слои и отдельные общественно-профессиональные группы населения. Таким образом, разработка современной тематики становилась и формой активного участия литературы в жизни... Тем большее сожаление вызывают предпринимавшиеся порой в последующие годы попытки перечеркнуть, заключить в рамки упрощенных формулировок этот этап..., свести его к одним лишь „ошибкам и искажениям“»⁶. Очередная попытка более глубокого и верного взгляда на литературу первой половины 50-х годов сделана в книге В. Навроцкого «Класс, идеология, литература» (1976)⁷.

В поэзии пятидесятые годы отмечены важными результатами творчества опытных мастеров. Выходят новые сборники В. Броневского, Ю. Пшибося, Л. Стаффа, М. Яструна, Я. Ивашкевича, Ю. Тувима, К. И. Галчиньского. Активно печатается Т. Ружевиц. На эти же годы приходятся первые многообещающие выступления Т. Новака, Е. Фицовского, Т. Кубяка, ставших в последующие годы известными поэтами; выступили с первыми поэтическими книгами В. Шимборская и А. Каменьская. Польская поэзия первой половины 50-х годов постепенно расширяла свою тематическую сферу, не оставшись в стороне от тех задач, которые решал народ. Появилось значительное число произведений, посвященных восстановлению Варшавы, труду горняков и строителей, новой жизни села, творческой активности молодежи. В лирике Броневского, Галчиньского, Тувима, Добровольского, Яструна в полный голос зазвучала тема интернационализма, единения с другими народами, перекликаясь с гражданственно-публицистическими мотивами борьбы за мир, радости созидания, творческой самоотдачи художника, тесно связанного с народом. С этим запасом традиций и накопленного опыта польская литература вышла на новый рубеж.

Изменения общественно-политической и культурной ситуации в Польше, закреплённые решениями VIII пленума ЦК ПОРП (октябрь 1956 г.), положительно отразились на состоянии литературы, в том числе поэзии. Однако процесс оздоровления общественно-политической и литературной атмосферы протекал в сложной обстановке острых дискуссий об отношении к вскрытым партией ошибкам предшествующего периода, о характере польской культуры, социалистическом реализме. В произведениях ряда авторов на первый план выдвигались отрицательные моменты общественной и литературной жизни Польши первой половины 50-х годов (в поэзии подобные тенденции нашли выражение в некоторых стихотворениях А. Важика и М. Яструна). В то же время отношение ряда других крупных художников (например, Ружевица) к событиям недавнего прошлого проявлялось в попытках спокойно, без излишних эмоций разобраться в сложившейся ситуации, осмыслить отдельные этапы пройденного обществом пути. В результате усилий партии и передовой литературной обще-

⁵ M. S t ę p i e ń. Literatura polska po 1939 roku. Kraków, 1975.

⁶ Я. Т е р м е р. Жизнь, воплощенная в слове. «Вопросы литературы», 1975, № 12, с. 84.

⁷ W. N a w r o c k i. Klasa, ideologia, literatura. Poznań, 1976.

ственности, направленных на принципиальную критику антисоциалистических тенденций, к началу 60-х годов упомянутые явления были в основном преодолены, хотя они иногда резонируют и в новейшей литературе.

С середины 50-х годов наступает период нового, необычайно бурного развития поэзии. Ее стилевая дифференциация, ярко проявившаяся после 1956 г. в выступлениях С. Гроховяка, З. Херберта, Е. Харасимовича, Т. Новака, М. Бялошевского и других поэтов, привела к столкновению на литературной арене различных тенденций, обусловила многоликость и пестроту поэтических форм, но при этом увела отдельных художников в сторону самых крайних проявлений экспериментаторства. В развитии поэзии 60-х годов польская критика подметила опасную тенденцию отгораживания от действительности, замыкания в сфере языковой материи, что приводило к ограничению общественных функций писателя, сведению их лишь к «трансформированию вневременных символов и архетипов»⁸. Передовая польская критика резко выступила против тенденций герметизма, обозначившихся в поэзии конца 50-х годов, справедливо указывая, что их усиление оборачивается утратой контактов с читателем, «растущей некоммуникативностью» поэзии и «сужением ее общественного влияния»⁹.

К концу 50-х годов окончательно формируются в особый тип интеллектуально-философской поэзии новаторские искания Ружеви́ча, Шимборской, Херберта, Брылля и других поэтов.

Польская философская лирика, ведущая свою родословную от М. Рея и Я. Кохановского, имеет давнюю и прочную традицию. В послевоенной поэзии данный тип лирики становится доминирующим. Это связано со стремлением воплотить в художественных образах лучшие черты личности социалистического общества, отразить сложность, многомерность сферы духовной жизни современника. Именно поэтому творчество художников, разрабатывающих интеллектуально-философский тип поэзии (Т. Ружеви́ч, В. Шимборская, З. Херберт, С. Гроховяк, Э. Брыль, Б. Дроздовский, У. Козел, М. Гжещак, Э. Липская и др.), занимает в литературе Народной Польши ключевые позиции. Стилеобразующие основы поэтической философской лирики закладывались на протяжении ряда литературных эпох, что особенно ощутимо в поэзии А. Мицкевича, Ю. Словацкого, Ц. Норвида, А. Асныка, М. Конопницкой, многих поэтов «Молодой Польши» и межвоенного двадцатилетия. Синкретизм послевоенной поэзии, впитавшей достижения различных направлений предшествующего периода — «Авангарда», «Скамандра», революционной поэзии; 20—30-х годов, художественного опыта Галчиньского, в творчестве которого уже проявился синтез различных начал в польской поэзии межвоенного двадцатилетия, катастрофизма «жагаристов» и военного поколения писателей в полной мере присущ философской поэзии. Это качество современной поэзии, с одной стороны, открывает общую перспективу для широкого творческого поиска разных мастеров, с другой — в значительной степени определяет особенности художественной манеры каждого из них.

Объединение поэтов, разных по возрасту, масштабам дарования, стилевым особенностям творчества в условно выделяемые течения, возможно, разумеется, лишь в общем плане. Р. Матушевский называет некоторые признаки, характерные для интеллектуально-философской лирики: поэт выступает в роли свидетеля событий; он реагирует на малейшие сдвиги в жизни общества, его конфликты и противоречия; его интересуют аль-

⁸ В. Навроцкий. Общественная миссия литературной критики. «Вопросы литературы», 1975, № 12, с. 126.

⁹ W. M a s i a g. Literatura Polski Ludowej..., s. 128.

тернативные ситуации, у поэтов данной ориентации ярко выражена потребность в моральной и философской оценке жизни¹⁰. Все это, в конечном итоге, определяет не столько эмоциональное, сколько интеллектуальное, аналитическое отношение данной группы поэтов к миру. Не случайно, поэтому, по отношению к этому типу лирики применяются термины: «поэзия мысли», «интеллектуальная, философская поэзия», «лирика интеллектуального поиска» и др.

Объединяющим началом интеллектуальной лирики при всей несхожести индивидуальных стилей становится философское осмысление сферы нравственных норм и оценок, психологии личности. Это характерно и для многих молодых поэтов, чьи имена стали известны в начале 60-х годов. Они внесли в литературу опыт поколения, сформировавшегося в условиях социалистической действительности, интерес к общественной проблематике, а также свое отношение к выбору культурных традиций в качестве основы эстетических платформ. Вместе с тем такие черты философской поэзии, как аналитизм, наличие дидактического элемента, высокая интеллектуальная, рационалистическая насыщенность стиха, использование сложных многоступенчатых ассоциативных рядов в образной сфере произведения нередко оборачивались чрезмерной рассудочностью и абстрактностью. Правда, в середине 70-х годов, с появлением очередных сборников Т. Ружевича, У. Козел, Э. Брылля, А. Каменьской, М. Гжещача и других в философской поэзии наметилась тенденция к более широкому выражению непосредственности чувства и лирического настроения.

Изучая богатство форм послевоенной поэзии, некоторые польские исследователи в 60-е годы попытались определить ее основные типы по некоей доминанте и наметили выделение нескольких групп поэтов: «моралистов», «лингвистов», «мифотворцев». Эта типология была предложена Я. Славиньским в статье «Попытка классификации опыта» (1964)¹¹. Заметную роль в исследовании современной польской поэзии и ее оценке сыграли работы известного литературоведа Р. Матушевского, в особенности его книга «Опыт и мифы»¹², где он вслед за Я. Славиньским приводит то же типологическое деление. По мнению критика, к середине 60-х годов выкристаллизовываются три главных направления, по которым шли интенсивные поиски художников. Философскую лирику Т. Ружевича, В. Шимборской, Э. Херберта, Э. Брылля и других поэтов Матушевский отнес к «поэтической моралистике»; языковые эксперименты М. Бялошевского, А. Кусьневича, Т. Карповича, Ст. Свен-Чохоровского определялись им как попытки создания «лингвистической» поэзии, а творчество Е. Харасимовича и Т. Новака, где прихотливо сочетались мифологическая образность фольклора с элементами сюрреалистической техники, по мнению исследователя, представляло особый тип художественного мышления, при котором явления действительности передаются в форме мифа.

Типология польской поэзии, данная в свое время Я. Славиньским и Р. Матушевским, надолго утвердилась в польской и советской литературной критике. Однако подобная классификация, введенная в 60-е годы в литературоведение, сегодня уже не отвечает состоянию самой поэзии, поскольку не отражает новых явлений в литературном процессе последнего десятилетия. В 70-е годы начался процесс стирания некогда уловимых граней между тремя отмеченными типами поэзии, их внутреннее содержание, а также взаимосвязи претерпевают сегодня существенные изменения. В этом нетрудно убедиться, обратившись к анализу отдельных поэтических систем.

¹⁰ См. R. Matuszewski. Doświadczenia i mity. Warszawa, 1964.

¹¹ J. Sławiński. Próba porządkowania doświadczeń. «Odra», 1964, № 10.

¹² R. Matuszewski. Doświadczenia i mity. Warszawa, 1964.

Тадеуш Ружевич — ведущий польский поэт современности, — вошел в литературу поэтическим сборником «Беспокойство» (1947). Книга выделялась глубиной поставленных проблем, широтой охвата антифашистской темы, всепроникающей тревогой за судьбу культурных и нравственных завоеваний человечества; ее пронизывала идея утверждения высших моральных и эстетических ценностей в один из самых драматических моментов национальной истории. Сборник привлек внимание не только характером проблематики, но также необычностью формы поэтической речи — суровой, даже несколько аскетичной, исполненной скрытого драматизма.

От дома моего
одни только камни...
в одной стороне ветер
развеявший дым и отца
в другой стороне ветер
развеявший дым и мать
в третьей стороне ветер
развеявший даже имя брата...

(«От дома моего»)

Послевоенное десятилетие отмечено неослабевающим интересом поэта к военной теме, стремлением осмыслить природу фашизма и определить моральную позицию человека перед лицом исторической трагедии. С середины 50-х годов в творчестве Ружевича произошли важные изменения. Воспоминания прошлого, хотя и не исчезают из его стихотворений и поэм, но отодвигаются на второй план, уступая место проблемам настоящего. Постоянное ощущение сопричастности большим и малым событиям времени, поиски выхода из трагического тупика отчужденности людей в современной механизированной действительности, активное неприятие любых проявлений мещанства, самоуспокоенности, стабилизированных форм духовной жизни, граничащих с примитивизмом и косностью мышления, острая критика современной буржуазной цивилизации, — вот что является предметом напряженных раздумий поэта, определяет его гуманистическую, гражданскую позицию. Центральной темой лирики 60—70-х годов становится, по словам поэта, «изображение нового, современного человека», его нравственно-психологического мира, сложных и многосторонних связей личности с современной действительностью. Предметом пристального внимания Ружевича стала проблема влияния научно-технической революции на психологию масс. Поэт увидел в бурных темпах технического прогресса некоторые негативные моменты, ощутив угрозу отторжения человека от природы, замены подлинных духовных ценностей набором заданных стереотипов, нивелирующих личность, утраты живых человеческих контактов, без которых жизнь превращается в простое арифметическое сложение случайных, не связанных между собой поступков: «Рано вставать/ ложиться в постель/ выбирать меню/ примерять перчатки/... это угасание».

Гуманистическая направленность философской поэзии последовательно раскрывается в лирике В. Шимборской. Со времени своих первых выступлений на страницах краковских газет (1945) поэтесса опубликовала восемь небольших книг (первый сборник «Для того живем» вышел в 1952 г.), но критика единодушно наделила Шимборскую титулом «первой дамы польской послевоенной поэзии».

Как и у Ружевича, логика построения ее стиха исключает однозначность интерпретаций, оставляя место для интеллектуальной и эмоцио-

нальной неожиданности, в образе или идейной композиции произведения неизменно присутствует элемент открытия:

В опасности голотурия делится надвое:
 одну себя отдает миру,
 другую собой убегает...
 ...Умеем делиться, ох, правда, мы тоже.
 Но увы, лишь на тело и оборвавшийся шепот.
 На тело и поэзию.
 По одну сторону горло, смех по другую...

(«Аутономия», перевод А. Эппеля)

Здесь нет спонтанности чувств и настроений, началом художественного восприятия мира является аналитизм, философичность, а также заложенные в основе психологической конструкции стиха ирония и автоирония.

Общественно-историческая, философская, психологическая проблематика решается в изысканной, отточенной манере с использованием традиционных форм стиха (чаще всего тринадцатисложника), которые поэтесса варьирует, приспособлявая к требованиям своей поэтики. В стихотворении «Минута молчания в память о Людвиге Вавжиньской» Шимборская искусно расчленяет тринадцатисложник на отрезки из семи и шести слогов, изменяя тем самым его привычную графическую запись, а также подчиняет все фрагменты особой интонационно-синтаксической системе, которая, как и у Ружевица, держится прежде всего на перечислениях и повторах. Однако на этом эксперимент не заканчивается. Поэтесса идет дальше — сокращает до минимума стихотворную строку, целиком изменяет интонационную систему тринадцатисложника. Благодаря этим приемам внимание читателя не задерживается на метрическом рисунке стиха, а сосредотачивается на интеллектуальном механизме стихотворения, драматической наполненности образа.

В каждой очередной книге Шимборская остается верна своим излюбленным темам — отношения между людьми в современную эпоху, непрерывная эволюция форм органической и неорганической материи, диалектическая связь прошлого с настоящим. Доминантой лирики Шимборской является проблема возможностей человеческого познания, его естественных границ, ощущение всего богатства мироздания, попытка проникнуть в то, что находится «по другую сторону бытия». Поэтому, даже говоря о потерянности личности в окружающем мире, ее одиночестве, зависимости от «любого случая», поэтесса верит в ее высокое предназначение, славит величие человека-созидателя, который «выстрегал рукой, порождением лапа, кресало и ракету», его мятущийся в поисках новых свершений разум: «верю в великое открытие. Верю в человека, который совершит открытие (...) эти слова возносятся над правилами. Не ищут подтверждения ни в каких примерах» («Открытие»).

К числу тех, кто борется за сохранение высоких нравственных начал личности, относится З. Херберт (род. в 1924 г.). Хотя после появления первой книги «Струна света» (1956) он издал немного, поэт по праву занимает одно из главных мест в польской поэзии 60—70-х годов. Мир З. Херберта, полный контрастов и диссонансов, — это сплав культуры, истории и современности. Великолепный знаток греческого, французского, итальянского искусства, он обращается к персонажам античных трагедий, заставляет размышлять своих героев о Прометее, Христе, Спинозе, чтобы через призму богатств мировой культуры пристальнее взглянуться в многообразие жизненных явлений и фактов, нащупать и осознать важность связи эстетических и этических ценностей. Во многих сборниках

поэта сильно звучит антифашистская тема. При этом Херберт протестует против жестокости недавней истории как бы на расстоянии, с временной дистанции, используя для воплощения военной тематики форму притчи по античным, библейским или средневековым мотивам. В лирике автора «Струны света» существуют два мира — конкретная сегодняшняя действительность и «Аркадия воображения» — мир идеальных предметов и представлений. Столкновение этих двух начал составляет стержень многих стихотворений и служит оценкой современной истории. В сборнике «Пан Cogito» (1974) Херберт обращается к проблеме ответственности человека, ставя перед своим героем задачу выполнения моральных обязанностей, испытывая его на нравственную прочность. Конфронтация слабости пана Когито, не выдержавшего этой проверки, с моральным максимализмом автора рождает общий остродраматический тон сборника. Здесь моралистика Херберта вплотную приближается к программным требованиям Ружеви́ча отображать общественно-значимое, ставить в произведении актуальные этическое-философские вопросы времени.

Социальная дидактика Э. Брылля («Капуны сумасшедшего», 1958 г., и др.) развивается в русле гражданских традиций национальной литературы. Брыль постоянно обращается к общественным традициям XIX—XX вв., апеллируя к патриотическим призывам Мицкевича, Словацкого, Норвида, Высяньского, Жеромского. Поэт настойчиво ищет корни, причины современных явлений в национальном характере, истории, не идеализируя прошлого своего народа, не скрывая его ошибок и недостатков. Развиваясь в русле романтической традиции, в соответствии с общественной миссией поэта-трибуна так, как это понимали великие романтики, сатира и моралистика Брылля обращаются к общественному сознанию, призывая сограждан разрушить шаблоны мышления и поведения. Неспособность критически воспринимать недостатки национального характера, нежелание их преодолеть, угрожает обществу духовной деградацией, о чем с горечью и сарказмом пишет Брыль в стихотворении «Урок поэтики»:

Итак, сидеть, покрываться зеленым налетом и следить, как ползут
зеленые тени плесени, как каждый день линяет,
вздувается в рифмах и слюнявится
обрывок польского языка — где брошена па-
даль Поэзии.

Осмысление Брыллем комплекса проблем, связанных с национальной историей, идет параллельно с поиском оригинальных творческих решений. Брыль широко использует стилизацию, позволяющую глубже осознать отдельные пласты национальной культуры и истории, вводит enjambement, постоянно прибегает к литературным аналогиям. Использование классических форм стиха в сочетании с его интеллектуальной основой сближает поэта с Шимборской и Гроховяком.

Сборники Брылля 70-х годов («Горькая полынь», 1974; «Зверек», 1975; «Эта река», 1977) заметно отличаются по своей тональности от лирики предшествующих лет. В них появились элегические ноты, частыми стали мотивы старения, увядания, размышления о Жизни и Смерти. Изменился и рисунок стиха — он стал более плавным, мелодичным. Поэт ищет новые пути, а результаты этого поиска покажет будущее.

Острый интерес к социальной и нравственной проблематике проявлял С. Гроховяк (1934—1976). Блестяще стартовал в 1956 г. сборником стихотворений «Рыцарская баллада», Гроховяк быстро утвердился в молодой

литературе, внеся специфический круг идей, свое понимание сущности эстетического, раскрыв в стихах оригинальность художественного воображения. По мысли поэта, стремление к возвышенному является способом преодоления смерти, разрушения, уродства. Сам факт описания антиэстетических явлений жизни, обнажение тeneвых, даже уродливых сторон является шагом на пути к постижению прекрасного и тем самым служит отдалению смерти («Часы творения — они лечат раны. Даже смерть кажется далекой, какой она была в детстве». «Ars poetica»). Эстетические взгляды Гроховяка воплощались в контрастных противопоставлениях Жизни и Смерти, возвышенного и низменного, прекрасного и безобразного. В гротеске и аллегоричности этих стихов, напоминающих пышное театральное действо с феерической игрой Любви и Смерти, прослеживается оппозиция красоты и безобразия, гармонии и разрушения, свойственная поэзии барокко. Не случайно Гроховяк давал своим произведениям «аутентичные» названия существующих литературных памятников и явлений культуры той эпохи (стихотворение «Do rani», перекликающееся с известным морштыновским «Do ranię»; «Менуэт» и др.).

Отмечая правильность выводов тех критиков, которые своеобразие его поэтического стиля выводили прежде всего из традиций национальной поэзии, Гроховяк подчеркнул, что ни одно из его главных стихотворений не родилось бы без наследия польского барокко и романтизма. В области версификации следование Гроховяка литературным традициям проявилось в обращении к метрическому стихосложению, возрождению в современной лирике классических форм стиха (баллады, стансы, оды, сонеты), архаичной стилизации. Эти новаторские начинания Гроховяка вызывают ассоциации с поисками Брылля и Шимборской. Предложенная Гроховяком эстетическая концепция, практическим результатом которой было эпатирование читателей изображением безобразного и уродливого, вызвала острую дискуссию в критике. Непосредственным поводом для нее послужила «Ода к турпистам», написанная Ю. Пшибосем. Пшибось выступил против эстетической концепции Гроховяка, чрезмерного, по его мнению, увлечения изображением низменных сторон действительности. Не соглашаясь с Ю. Пшибосем, Гроховяк заявил: «Бодлер хотел эпатировать, моя поэзия хочет освоить то, что было запрещенным плодом... Я не стою за поэзию безобразного. Я стою за мужественную поэзию, которая берет на свои плечи все, что присуще человеку... Ограничивать мир прекрасными заходами солнца — это фальшь, отступление, трусость. Мы должны видеть смерть, болезнь, страдание, старость... и находить в этом какие-то возвышенные моменты»¹³. При различии в технике письма, структуре образов и выборе традиций эстетические концепции Гроховяка были близки бунту Ружевича против фасадности искусства, блестящего глянца, навешенного эстетствующей поэзией на подлинное «лицо» жизни. О чем бы ни писал Гроховяк, он, как и автор «Беспокойства», напряженно вслушивался в современность. Это важное качество его поэзии особенно заметно в публицистической поэме «Totentanz in Polen» (1969), воскресившей картины фашистского террора периода оккупации, и политической поэме «Альенде», в которой автор обратился к трагедии чилийского народа.

Пристальное внимание к внутреннему миру современного человека характерно для лирики Урпули Козел («Резиновые кубики», 1957, и др.). В начале стихи вроцлавской поэтессы носили печать подражания Ружевичу и Шимборской, однако вскоре в них обнаружилась неповторимость ее мироощущения и яркая творческая индивидуальность. О чем бы ни писала У. Козел, она не перестает быть здесь и теперь: «что будет потом — будет

¹³ Цит. по: K. M e l o s h. Zaproszenie do kochania. Lublin, 1972, s. 71, 74.

чужое. Мне дана иссохшая глыба земли». Распахнутость сердца У. Козел делает ее стихи удивительно емкими, позволяет заглянуть не только в «подземные морены памяти», но и ощутить живой пульс родной земли. Характерная черта этой поэзии — связь с природой. Край детства — Билгорайская земля — служит для поэтессы мерилом познания и рефлексии: «Билгорай / краюха края / лесная гористая страна / узкая Танва / в спящем Сане / санный путь / полозья / скошенный луг / ... стойте возле меня / будьте во мне / ... / мои расшитые золотом пейзажи / мои убогие талисманы («Апострофа»).

Присущее поэтессе чувство слитности с землей, дарящей радость и силу, находит свое выражение и в любовной лирике (сборник «В ритме солнца», 1974 и др.). Философские раздумья У. Козел придают ее поэтическому миру новую окраску, резче подчеркивая суть «корней», укрытых от глаз. Не случайно одна из ее книг так и называется: «В ритме корней».

В кругу философской поэзии развивается творчество А. Каменьской. Ее тип поэзии считают наиболее «женственным» как по языковому строю стиха, так и по особой форме мировосприятия — через призыв любви и материнства. Любовь и смерть занимают центральное место в поэзии Каменьской. Отправной точкой для поэтической исповеди стала в сборнике «Белая рукопись» (1970) трагедия женщины, остро переживающей утрату любимого и пытающейся «задержать» в слове его образ, возродить его реальное существование: «в слове мы рождаемся каждый миг, в слове живем, в слове не исчезает любовь; обнимаем друг друга руками слов, висок к виску, голова к голове». Поэтесса черпает вдохновение в народной поэзии, в ее обрядовости, житейски мудром отношении к смерти.

Для А. Каменьской стала естественной и необходимой слитность с большим и изменчивым миром, в котором ей предназначено жить и творить: «Есть во мне весы, которые взвешивают континенты и моря, дни и ночи, листья и облака, живых и мертвых. Поэтому я качаюсь и не знаю покоя» («Весы»). Это беспокойство — одна из основ действенного гуманизма поэтессы.

Последнее десятилетие пополнило философскую лирику новыми именами — М. Гжещак, Э. Липская и др. Довольно быстро освободившись от подражания Шимборской, Липская нашла свой собственный стиль и тон. Поэзия Липской, обращаясь к опыту прошлого («а мы бежали по газонам, когда решали судьбы истории. Не слышали выстрелов. Вместо истории была гимнастика»), живет нашим временем, его проблемами, из которых главное место поэтесса уделяет растущей потребности людей в живом человеческом общении в эпоху господства технической мысли — «телефон доверия» вечно занят, звоню тебе уже много лет, лишь затем... чтобы услышать твой ужасно человеческий голос» («Только затем»). Глубокая напряженная мысль и социальная активность, подкрепленные высоким профессионализмом, прочно утвердили Э. Липскую в интеллектуальной лирике.

В другом направлении шли поиски большой группы поэтов, создавших к концу 60-х годов тип лингвистической поэзии (М. Бялошевский, Ст. Свен-Чахоровский, Т. Карпович, А. Кусьневич и др.). С самого начала поэты-«лингвисты», конструируя свои поэтические «модели» мира, преследовали различные цели. Часть из них трактовала опыты в области языка как своеобразную игру со словом, стремилась найти новые звуковые связи, неожиданные ассоциации, отбросить устоявшиеся каноны речи. За экспериментами Бялошевского, Свен-Чахоровского и их последователей можно было разглядеть желание покончить с застывшими нормами, универсализмом сложившейся в языке системы знаков и символов, нарушить ее привычный автоматизм.

В отличие от Бялошевского и Кусьневича, трактовавших свои опыты в области языка как «игру со словом», Карпович пытался создать индивидуальную поэтическую семантику, считая главным условием построения стиха многозначность слов, поиск их омонимичных эквивалентов. Такое прямолинейное понимание теории Пшибося в конечном итоге ограничивало поле его воображения. Для ряда поэтов-«лингвистов» поразить читателя формой становилось главной идеей, своего рода фетишем. Их поэтические книги свидетельствовали о стремлении авторов сознательно затемнить смысл стиха, не дать ключа к его расшифровке. В целом, лингвистическая поэзия, ориентируясь на изыскание новых языковых формул, не нашла выхода к широкому читателю, о чем обоснованно писала в 60-е годы польская критика (Р. Матушевский, В. Маченг и др.).

В 70-е годы характер лингвистической поэзии меняется; испытывая влияние других типов лирики, прежде всего интеллектуально-философской поэзии, она постепенно начинает утрачивать свою обособленность, приобретает новые черты. Быстрее всего это влияние ощутили молодые поэты, которые начали свою литературную деятельность в конце 60-х годов с формальных экспериментов в области языка, но вскоре заявили о том, что создание настоящего художественного произведения является вопросом не только грамматики, но также вопросом мировоззрения.

Интересно творческое движение М. Бялошевского (род. в 1922 г.), который в 60-е годы был крупным представителем лингвистической поэзии. Главное место в его поэтическом мире занимает словесная игра, которая начинается в самых глубоких слоях языка, в сфере слова, его мельчайших смысловых единиц. Бялошевского притягивает возможность погрузиться в первозданность языковой материи, лежащую вне рамок устоявшейся системы. Следующим шагом было создание особой психической структуры лирического героя, воплощающего антиномии мотивов бездействия, постоянного «лежания на диване» романтическим «полетам души».

В 60-е годы главным предметом поэзии Бялошевского стало изображение психологии и поведения человека, живущего на периферии большого города, замкнувшегося в узком мирке своей квартиры, дома. Спустя десятилетие самый «стойкий» из поэтов-«лингвистов» стремится расширить свои контакты с окружающей его средой. В новых стихотворениях с присущей поэту почти документальной точностью запечатлена повседневная, постоянно меняющаяся жизнь Варшавы, неотделимая от истории города, его героического прошлого. О своем намерении прояснить незамеченные или малоизвестные явления Бялошевский заявил в ряде стихотворений нового сборника «Отделиться» (1978), где он назвал себя «стражем действительности».

К середине 60-х годов четко обозначились позиции Е. Харасимовича, Т. Новака и других поэтов, чье творчество, по мнению тогдашней критики, выражало тенденцию «мифологизации» действительности.

Т. Новак («Я учусь говорить», 1953, и др.) наряду с другими писателями, разрабатывающими «деревенскую» тематику (Я. Б. Ожуг, Э. Брыль, С. Пентак и др.), ведет эту большую тему в особой балладно-сказочной интонации. Стихи Новака восходят к истокам народной культуры, «к миру крестьянской фантазии», сохраняющей и передающей из поколения в поколение удивительные вещи, уходящие в отдаленную историю народа, во времена язычества¹⁴. Путешествия Новака «за золотым руном народной песни» оборачиваются конфронтацией груза вековых традиций крестьянской жизни, народных обычаев, верований, морали с тем новым, что принес в деревню социализм. Философская аллегоричность, стилиза-

¹⁴ Т. Н о в а к. Всегда с народом. «Вопросы литературы», 1975, № 12, с. 260.

ция, восприятие деревенского уклада через призму библейских мотивов, архаизированный пейзаж села, в который проникают отдельные реалии современной деревни, постоянное возвращение к одним и тем же символам крестьянского быта — характерные приметы поэзии Т. Новака.

Сказки и мифы Е. Харасимовича (первый сборник «Чудеса» вышел в 1856 г.) выражают глубоко эмоциональное отношение к миру. Фантазия автора «Польских пасторалей» поистине безгранична. Касаясь пейзажа Подгалья, народного искусства, старинных обрядов, она создает климат теплоты и лиризма: «Из стиха, как из дупла выглядывает Святогор. Все хорошее во мне — от цветущей земляники» (сб. «Зеленая усадьба»). Мир народных сказаний и песен придает этим стихам особое очарование. В их поэтической атмосфере лирический настрой переплетается с шуткой, серьезность с юмором, фантастическая образность с конкретными реалиями деревенской жизни.

С конца 60-х годов Харасимович, которого называют «последним трубадуром романтического убежища», расширяет тематические границы своего творчества, обращаясь к истории народа и культурным традициям мивущих эпох (сб. «Польские Мадонны», 1967; «Времена барокко», 1975).

В книгах 70-х годов («Бар на прудах», 1972; «Польская веранда», 1973; «Дочь палача», 1974) поэт предстал в новом качестве, обратившись к проблемам современной цивилизации, гуманности, ответственности, нравственной ценности личности. Использование отдельных элементов ружевичевской техники письма изменило сам строй его речи, определило характер лирики последнего десятилетия.

Развитие поэзии 60—70-х годов сопровождается многочисленными дискуссиями. Важное значение имела дискуссия о преемственности, о традициях и новаторстве в искусстве, его подлинной ценности в процессе строительства социалистического общества. Широкий резонанс вызвала теоретическая программа Я. М. Рымкевича, изложенная им в книге-манифесте «Что такое классицизм». Определяя свое отношение к литературным традициям, Рымкевич заявил о том, что «нет поэтической идиомы прошлого и настоящего, есть одно огромное море поэтического языка, существующего за границами времени»¹⁵.

Оценивая выступление поэта, передовая польская критика отмечала, что Я. М. Рымкевича мало интересовали проблемы современной действительности, он рассуждал о личности в общечеловеческом плане, конкретные исторические факты фигурировали в его лирике в виде абстрактных идей и символов, реалии настоящего переносились в другое историческое время. В поэтической ситуации, сложившейся в 60-е годы, польская критика (Р. Матушевский) выделяла два полюса, к которым тяготели поиски разных художников. С одной стороны, поэзия новаторская по форме, осмысливающая нравственную и философскую проблематику современной действительности и трактующая слово как инструмент для выражения круга идей и проблем широкого масштаба в морально-философском плане. Другим полюсом стала поэзия, видевшая свою задачу в формальном эксперименте, фетишизирующая слово, занимающаяся языковой эквилибристикой.

Новаторские искания художников, разрабатывающих тип философской поэзии, ускорили процесс ассимиляции между «моралистами», «лингвистами» и «мифотворцами», начавшийся в конце 60-х годов. Интеллектуальная, рационалистическая поэзия моралистов шире открывается для фантазии, лирической стихии. Одновременно поэты, отражающие жизнь в форме мифа, сказки, демонстрировавшие в 60-е годы отход от действительности, в работах последних лет обратились к социальной тематике — примером

¹⁵ J. M. R y m k i e w i c z. Czym jest klasycyzm? Warszawa, 1967, s. 175.

может быть творчество Харасимовича. Из наблюдений над поэзией 70-х годов можно сделать вывод о том, что под воздействием интеллектуально-философского типа поэзии размывается так называемая лингвистическая поэзия. В самом деле, сегодня неверно было бы говорить, например, о Бялошевском или Свен-Чахоровском как о поэтах-«лингвистах», хотя в 60-е годы именно они наиболее последовательно разрабатывали эту линию в польской поэзии. Их творчество, как, впрочем, и других художников, занимавшихся экспериментами в области языка, поворачивает в сторону поиска более тесных связей с внешним миром, от которого они отгораживались рамками своей поэзии.

В минувшую четверть века у самых разных поэтов проявляется стремление к синтетическому охвату действительности. Наиболее весомых результатов добилась на этом пути философская поэзия, которая не провозглашает известных истин, не преподносит готовых рецептов, но постоянно ищет, анализирует, исследует, приходя в итоге к важным обобщениям.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В АЛБАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛИЧНЫМИ МЕСТОИМЕНЕНИЯМИ В СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Если личные местоимения албанского языка бесспорно восходят к индоевропейским архетипам, то так же бесспорно, что система этих местоимений в синхронном срезе имеет отчетливый балканский облик¹. Не имея здесь целью исследовать «балканский аспект» формы и узуса личных местоимений, отметим только одно хотя и вполне очевидное, но важное обстоятельство: в функциональном и материальном совпадении рядов типа алб. *тиа* <*mēm (см. ниже), *тё*, новогреч. *μένε*, *με*, болг. *мене*, *ме*, сербохорв. *мене*, *ме*, рум. *mîne*, *mă* результаты балканской языковой конвергенции в принципе трудноотделимы от первоначального генетического совпадения соответствующих форм, имеющих единый индоевропейский прототип; в этой лексико-морфологической области понятия языковой семьи и языкового союза стоят ближе, чем где бы то ни было.

Однако в настоящей работе нас интересует иная проблема, а именно: как соотносятся реконструируемая индоевропейская и албанская системы личных местоимений, что можно почерпнуть из сравнения этих систем для изучения индоевропейского и раннеалбанского языковых состояний.

Характерным для албанского языка является сосуществование и синтактико-семантическая дифференциация полных и кратких местоименных форм, при возможности «репризы» последних в простом предложении², напоминающей — на глубинном уровне — объектное спряжение в некоторых неиндоевропейских языках.

В отличие от безударных местоимений других балканских языков, в которых следует, по-видимому, хотя бы частично усматривать неорганичные для них внешние влияния³, в албанских безударных местоимениях и,

¹ Ср., например, V. G e o r g i e v. Le problème de l'union linguistique balkanique. В кн. Les problèmes fondamentaux de la linguistique balkanique. Sofia, 1966, p. 5—81.

² O. B u c h h o l z. Zur Verdoppelung der Objekte in Albanischen. Berlin, 1977 (В сб. Beiträge zur Balkanlinguistik. II. Linguistische Studien, Bd. 34, R-e A); Ю. А. Л о п а ш о в. Местоименные повторы дополнения в балканских языках. М., 1979. Ср. еще В. Г. Г а к. К вопросу о местоименной репризе в романских языках. Исследования в области латинского и романского языкознания. Кишинев, 1961, с. 98—120.

³ Отдельной проблемой остается местоименный повтор в романских языках (В. Г. Г а к. Там же), где его становление объясняется (на наш взгляд, не слишком удачно) различными поздними внутриязыковыми процессами структурного характера. Это, однако, уже выходит за рамки нашей заметки.

в частности, в их способности к «репризе» с обязательной проклизой по отношению к глаголу (в албанской местоименной «репризе» непосредственное предшествование местоимения глаголу обязательно) мы предполагаем остатки индоевропейского синтаксического архаизма, поскольку устанавливаемая синтаксическая структура: *частица + местоимение + (предлог/префикс) + глагол* оказывается тождественной древним синтаксическим оборотам в других индоевропейских языках, в частности, в хеттском, в ведийском и в кельтском⁴. Для албанского это наблюдение нельзя отрывать от вопроса о префигурованных глаголах и глагольным виде, поздний характер которых представляется доказуемым. С этой точки зрения нет принципиальной разницы между синтаксическими структурами и индоевропейскими прототипами таких албанских предложений и слов, как *pa të ngas* 'я тебя касаюсь...' < *(a)po te en kôsō, në derë 'в дверях' < *en do dūōrām, nën derën 'под дверью' < *en do en do dūōrām, ç(e) 'что' < *k^wid se/so и т. п. и сходными конструкциями в других индоевропейских языках, в частности, в славянском, восходящих к разновидностям древней синтаксической структуры //NE ... PV//.

Это тождество носит структурно-материальный характер в том смысле, что на основе вышесказанного безударные местоимения в албанском могут прямо выводиться из индоевропейских форм атонического аккузатива: алб. *më* < *me, греч. *με*, гот. *mi(k)*, др.-ирл. *-m*; алб. *të* < *te, хетт. *zi(k), tu(k)*, др.-в.-нем. *di(h)*; алб. *pa* < *по-, скр. *paḥ* (ср. также ниже). Безударная форма 2 л. мн. ч. *ju* индуцирована ударной формой *ju*, взамен ожидаемого *и или *va.

Сказанное выше позволяет объяснить общепалканский эффект местоименной «репризы» как результат воздействия албанской синтаксической конструкции, имеющей, в конечном счете, индоевропейское происхождение и представляющей собой поверхностное преобразование (=склеивание) двух конструкций: *местоименная проклитика + глагол* и *глагол + ударное местоимение/имя*. Разумеется, соответствующие индоевропейские явления (называние проклиз) достаточно далеко отстоят от местоименного повтора — конечной точки развития, однако устанавливаемая между ними связь представляется достаточно зримой и тем более интересной, что в этом случае упомянутый синтаксический архаизм регистрируется в живом индоевропейском языке.

Большая часть ударных личных местоимений в албанском отражает состояние, характерное для так называемых «новых» индоевропейских языков, что выражается, в частности, во включении некоторых относительных местоимений в разряд личных (3 лицо), в том числе в местоименной репризе. В личных местоимениях осуществлена перестройка склонения по именной парадигме: им. *pe*, дат.-вин. *neve*, отл. *nesh* (ср. мн. ч. *male* 'гора': им. *male*, род.-дат. *maleve*, отл. *malesh*) с *-ve* < *(u)ōm, *-sh* < *-su или *-sjo⁵; им. *ju*, дат. *juve*, вин. *ju*, отл. *jush*, причем в им. п. 1 л. мн. ч. более старая форма *pa* < *nos замещена индоевропейской основой косвенных

⁴ С. W a t k i n s. Preliminaries to the reconstruction of indoeuropean sentence structure. В кн. Proceedings of the IX-th International Congress of Linguists. London — The Hague — Paris, 1964, p. 1035—1045; W. P. L e h m a n n. Explanations for some syntactic phenomena of PIE. Glossa, 1973, v. 7, № 1, p. 81—90; В. В. И в а н о в. Общепалканская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, с. 186 и сл.; е г о ж е. Сравнение поверхностных и глубинных синтаксических структур как метод реконструкции общепалканского и раннеобщеславянского синтаксиса. Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1972, с. 55—57.

⁵ Ср. Н. В а г и ć. Istorija arbanaskog jezika. Sarajevo, 1959, s. 11, 27. Ср. однако, неожиданное совпадение дат. вид. п. по мн. ч., в отличие от дат. *juve* — вин. *ju*, вызванное, вероятно, влиянием местоименных парадигм ед. ч.

падежей: *ne* < *nōs (вероятно, по утраченному вин. п. *ne*, вместо которого — *neve*)⁶, а в им. п. 2 л. мн. ч. имеем *ju* < *ius, с кратким *i (вместо *ju), скорее всего, по фонетическим причинам (запрещенное сочетание *j + y*?).

Значительно больший интерес представляют со сравнительно-исторической точки зрения личные местоимения единственного числа, которые практически не были затронуты влиянием именного склонения. Номинатив местоимения 2 л. ед. ч. *tī* восходит через стадию *ty к и.-е. *tū (греч. *τί* лат. *tū* и т. д.); форма им. п. *tinë* обусловлена, вероятно, аналогическим воздействием местоимения 1 л. ед. ч. Форма дат.-вин. п. *ty* закономерно продолжает и.-е. архетип *tūm (где -*m*, вероятно, не показатель аккузатива, а частица) и, следовательно, тождественно индоиранским формам — скр. *tvām*, авест. *θwām* (тонический аккузатив); фонетически *ty* < *tūm как *dy* 'два' < *duō (промежуточное состояние сохраняется в гегском *tye*).

Сложнее обстоит дело с трактовкой отложительного падежа *teje*. Несомненно, в албанском аблативе есть вклад и старого индоевропейского местного падежа (как и отложительного), однако для объяснения этой формы они непригодны. Скорее, следовало бы привлечь к сравнению индоевропейские формы творительного падежа, содержащие **-i-*, типа скр. *tvāyā*, слав. *tobojo и под. или локативные формы типа скр. *māyi*, *tvāyi*. Разумеется, в любом случае реконструкция **t(ū)eiV-* была бы чисто условной⁷. То же, естественно, касается и отложительного падежа 1 л. ед. ч. *meje*; на наш взгляд, наиболее привлекательным остается все-таки сравнение с формами творительного падежа.

Что до дат.-вин. п. 1 л. ед. ч. *mua*, то следует категорически отказаться от трактовки его как **mē*⁸ и принять традиционную трактовку *mua* < **mēm*⁹ (в этом и в других случаях праалб. *eN давало, по-видимому, промежуточное **-ōN* и, сливаясь с исконным **-ōN* развивалось в -*ua*). Тем самым *mua* оказывается тождественным тонической форме вин. п. — скр. *mām*, авест. *maṃ*, др.-перс. *mām*, слав. *mę, др.-прусск. *mien*. Таким образом, недифференцируемый дат.-вин. п. в системе албанского местоимения генетически восходит к тоническому аккузативу.

Особый интерес вызывает своеобразная форма номинатива 1 л. ед. ч. *upë*, у, связь которого с и.-е. материалом, группируемым традиционно вокруг реконструкции **eġ(h)ōm*¹⁰, остается до сих пор не вполне ясной. Убедительную интерпретацию этого местоимения дал Пизани¹¹, предложивший для *upë* промежуточную реконструкцию *udh-në, поддерживаемую интересной силицийской формой *uḏ*¹² (в современной орфографии — *udh*), что сразу же открывает перспективу внешнего сравнения, позволяя реконструировать *udh < **uġh*¹³, которое, в свою очередь, отождеств-

⁶ Ср. впрочем, ст.-гег. *nae* 'nobis' < *nahe < *nosōm, имеющее ближайшие соответствия в балтийском (N. J o k l. Die Verwandtschaftsverhältnisse des Albanischen zu den Übrigen indogermanischen Sprachen. «Die Sprache», 1963, Bd. 9, S. 142; V. P i s a n i. Saggi della linguistica storica. Torino, 1959, p. 130).

⁷ Сравнение *teje* с греч. *τεFός*, предложенное Мейером, фонетически неприемлемо (G. M e y e r. Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Strassburg, 1891, S. 430).

⁸ Ср. S. E. M a n n. The Indo-European Consonants in Albanian. «Language», 1952, v. 28, № 1, p. 37.

⁹ N. J o k l. IF, 1931, Bd. 49, S. 274; G. B o n f a n t e. Dialetti indeuropei. «Annali del R. Istituto Orientale di Napoli», v. 4, 1931.

¹⁰ P o k o r n y I, S. 291.

¹¹ V. P i s a n i. Ibid., p. 107.

¹² G. M e y e r. Ibid., S. 454.

¹³ То обстоятельство, что **ġ(h)n-* в албанском, вообще говоря, дало бы *nj* (ср. *njoh* 'знать' — греч. *γινώσκω*), указывает на сравнительно позднее сращение морфем *udh* и -*ne*.

ляется с хетт. uk и, возможно, с тох. А ðuk(fem.)¹⁴. Если, однако, пренебречь достаточно загадочным (и, по необходимости, вторичным) и-вокализмом¹⁵ и обратиться к «идеальной» реконструкции eġ(h)-, мы окажемся перед двойной проблемой: внутренней структуры и.-е. eġ(h)om̄ и внутренней структуры алб. upë. Ясно, что одно зависит от другого, однако, многообразные возможности логических выкладок по поводу внутренней формы и.-е. *eġ(h)om̄ значительно усложняют какие бы то ни было попытки дать недвусмысленное членение *eġ(h)om̄ и upë соответственно.

Наиболее убедительной, на наш взгляд, остается идея И. Шмидта, видевшего в *eġ(h)om̄ форму номинатива среднего рода¹⁶ (при семантической интерпретации «meine Hierheit»). Это предположение автоматически приводит к мысли о первичности краткой формы *eġ(h)-¹⁷, хотя с семантическим аспектом гипотезы Шмидта мы и не можем согласиться до конца. Действительно, особое происхождение и положение *eġ(h)om̄ в кругу других индоевропейских местоимений отмечается уже давно, а мнение о его эмфатической природе можно считать единогласным — однако, его структура не делается от этого более ясной. Значительную эвристическую ценность представляет сопоставление *eġ(h)om̄ с эмфатическим употреблением «ударной» формы местоимения в таких языках, как французский (ср., например, *Moi, je suis ici; C'était moi qui...*¹⁸). Это сопоставление, однако, было бы более полным, если бы *eġ(h)om̄ сравнивалось со всей соответствующей синтаксической конструкцией: *указательное местоимение + глагол — связка + местоимение*; в этом случае мы неизбежно, вслед за Шмидтом, приходим к мысли о том, что отмечаемая в *eġ(h)om̄ эмфаза вторична, равно как и его собственно местоименное значение, ср. шмидтовское «(meine) Hierheit», где понятие Hierheit, вероятно, выражено *eġ(h)o- (см. прим. 16), в то время как посредством показателя «среднего рода» *(o)m̄ выражается некоторый синтактико-семантический признак, содержание которого только предстоит установить. Оно, как нам представляется, может быть определено, исходя из сравнения *eġ(h)om̄ с и.-е. предлогом *eġ(h)s 'из'¹⁹ (греч. ἐξ, лат. ex, слав. *jъz- и под.)²⁰, в котором *-s является характерным (хотя и факультативным) показателем при некоторых индоевропейских предлогах²¹. Тогда в семантическом и структурном плане пара *eġ(h)om̄ ~ *eġ(h)s образует пропорцию к широко известным фактам местоименно-предложного «синкретизма», связанным с пространственной привязкой предлогов к одушевленному субъекту/объекту (ср. др.-

¹⁴ С труднообъяснимым ð-, возможно, возникшим в результате сандхи или в косвенных падежах. Сам характер изоглоссы весьма интересен (подробнее о хетто-албанских изоглоссах см. В. Э. Орел. Албанские смычные в свете этимологии. «Balcanica. Лингвистические исследования». М., 1979, с. 109—117).

¹⁵ Установление хетто-албано-тохарской изоглоссы исключает предложенное В. Петерсеном («Language», 1935, v. 11, p. 204) объяснение и аналогическими причинами и снимает вопрос о фонетически допустимом алб. udh <*odh- <*eġ(h)-. Краткая форма местоимения u, видимо, из udh в особых акцентно-синтаксических условиях (ср. историю русского я).

¹⁶ KZ XXXVI, S. 405. Ср. с допущением перестановок интерпретацию *eġ(h)om̄ как *eġo eme 'вот я!' в качестве исходной формы. О. Н. Трубачев (ЭССЯ, т. 1, с. 102).

¹⁷ О чем весьма убедительно см. В. Н. Топоров. Прусский язык. Словарь. А — D. М., 1975, с. 115—116.

¹⁸ Ср. сходные замечания о лат. ego как слове, используемом для выделения лица и его противопоставления другим лицам. А. Егнот, А. Мейлет. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4ième éd. Paris, 1959, p. 193.

¹⁹ Роккопу I, S. 291.

²⁰ О членении *eġ(h)s см. О. Н. Трубачев. Заметки по этимологии и сравнительной грамматике. «Этимология. 1970». М., 1972, с. 3 и сл.

²¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, с. 357.

прусск. *din* 'он' ~ слав. *do, *падъ и под.)²². В этом случае, не забывая о возможности дальнейшего членения **eġ(h)*-, мы вправе попытаться отождествить *-*s* в **eġ(h)s*, как и в некоторых других индоевропейских предлогах, с реликтом указательного местоимения **s(o)* (а *-*m* в **eġ(h)om*, соответственно, с *me). При этом следует, конечно, иметь в виду и возможный вклад в указанную выше оппозицию местоимения — предлога чисто флективных категорий (именительного падежа активного и неактивного типов).

Не касаясь здесь более дальних реконструкций, предполагающих членение **eġ(h)*-, мы можем теперь попытаться интерпретировать алб. *unë*, исходя из изложенной выше гипотезы. Выделительно-пространственный характер и.-е. **eġ(h)*- (позволяющий, кстати, и весьма архаичное использование этой формы без последующего местоименного показателя, в виде чистой, отвлеченной локализации, интерпретируемой как указание на субъект) позволяет нам предположить во второй части *unë* < *udh-në продолжение местоимения 1 л. мн. ч. (*nōs* > алб. *ne*): *uġh-nos со значением, весьма приближенно выражаемым как '(один) из нас' (в типологическом плане ср. лат. *quidam* < *qs-mes), '(относящийся) к нам', '(вот один) из нас'. Представляется несомненным, что здесь мы имеем не сложное слово, а синтез целого высказывания (или синтагмы).

Наконец, отметим в заключение отсутствие в албанском возвратного местоимения (основа которого сохранилась в притяжательном прилагательном *i vet* 'свой' < **sġeto-*) и поздний характер местоимений 3 л., восходящих к образованным в албанском сложным указательным местоимениям, происхождение которых связано с теми особенностями древнеалбанского синтаксиса, которых мы коснулись в начале настоящей работы.

²² В. Н. Топоров. Там же, с. 342—344; В. Э. Орел. Слав. *udъ. «Этимология. 1977». М., 1979, с. 57—58 (там же — дальнейшая литература вопроса).

ВОЙТЕХ МАТЕРСКИЙ

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКО-СОВЕТСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

С учреждением Организации Объединенных Наций началось тесное сотрудничество между Польшей и СССР в рамках этой международной организации. СССР, Польша и другие страны, подвергшиеся агрессии со стороны государств фашистско-милитаристской оси, были весьма заинтересованы в создании такой международной организации, которая стала бы эффективным средством сохранения мира и обеспечения безопасности народов. Присоединяясь к Атлантической Хартии (24 IX 1941), Советское правительство не только заявило о своем стремлении к военному сотрудничеству в связи с нависшей над всем человечеством угрозой фашизма, но и выразило убеждение, что сотрудничество между странами должно быть продолжено и в послевоенный период в целях сохранения прочного мира, реализации идеи всеобщей безопасности на прочных основах¹. Форма этого сотрудничества была конкретизирована в польско-советской декларации от 4 декабря 1941 г. Советское правительство официально выступило с концепцией обеспечения в будущем прочного мира путем создания вместо несостоятельной Лиги Наций новой эффективной международной организации безопасности. Третий пункт этой декларации гласил: «После победоносной войны и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей Союзных Государств будет обеспечение прочного и справедливого мира. Это может быть достигнуто только новой организацией международных отношений, основанной на объединении демократических стран в прочный союз. При создании такой организации решающим моментом должно быть уважение к международному праву, поддержанному вооруженной силой всех Союзных Государств. Только при этом условии может быть восстановлена Европа, разрушенная германскими варварами, и может быть создана гарантия, что катастрофа, вызванная гитлеровцами, никогда не повторится»².

На конференции в Думбартон-Оксе вблизи Вашингтона осенью 1944 г. СССР, Соединенные Штаты Америки и Великобритания разработали совместный проект статуса будущей международной организации безопас-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I. М., 1946, с. 163—166.

² Там же, с. 192.

ности³. Он был дополнен в ходе крымской встречи глав правительств СССР, США и Великобритании, а затем американское правительство разослало приглашения на конференцию в Сан-Франциско, посвященную основанию новой организации. Польское Временное правительство не было приглашено на конференцию, так как западные державы его не признавали.

Это вызвало протест со стороны СССР и Польши. 22 марта 1945 г. Временное правительство Польши сделало заявление правительствам великих держав, требуя признания своих прав среди Объединенных Наций⁴. Справедливое требование Польши было решительно поддержано Советским Союзом, который, протестуя против решения американской администрации, подчеркивал большой вклад польского народа в борьбу с фашистской агрессией и значительные жертвы, понесенные польским обществом⁵.

25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско начались заседания одной из крупнейших в мировой истории конференций. Ее задачей было согласование разработанного в Думбартон-Оксе и дополненного в Ялте проекта Устава новой международной организации по безопасности. Среди ее участников не было представителя польского государства, которое первым приняло на себя фашистский удар. Советская делегация, однако, не намеревалась оставить этот вопрос, и еще до открытия конференции заявила, что будет решительно настаивать на приглашении представителя Польши в Сан-Франциско⁶. Благодаря усилиям советской делегации удалось достичь удовлетворительного, по крайней мере с престижной точки зрения, решения этого вопроса. А именно, несмотря на отсутствие Польши на конференции, было принято решение признать Польшу членом-основателем ООН и оставить в Уставе место для подписи ее представителя⁷.

16 октября 1945 г., последней из 51 члена-основателя Организации Объединенных Наций, Польша подписала в Вашингтоне Устав ООН. При этом представитель Польши огласил декларацию, в которой выражалось решительное стремление Польши проводить свою внешнюю политику в союзе и сотрудничестве с Советским Союзом. В ней подчеркивалась необходимость обеспечения прочного мира. Путь к этой цели ведет, указывалось в декларации, через окончательное уничтожение остатков фашизма, полную демократизацию жизни внутри государств, а также через демократизацию международных отношений, основанных на принципах равноправия и взаимного уважения. Мир неделим и это следует осознать и сделать конструктивные выводы⁸.

В таком же духе о польской внешней политике шла речь на I съезде ППР, состоявшемся в декабре 1945 г. В резолюции съезда, в частности,

³ Подробнее об этом см. В. М. Б е р е ж к о в. О конференции в Думбартон-Оксе в 1944 году. «Новая и новейшая история», 1970, № 1; е г о ж е. Две концепции Устава Организации Объединенных Наций (К 30-летию конференции в Думбартон-Оксе). «США. Экономика. Политика. Идеология», 1974, № 8; W. M a t e r s k i. ZSRR a projekt Karty Narodów Zjednoczonych. Konferencja w Dumbarton Oaks w 1944 r. «Z dziejów stosunków polsko-radzieckich. Studia i materiały», vol. XVI. Warszawa, 1977.

⁴ «Rzeczpospolita», 27 III 1945, s. 1.

⁵ W. T. K o w a l s k i. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1944—1947. Warszawa, 1971, s. 23.

⁶ См., например, «News Chronicle», 16 IV 1945; «Известия», 1945, 27 апреля, с. 4; «Известия», 1945, 1 мая, с. 4.

⁷ «Documents of the United Nations Conference on International Organization San Francisco 1945», vol. V. London — New York, 1945, doc. 1213, p. 305.

⁸ «Rzeczpospolita», 18 X 1945; A. A b r a s z e w s k i. Polska w ONZ. Warszawa, 1975, s. 17—29.

говорилось: «Внешняя политика Польши будет в союзе с советской дипломатией (выделено мной.— В. М.) реализовывать постулаты прочного мира и всеобщей безопасности. Одним из средств, ведущих к этой цели, является польская политика в ООН»⁹.

По рекомендации конференции в Сан-Франциско 28 июня 1945 г. была создана Подготовительная Комиссия по вопросам ООН. Она выделила из своего состава Исполнительный Комитет в составе 14 человек, который должен был подготовить предложения относительно даты и места первой сессии ООН, порядка заседаний Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и Социально-Экономического Совета¹⁰. По предложению представителя СССР А. А. Громыко в последней фазе работы Комитета принял участие также представитель Польши З. Модзелевский, который возглавил второй подкомитет¹¹. Участвуя в работе Комитета, он тесно сотрудничал с представителем СССР. При этом, однако, З. Модзелевский почти до последнего момента высказывался за размещение ООН в Европе, тогда как большинство членов Комитета, в том числе советский, югославский и чехословацкий, предлагали избрать местом ее пребывания Соединенные Штаты¹².

Первая торжественная сессия Генеральной Ассамблеи ООН начала свою работу 10 января 1946 г. в Лондоне¹³. Первым вопросом в ее повестке дня было избрание руководящих органов. Выборы председателя и вице-председателя сессии, как и председателей основных комитетов имели характер, далеко выходящий за рамки протокола. На пост председателя сессии были выдвинуты в качестве кандидатов представитель Бельгии Пауль Генри Спаак и норвежский делегат Трюгве Ли. С небольшим перевесом голосов был избран Спаак. Польша и Советский Союз голосовали за представителя Норвегии, хотя выбор Спаака был предрешен. Это объяснялось стремлением СССР и Польши продемонстрировать, что кандидатура Спаака не бесспорна, а также желанием определить соотношение сил (результаты голосования — 28/23). Выборы были необычными, так как все делегации воздержались от объявления своих кандидатур, и лишь перед самым голосованием представителем СССР была официально выдвинута кандидатура Ли. Ход выборов показал, что определенная группа государств, не всегда выступая открыто, будет стремиться навязать свою волю Ассамблее. В выборах председателя сессии ей это удалось, хотя за советскую кандидатуру была подана почти половина голосов¹⁴.

В состав Генерального Комитета сессии — руководящего органа Ассамблеи, вошел Спаак, семь вице-председателей (среди них представитель СССР) и шесть председателей основных комитетов (среди них, в частности, З. Модзелевский — председатель Комитета по политическим делам и безопасности).

Особенно важным для Польши был вопрос о выборах непостоянных членов Совета Безопасности¹⁵. Как известно, шесть непостоянных членов

⁹ «Głos Ludu», 21 XII 1945.

¹⁰ Подробнее см. С. Б. Крылов. Вступление Устава Организации Объединенных Наций в силу и работа Подготовительной Комиссии. «Советское государство и право», 1946, № 1.

¹¹ «Report of the Preparatory Commission of the United Nations». London, 1946, p. 5.

¹² W. T. K o w a l s k i. Ibid., s. 100.

¹³ Сессия имела две фазы: лондонскую (10 I 1945 — 14 II 1945) и нью-йоркскую (23 X 1945 — 16 XII 1945).

¹⁴ Б. Ш т е й н. Первая сессия Организации Объединенных Наций. М., 1946, с. 5.

¹⁵ «Объединенные Нации. Официальный отчет первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи. Пленарные заседания Ассамблеи». Лондон, 1946, с. 48—57. Заседания 4 и 5 12 января 1946.

Совета избирались на два года, при этом половина состава должна была сменяться ежегодно. Поэтому сессия, принимая во внимание начальный период деятельности Организации, должна была избрать непостоянных членов на годичный и двухгодичный сроки. Существенным пунктом программы польской делегации в Лондоне было получение места в Совете на двухгодичный срок. Это вытекало из убеждения, что ключевые решения, касающиеся послевоенных европейских проблем, будут приняты в 1947 г., а их результаты были жизненно важными для Польши. О значении, которое придавалось вопросу выборов, свидетельствовало то, что в случае получения места с годичным сроком польская делегация должна была от него отказаться, чтобы в 1947 г. выступить на новых выборах¹⁶. Советская делегация оказала полную поддержку требованию польской делегации. Непостоянными членами Совета были выбраны Бразилия, Австралия, Польша, Голландия, Египет и Мексика¹⁷. Далее определялось, какое из этих государств избиралось на двухгодичный срок. Перед голосованием по этому вопросу выступил министр В. Жимовский, который обосновал право Польши на место с двухгодичным сроком. Напомнив об огромных жертвах польского народа, о его большом вкладе в дело победы, В. Жимовский в заключение сказал: «Вот почему я питаю надежду, что как в интересах нашего государства, так и в интересах всех Объединенных Наций вы выразите согласие на двухгодичный срок для нас. Польский народ обладает историческим опытом и данными, которые он использует в борьбе за дело мира, цену которому он знает лучше, чем какой-либо иной народ»¹⁸.

В первом голосовании двухгодичное место в Совете получили Бразилия и Австралия, что же касается Польши и Голландии, то была устроена баллотировка. Когда и она не дала результата¹⁹, председатель сессии предложил жеребьевку. В результате Польша получила двухгодичное место в Совете²⁰.

При выборах Социально-Экономического Совета Польша поддержала кандидатуры СССР и УССР, а также Югославии.

Выборы генерального секретаря ООН состоялись 1 февраля. Было известно, что этот пост не может занимать представитель ни одного из государств — постоянных членов Совета Безопасности, поскольку это сразу нарушило бы равновесие сил между великими державами²¹. После длительных переговоров в Совете Безопасности, объяснявших тем, что кандидатура на этот пост должна была по Уставу получить единогласное одобрение постоянных членов Совета, был выдвинут уже рекомендованный советской делегацией на место председателя сессии норвежец Трюгве Ли. Он был избран Генеральным секретарем подавляющим большинством голосов²².

В состав Международного суда были избраны, в частности, С. Б. Крылов (СССР) и — после нескольких баллотировок — проф. Б. Винярский (Польша).

Лондонская сессия ООН должна была ограничиться решением организационных вопросов. Однако ей пришлось заняться и некоторыми проблемами военно-политического характера.

¹⁶ W. T. K o w a l s k i. Ibid., s. 101.

¹⁷ «Объединенные Нации. Официальный отчет...», с. 54.

¹⁸ Там же, с. 55.

¹⁹ Оба государства получили по 25 голосов.

²⁰ «Объединенные Нации. Официальный отчет...», с. 56—57.

²¹ Б. Ш т е й н. Там же, с. 9.

²² За кандидатуру Ли голосовало 43 государства, против — 3.

Иранское правительство по наущению Великобритании направило письмо в Совет Безопасности, требуя рассмотреть вопрос о пребывании советских войск в Иране. Это была попытка создать атмосферу напряженности, поскольку такой вопрос должен был решаться прежде всего путем двусторонних переговоров. В бурной дискуссии по данному вопросу несколько раз выступал З. Модзелевский. Он указывал, что Совет Безопасности не может заниматься вопросом, конъюнктурно поднятым в целях создания определенных настроений в ООН. Возражая против сохранения этого вопроса в повестке дня, З. Модзелевский предложил, чтобы Совет одобрил резолюцию, рекомендующую обеим сторонам предпринять попытку двустороннего соглашения и информировать Совет о ее результатах. В соответствии с этим предложением и было принято решение Совета ²³.

В ходе дискуссии по иранскому вопросу советская делегация предложила рассмотреть вопрос о пребывании британских войск в Греции и Индонезии. Позиция З. Модзелевского по греческому вопросу отличалась от советской; полагая, что вывод британских войск из этого района является делом большой важности он, однако, не считал существующее положение угрозой миру; поэтому следовало бы, по его мнению, обязать Великобританию на основе двустороннего соглашения в соответствующее время вывести свои войска из Греции. Это предложение явно компромиссного характера, поставленное на голосование 4 февраля, не получило необходимого большинства голосов ²⁴. Вскоре Совет прекратил дискуссию по этому вопросу, приняв к сведению высказанные в ходе ее мнения ²⁵.

Иначе выглядела дискуссия по индонезийскому вопросу. Советская делегация обвинила Великобританию в подавлении национально-освободительного движения в Индонезии при помощи находившихся еще там японских войск ²⁶. Представитель Польши признал этот вопрос особенно важным и горячо поддержал идею направить в Индонезию комиссию Совета Безопасности для проверки на месте фактического положения дел. Он подчеркнул солидарность Польши — особенно чуткой в силу своего исторического опыта к проблемам национально-освободительной борьбы — с борющимися за свои права народом Индонезии. Несмотря на многочисленные голосования ни одно из предложений осылке комиссии ООН (украинский проект, египетский проект, советская поправка) не было принято ²⁷. Этот явный факт пренебрежения Западом принципов, на основе которых была создана ООН, уже тогда предвещал наступающий период так называемой американской машины для голосования.

Несмотря на усилия СССР, Польши и некоторых других государств, не было принято предложение о выводе из Ливана и Сирии британских и французских войск ²⁸. Западные державы пытались использовать ООН для обеспечения своих имперских интересов, поэтому важное значение имели выступления представителей СССР и Польши, раскрывающих перед всем миром подлинную суть политики западных деятелей.

Весьма существенной проблемой была дважды обсуждавшаяся на заседаниях Комитета по политическим делам и безопасности резолюция шести государств, в том числе и Советского Союза, по вопросу о создании в рамках ООН комиссии по делам атомной энергии. Выступая по этому

²³ «Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальные отчеты. Первый год. Первая сессия, № 1». Нью-Йорк, 1946, с. 31—32, 33, 34—35, 37.

²⁴ Там же, с. 62—69.

²⁵ Там же, с. 69.

²⁶ Там же, с. 91 и сл.

²⁷ Там же, с. 92—139.

²⁸ Там же, с. 151—193.

вопросу, представитель Польши З. Модзелевский указывал, что атомная энергия может быть использована только для блага человечества, а не в разрушительных целях; все средства уничтожения, опирающиеся на использование атомной энергии, должны быть объявлены вне закона; необходимо введение эффективного контроля в этой области ²⁹. Председатель Комитета Д. З. Мануильский, подчеркнув важность этого выступления, сказал, что польский проект должен послужить основой дискуссии в комиссии по делам атомной энергии после ее создания ³⁰.

На заседании 24 января Генеральная Ассамблея приняла решение о создании Комиссии по делам атомной энергии. З. Модзелевский внес предложение относительно основных принципов работы комиссии: «1. Все государства организуют между собой обмен информацией, касающейся новых открытий, а также средств и методов, при помощи которых они были произведены; 2). Открытия и полученные результаты должны быть использованы только на благо человечества; 3. Члены ООН должны оказывать всемерную поддержку предпринимаемым Организацией шагам в направлении установления контроля над атомной энергией и обеспечением ее использования исключительно в мирных целях; 4. Члены ООН должны исключить из своего вооружения атомное оружие, равно как и всякое оружие, рассчитанное на массовое уничтожение» ³¹.

На лондонской сессии ООН польская делегация, которая наполовину состояла из представителей так называемой лондонской группы, а после отъезда министра В. Жимовского ею руководил «лондонец» В. Керник, тесно и дружески сотрудничала с советскими делегациями, совместно с ними боролась против использования организации в империалистических целях Запада. Успехом завершились совместные польско-советские усилия по созданию деловой атмосферы в обсуждениях проблемы атомной энергии, по принятию в этой области конкретных постановлений.

Конференция в Сан-Франциско, работы Подготовительной Комиссии и лондонская сессия ООН показали, как высоко может быть поднят международный престиж Польши благодаря сотрудничеству с СССР, путем конструктивной, основанной на взаимной пользе политики.

²⁹ «Объединенные Нации. Официальные отчеты первой части первой сессии Генеральной Ассамблеи. Заседания Комитетов Генеральной Ассамблеи». Нью-Йорк, 1946, с. 6; «Rzeczpospolita», 22 I 1946.

³⁰ «Объединенные Нации... Заседания Комитетов...», с. 8.

³¹ «Объединенные Нации... Пленарные заседания Ассамблеи...», с. 145, полоса 2.

Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ

ИЗДАНИЯ ИВАНА ФЕДОРОВА В КНИГОХРАНИЛИЩАХ СЕРБИИ И ВОЕВОДИНЫ

Сводный каталог старопечатной книги кирилловского шрифта, создаваемый в настоящее время усилиями национальных библиотек социалистических стран при участии Института славяноведения и балканистики АН СССР, предполагает описание всех сохранившихся экземпляров той или иной книги¹. Настоящая статья призвана познакомить читателей с экземплярами изданий русского и украинского первопечатника Ивана Федорова, которые находятся ныне в книгохранилищах Сербии и Воеводины и в большинстве своем не описаны.

Московских изданий Ивана Федорова в библиотеках Югославии обнаружить не удалось. Старейшее издание первопечатника, найденное здесь, — заблудовское Учительное евангелие 1569 г. Экземпляр этой редкой книги был недавно идентифицирован Лазарем Чурчичем в Библиотеке Матицы сербской (г. Нови Сад)². В книге сохранились листы 19—22, 26—59, 62—106, 104—127, 129—303, 305—309, 318—342, 345—352, 354—359, 363, 366, 367, 369. Экземпляр происходит из собрания сербского писателя и ученого Адама Драгосавлевича (ум. 1862), которое в октябре 1906 г. было подарено его зятем Стефаном Савичем Матице сербской³.

В Музее Сербской православной церкви в Белграде хранится львовский Апостол 1574 г.⁴. В краткой описи собрания, составленной В. Мошиным, экземпляр этот ошибочно назван «московским печатным Апостолом Ивана Федорова»⁵. В книге сохранилось 16 нумерованных листов 1-го счета и листы 9—411, 113—206, 208—231, 234—256, 260—264 2-го счета, а также еще 3 л. с не сохранившейся фолиацией. Гравированного фронтисписа, таким образом, в экземпляре нет, но зато полностью сохранилось знаменитое послесловие Ивана Федорова «Сия убо повесть изъявляет откуда начася и како съвершися друкарня сия».

В описании В. Мошина указано, что экземпляр происходит «из Мойковаца», небольшого города в Черногории на правом берегу р. Тары, севернее Колашина. Между тем в самой книге имеется ряд записей, указывающих на «Мирковичи» или «Мерковичи»; здесь экземпляр находился

¹ Е. Л. Немировский. К вопросу о создании Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского шрифта XV—XVII вв. В кн. Книга в России до середины XIX в. Л., 1978, с. 51—61.

² Шифр 7.1.1, инв. № 488 384.

³ Ср. «Грађа за историју Библиотеке Матице српске», т. 3. Нови Сад, 1966, с. 244.

⁴ Инв. № 126.

⁵ V. Mošić n. Izvještaj o naučnom putovanju u Srijemsku Mitrovicu — Beograd — Peć — Dečane — Cavtat — Dubrovnik 1953 godine. «Ljetopis Jugoslavenske akademije. Za god. 1953», knj. 60. Zagreb, 1955, s. 223.

еще в XVIII в. Записи сохранились плохо, поэтому возможность прочтения «Мо ковачки» послужила основанием для Мошина говорить о происхождении книги из Мойковаца.

В описи В. Мошина под № 270-310 указаны «старые русские печатные книги». Просмотр их de visu позволил выявить Псалтырь и Новый завет 1580 г. Ивана Федорова. Псалтырь, однако, в экземпляре не сохранилась, первые 97 листов утеряны. Ряд листов заменен рукописными копиями, в том числе и весь конец книги. Послесловие Ивана Федорова отсутствует.

Книга относится к богатой библиотеке монастыря Беочин, в которой до второй мировой войны было 780 старопечатных книг и рукописей⁶. Монастырь был ограблен усташами, драгоценности его вывезены в Загреб; после войны они были переданы Сербской патриархии в Белграде. Уцелевшие книги попали в Церковный музей. Записи о принадлежности Псалтыри и Нового завета монастырю Беочин сделаны на листах книги в 1729 и в 1790 гг.

Из Беочина происходит и экземпляр Острожской Библии 1581 г., который в настоящее время находится в Патриаршей библиотеке в Белграде⁷. Попала она сюда, судя по записям, сравнительно поздно — уже в XVIII в.

В Патриаршей библиотеке в Белграде имеется и второй экземпляр Острожской Библии, в котором, в отличие от первого, сохранилось послесловие в первоначальном варианте с датой выхода — 1580 г.⁸ Происхождение экземпляра установить не удалось. На переплетных листах книги есть недатированные румынские записи.

Сравнительно полный экземпляр Острожской Библии имеется и в Музее Сербской православной церкви в Белграде в составе поступившей сюда в 1955 г. библиотеки Р. Груича⁹. И в этом экземпляре — послесловие 1580 г. На л. 30 об 4-го счета запись: «Сию Библию прочтох аз грешный и недостойный Федор иеромонах јаннуар 18 1758».

В Народной библиотеке в Белграде в свое время имелись два экземпляра Острожской Библии (инв. № 24 и 59)¹⁰; они погибли во время пожара 6 апреля 1941 г. в результате прямого попадания фашистской бомбы. Среди нового небольшого еще собрания старопечатных книг имеется один экземпляр Острожской Библии¹¹, происходящий из Сентендре — города неподалеку от Будапешта, где еще в XVI в. сложился сербский культурный центр. В Епархиальной библиотеке Сентендре по сей день хранится немало славянских старопечатных книг и среди них Триодь цветная (около 1493 г.) Швайпольта Фиоля¹².

Из кругов сербской колонии венгерской столицы происходит и экземпляр Острожской Библии, который ныне находится в Архиве Сербской Академии наук и искусств¹³. Листа с послесловием в этом экземпляре нет; титульный лист заменен рукописной факсимильной копией.

⁶ О. Милановић-Јович, П. Момировић. Фрушкогорски манастири. Београд, 1963, с. 77.

⁷ Шифр П. П. 15 481.

⁸ Инв. № 29 919.

⁹ Инв. № 4746.

¹⁰ Л. Стојановић. Каталог Народне библиотеке у Београду. IV. Рукописи и старе штампане књиге. Београд, 1903, с. 412.

¹¹ Шифр И 63. Экземпляр поступил в Народную библиотеку в первом полугодии 1961 г. Д. Стошић. Принове у Одељење рукописа, старе и ретке књиге Народне библиотеке. «Библиотекар», 1961, № 1—3, с. 171.

¹² Л. Чурчић. Импресије из Будимпеште. «Библиотекар», 1966, № 4, с. 293—299.

¹³ Инв. № 449. Ср. «Збирка рукописа и старих штампаних књига у Српској Академији и наука и уметности у Београду». «Гласник Српске Академије наука», 1962, кн. 14, св. 1, с. 83; Arhiv Srpske Akademije nauka u Beogradu. «Arhivist», 1957, № 3—4, dodatak IX, s. CXCIX.

У нас есть определенные основания говорить о сравнительно широком бытовании экземпляров Острожской Библии среди сербского населения, находившегося под властью Габсбургов. Кроме указанных выше двух экземпляров, отметим еще «отличный экземпляр Библии (1580)», который был найден в 1892 г. М. Н. Сперанским «в Пожаревце, в Помазе селах Будимской епархии (около Пешта)... у попа Георгия Голуба»¹⁴.

Немалое количество экземпляров Острожской Библии находится в монастырях и церквях Югославии. По публикациям нам известны два экземпляра, находящиеся в монастыре Пива, и один — в монастыре Морача (Черногория)¹⁵.

В экземпляре, который находится в церкви села Чайниче (Босния и Герцеговина), — запись 1689 г.: «Сию благочестиву и душеполезную книгу откупи раб божий Арсение Чурчия Радочин сын и преложи е в свети храм Успения Богородицы за вечны спомен лето 7197»¹⁶.

Сотрудница Института защиты памятников культуры СР Сербии М. Теодорович-Шаkota предоставила автору этих строк возможность ознакомиться с составленными ею и по сей день не опубликованными охранными списками рукописей и старопечатных книг, находящихся в монастырях и церквях Сербии. Почти комплектный экземпляр Острожской Библии (сохранилось 605 листов из 628) имеется в монастыре Петковица. В книге — запись 1725 г. Экземпляр этот был известен еще в 1829 г.¹⁷

В описи большой библиотеки монастыря Дечани указаны Библия 1580 г., две Библии 1581 г. и Четвероевангелие Острожского (?). Если судить по количеству указанных в описи листов, то в первом случае мы имеем фрагмент, содержащий заключительную часть Ветхого завета, Евангелие, Апостол и Апокалипсис, а также послесловие с датой 1580 г. Экземпляр этот заключен в серебряный позолоченный оклад. Два других экземпляра, напротив, содержат лишь предисловия и Ветхий завет. В одном из них запись протопресвитера Стефана из Нового Пазара (XIX в.). Что же касается Четвероевангелия Острожского, то, судя по указанному в описи формату (150 × 95 мм) и количеству листов (261), речь идет о фрагменте Псалтыри и Нового завета 1580 г.

Описи М. Теодорович-Шакоты указывают лишь три рукописи, которые ныне хранятся в монастыре Сретенье. Между тем в свое время здесь имелась и Острожская Библия. О ней упоминает Вук Стефанович Караджич в сборнике «Даница» за 1826 г.¹⁸

По упоминаниям в литературе нам известны также экземпляры Библии 1580—1581 гг. в монастырях Ораховица, Джур и Крка, а также в сербском Хиландарском монастыре на Афоне (Греция)¹⁹.

Из всех наших находок в Югославии наибольший интерес представляет Острожская Библия, которая находится в монастыре Врдник (Раваница) на Фрушской горе. Об экземпляре этом нам сообщил Лазар Чурчич, благодаря любезности которого, а также доктора Властимира Ерчича (Народная библиотека «Жика Попович», г. Шабац) мы смогли побывать в монастыре и познакомиться с книгой de visu.

¹⁴ М. Н. Сперанский. Иван Федоров и его потомство. В кн. Древности. Труды имп. Моск. археол. о-ва, т. 23, вып. 2. М., 1914, с. 87.

¹⁵ Н. С. Мартиновић. Стари књижни фонд у Црној Гори. В кн. Старине Црне Горе, т. I. Цетинье, 1963, с. 10.

¹⁶ Цит. по V. Моџин, S. М. Тгаљич. С. irilski spomenici u Bosni i Hercegovini. «Naše starine», t. 6. Sarajevo, 1969, s. 97.

¹⁷ «Летопис Матице српске», 1829, т. 16, с. 124.

¹⁸ «Сабране дела Вука Караџића», кн. 8. Београд, 1969, с. 49.

¹⁹ Л. Мирковић. Црквене старине у српским црквама и манастирима Баната, Румуније и Мађарске. «Споменик Српске академије наука», 1950, кн. 109, с. 16; Р. М. Грујић. Старине манастира Ораховице у Славонији. Београд, 1939, с. 58.

Первые листы книги не сохранились. Видимо, на них и было начало записи, о которой пойдет речь ниже. Не сохранились поля и некоторых следующих листов, поэтому полный текст вкладной приведен быть не может. То же, что можно прочесть, гласит: «В лето 7092 м[еся]ца декамбрия 1 1583 и по их... слуга его м[и]л[ости] преславнаго и православнаго и православна христолюбца князя Константина Константиновича нареченаго Василия кн[язя] Острожского воеводы Киевскаго маршалка или старосты Волынская придах сию Библию сиречь... завета обители преч[елс]тнаго храма Възнесения г[оспод]ня монасты[ря] прозываемого Раванице в земли Сербской близ град Смед[ерево] на реце Мораве близ Дунава в подкриле горы Кучаины вечн[е] и непорушно никим же в отдаление в честь... г[оспод]ю б[о]гу и сп[ас]у нашему І[сусу] Х[ристу] и пр[еч]ч[и]стой его м[ат]л[ери] и всех с[в]я[тых] аминь».

Запись сделана киноварью. Это с определенностью говорит о великорусской традиции, ибо на Украине киноварные вкладные встречаются исключительно редко (известный знаток истории украинского книгопечатания Я. Д. Исаевич сообщил мне, что ему известна всего одна украинская запись, сделанная киноварью).

Здесь нам придется вспомнить, что «слугой» или «служебником» князя Константина Острожского документы неоднократно называют Ивана Федорова. Документ Луцкого городского суда от 5 марта 1578 г. называет его «служебник ясневельможного кн[язя]жати его м[и]л[ости] кн[язя] Костенѣтина Костентиновича Острожского, воеводы киевского маршалка земѣли Вольньское»²⁰. «Слугой» князя Иван Федоров именуется и в львовских документах от 2 марта и от 22 октября 1579 г.²¹. Последний документ имеет немалый интерес для нашей темы. Это заявление серба Ивана из Сочавы о том, что он отказывается от претензий к «Ивану Федоровичу», которые были у него «как в Валахии, так и в турецких землях». Это, как будто бы, свидетельствует о том, что Иван Федоров побывал в Сербии и Болгарии, находившихся тогда под турецким владычеством. Исследователи, утверждавшие так, вспоминали и слова из предисловия к Острожской Библии, в которых шла речь о посланцах, отправленных князем Константином Константиновичем за списками Библии. Посланцы эти «много стран далеких вселенныя проходя, яко Римския пределы, тако и Кандийския острова, паче же много монастырей Грецких, Сербских и Болгарских»²². Считалось, что Иван Федоров побывал в Сербии во второй половине 1577 г.²³.

Вспомним, что запись в экземпляре Острожской Библии из монастыря Врдник датирована 1 декабря 1583 г. 5 декабря 1583 г. Иван Федоров скончался во Львове²⁴. Отсюда как будто бы следует, что мы лишены возможности приписать эту запись первопечатнику. И все же такая возможность остается.

Запись совсем не обязательно должна была быть сделана в самом монастыре. В пору своей предсмертной болезни во Львове Иван Федоров мог вспомнить о монастырях, в которых он побывал, и пожертвовать в некоторые из них книги. Отвезти в Сербию книги мог тот же Иван из Сочавы. Документы регистрируют его пребывание во Львове еще в 1584 г.²⁵.

²⁰ «Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні». Зб. документів. Київ, 1975, с. 36.

²¹ Там же, с. 38.

²² Библия. Острог, 1581, л. 31-го счета.

²³ Е. И. Кацпржак. Первопечатник Иван Федоров. М., 1964, с. 73.

²⁴ Е. Л. Немировский. Когда умер и где похоронен первопечатник Иван Федоров. «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 213—215.

²⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, кн. 384, с. 15.

Косвенное доказательство того, что запись сделана не в самом монастыре, мы видим и в ошибочном указании на местонахождение монастыря Раваница «близ град Смедерево... близ Дунава». От Смедерева, лежащего на правом берегу Дуная, до Раваницы около 90 км.

И еще один факт в пользу нашей гипотезы. Известно, что в Острожской Библии встречаются выходные листы с указанием или на 1580 или на 1581 год. Современные исследователи объясняют это тем, что первоначально «рассчитывали выпустить издание к 12 июля 1580 г., но увидав, что запаздывают, перестали печатать листы с этой датой и заменили их новыми»²⁶. В экземпляре из монастыря Врдник в послесловии указан 1580 г. Но дата эта от руки исправлена на 1581 г. Среди просмотренных нами около 150 экземпляров Острожской Библии ни в одном такого исправления встретить не удалось. Не свидетельствует ли это о том, что поправка сделана человеком, хорошо знавшим обстоятельства печатания издания?

Иван Федоров, в бытность свою в Москве, был дьяконом церкви Николая чудотворца Гостунского в Московском Кремле. У причта этой церкви существовали связи с южнославянскими землями. В Белградской духовной семинарии в свое время находилось рукописное Толковое евангелие с записью: «Лета 7059 (1551).. смиренный в священно пресвитере Иаков, бывшей протопоп Благовещенской, Николы Гостунского, а во иноцех старец Иосиф Чюдова монастыря приложил есмь сие святое евангелие толковое в манастыр свягао Благовещениа... в сербьской земле во власти Босанской, глаголетца Папратя... а послал съ игуменом з Григорьем з братнею»²⁷.

Этот факт в свое время был уже замечен М. Н. Тихомировым, который видел в нем одно из свидетельств южнославянского происхождения нашего книгопечатания²⁸. Мы же можем утверждать, что Иван Федоров, завязав связи с культурными центрами южных славян еще в московский период своей деятельности, расширил их в годы пребывания во Львове и Остроге.

Что же касается монастыря Раваница, то книжные связи с русскими и украинскими землями для него впоследствии стали традиционными. В 1693—1695 гг. иноки монастыря ездили в Москву и во Львов и привезли оттуда много книг. Две из них сохранились. Записи на них гласят: «Сиа светаа и божествена книга, глаголемаа Триодь цветна, от богоспасаемаго града Лвова в државе благовернаго краля Йоана Собецкаго, Лешкые земли, аз грешнии и меншии в иноцех Хажи-Арсение иеромонах, Михаил иеромонах, Захариа диакон в своей монастир Раваницу... Сие бысть 7203 (1695)»; «Служебник из Лвове донеси Хажи Арсение иеромонах и Михаил в свой монастырь Раваницу мученику кнезу Лазару 7203»²⁹.

Возвращаясь к записи на Острожской Библии из монастыря Врдник, отметим, что в любом случае, даже если вкладная сделана не Иваном Федоровым, а каким-либо другим «слугой» князя Константина Острожского, запись эта — исключительно важное свидетельство связей между Острожской типографией первопечатника и южнославянскими землями.

²⁶ А. С. Зернова. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947, с. 62.

²⁷ Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, Књ. 3. Београд, 1905, с. 157.

²⁸ М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с. 93, 163; е го же. Русская культура X—XVIII вв. М., 1968, с. 312.

²⁹ Л. Стојановић. Стари српски записи и натписи, књ. I. Београд, 1902, с. 463—464.

В заключение — о судьбе экземпляра. В 90-х годах XVII в., в пору турецких гонений, монастырь Раваница был оставлен иноками. Все драгоценности монастыря и, прежде всего, останки прославленного военачальника князя Лазаря, взятого в плен турками в 1389 г. во время трагической битвы на Косовом поле и тогда же зверски умерщвленного, монахи вывезли в Сентендре, а затем, в 1697 г., в монастырь Врдник на Фрушкой горе. С того времени монастырь этот и получил второе название Раваница³⁰. Тогда же, видимо, на Фрушку гору попал и интересующий нас экземпляр Острожской Библии.

В XVIII в. на переплетных листах книги была сделана запись «Рукою грешнаго иерея Георгия Петровича пароха Вудиа новачка (?) писана сия малая презнаменованна в память и память и знание всем чтущим».

---

³⁰ «Опис манастира Врдника-Раванице у Срему». Ср. Карловци, 1898; Д. Руж и Ђ. Манастир Раваница — Врдник у Срему. Нови Сад, 1939.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ЖУРНАЛ «ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ»

С января 1978 г. в Софии выходит журнал «Проблемы культуры» («Проблемы на културата») — орган научно-исследовательского Института культуры. Периодичность его — 6 номеров в год, тираж — 3,5 тысячи экземпляров, объем каждого номера — 8 печатных листов.

В редакционной статье, которой открывается первый номер журнала, говорится, что он возник в результате настоятельной потребности в исследованиях проблем культуры в период построения развитого социалистического общества. Поэтому одна из центральных задач журнала — изучение личности и ее всестороннего и гармонического развития. Редакция журнала предполагает всемерно поощрять и активизировать исследования общего национального процесса культурного творчества во всех его разновидностях, связях и взаимодействиях. В качестве актуальных проблем редакция выделяет «проблемы, связанные с международным значением социалистической культуры, раскрытием закономерностей во взаимоотношениях нашей (болгарской. — В. З.) социалистической культуры и культуры других социалистических стран, будет утверждать зарождающиеся интеграционные процессы и явления между болгарской культурой и культурами советских народов» (1978, № 1, с. 9). Важное место на страницах журнала должна занять разработка проблем марксистско-ленинской теории в области культуры, конкретных исследований историко-культурного процесса, а также вопросов методики и методологии. Таким образом, редакция выдвинула ряд важных задач, которые в целом направлены на дальнейшую углубленную разработку теории культуры, методологии исследований и изучение самой истории культуры.

Вышедшие двенадцать номеров за 1978 и 1979 гг. показывают, что редакция ведет поиск основного направления журнала, и с этой целью привлекает специалистов разного профиля: культурологов, социологов, философов, историков, языковедов и искусствоведов. Содержание номеров довольно разнообразно: статьи теоретического, методологического или исторического характера, а также большой библиографический раздел, в котором публикуются обзоры вышедших работ по культуре, аннотации или рецензии на отдельные книги, сообщения о журнальных статьях. Безусловно, к числу положительных моментов относится и то, что на страницах журнала публикуются статьи не только болгарских, но и советских и польских [ученых].

Теоретический раздел в № 1 за 1978 г. открывается статьей председателя Комитета культуры Болгарии Л. Живковой «За дальнейшее расширение и поднятие социальной роли культурного фронта в построении зрелого социализма», которая вводит читателя в актуальную современную проблематику, вызывающую живой интерес деятелей культуры социалистических стран. Статья В. Топенчарова — «Авангард прогресса» — содержит богатый фактический материал о развитии современной советской культуры и тех положительных откликах на нее, которые содержатся в печати западноевропейских стран. В этом же номере помещены статьи И. Стефанова — «Эстетическая культура личности в условиях научно-технической революции», П. Ничкова — «Проблемы и тенденции в развитии социалистического эстетического сознания», Э. Николова — «О существенных различиях между материальным производством и художественной

деятельностью». В качестве дискуссионных редакция помещает статьи: «Что такое культура?» (К. Василев) и «Культура, природа, структура» (Д. Спасов).

В разделе «Сообщения, обзоры, заметки» читатель найдет информацию о советско-болгарском симпозиуме «Эстетическое воспитание и молодежь» (1977), а также рецензии на книги А. Натева — «Искусство и конфекция», С. Кшемен-Ояка — «Культура и политика», Ж. Атанасова — «Культура и образование» (две последние из болгарской серии «Эпоха и культура», предназначенной для широкого круга читателей). Завершается раздел краткими аннотациями статей по культуре, появившихся в 1977 г. в журналах «Вопросы литературы», «Вопросы философии» (Москва) и «Студия социологичне» (Варшава).

Речью Т. Живкова «Борьба народа за свободу, прогресс и социализм — сердцевина системы болгарской художественной культуры», которую он произнес 2 XII 1977 г. на встрече с молодыми болгарскими литераторами, открывается № 2 за 1978 г. В ней Первый секретарь ЦК БКП еще раз остановился на значении Апрельского пленума ЦК БКП 1956 г. для политической, общественной и культурной жизни болгарского народа, отметил также особенности культурного и литературного развития в Болгарии в самые последние годы. Здесь помещены также статьи — «Планирование культурной динамики» (Д. Диков), «Свободное время молодежи и его проблемы» (Э. Соколов), «Эстетическое воспитание и формирование личности» (Ж. Атанасов), «Политическая песня... и проблемы певческой группы» (Р. Стателова).

Почти в каждом номере журнала читатель найдет статьи советских авторов (Э. Соколов, И. Мороз, А. Арнольдов, И. Бестужев-Лада, С. Плотников) или рецензии на книги советских ученых. Признавая важное теоретическое и методологическое значение этих трудов, редакция сочла целесообразным специально посвятить № 3 за 1978 г. советской культурологии. Со статьями здесь выступают: Э. Маркарян — «Теория культуры в системе общественных наук», М. Каган — «Принципы построения историко-культурной типологии», Б. Грушин — «О не-

которых сторонах функционирования средств массовой информации и пропаганды в системе органов социального управления», В. Бойко — «К проблеме эффективности средств массовой информации» и А. Зись — «Проблема личности и современный художественный синтез».

В разделе сообщений В. Свинтила дает обзор книг советских авторов по различным проблемам культуры: А. Лосев — «Проблема символа и реалистическое искусство», Е. Мелетинский — «Поэтика мифа», С. Аверинцев — «Поэтика ранневизантийской литературы» и др. Акад. В. Георгиев рассматривает проблему болгарского влияния в древнерусской литературе и культуре на основе трудов академика Д. С. Лихачева.

Редакция стремится давать информацию о различных конференциях и симпозиумах по культуре, которые проводятся в Болгарии. Наиболее важным из них журнал отводит специальные номера. Так № 4 и № 5 за 1978 г. содержат полную публикацию материалов конференции «Культура и гармоническое развитие личности в современном мире» (апрель 1978). В этой конференции приняли участие ученые СССР, Польши, Югославии, Ирана, Индии и США. В публикации выделены три самостоятельных раздела: «Гармонически развитая личность», «Творческий синтез и взаимодействие культур», «Н. К. Рерих». Опубликованные доклады и сообщения интересны постановкой научных проблем и тем новым материалом, который вводится их авторами.

№ 2 за 1979 г. посвящен конференции «Художественная культура и средства массовой коммуникации» (февраль 1979). Открылась конференция вступительным докладом И. Стефанова — «Массовые коммуникации — угроза или стимул для искусства?». Полемика по этому вопросу развернулась в трех секциях: «Художественная культура и массовые коммуникации — проблемы взаимодействия», «Коммуникация — основное право в жизни современного человека» и «Эстетические возможности средств массовой коммуникации». Участниками этой конференции были искусствоведы, философы, критики и социологи различных научных учреждений Болгарии. Заочно в

конференции участвовали и ученые ленинградского Института культуры им. Н. К. Крупской.

В 1979 г. редакция ввела новый раздел «К 1300-летию основания Болгарского государства». В преддверии этой знаменательной даты, которая будет отмечаться в 1981 г., ведутся исследования разных периодов культуры в жизни болгарского народа (А. Фол.— «Болгарская культура к 1300-летию основания болгарского государства»). В новом разделе привлекают внимание статьи А. Стойнева — «Элементы религиозно-мифологического комплекса протоболгар», М. Бычварова — «И. Селеминский и философская культура в эпоху болгарского Возрождения», Н. Колева — «Г. Крыстевич — родоначальник переводов с французского языка», Б. Богданова — «Орфей и некоторые проблемы древней культуры наших земель», Г. Нешева — «Характерные черты и проявления болгарской культуры первых веков османского владычества», а также ряд статей о связях болгарской культуры с Римом (по данным архива Ватикана, см. № 4 за 1979 г.). Эти материалы, безусловно, представляют интерес как для специалистов, так и для более широкого круга болгарской общественности. Вместе с тем хотелось бы отметить, что знаменательная дата дает основание ставить вопросы истории болгарской культуры не только древнего периода или национального Возрождения (кстати, об этом периоде также пока мало материалов публикуется), но и о последующих этапах. И надо надеяться, что в ближайших номерах журнала проблемы болгарской культуры XIX—XX вв. найдут свое освещение.

В 1979 г. в ряде статей болгарская культура рассматривалась в контексте явлений международной жизни, социального и художественного процессов внутри страны. В этом плане заслуживают внимания статьи К. Горанова — «Программа ЮНЕСКО и некоторые актуальные проблемы культуры», Е. Михайловской — «Эффективность, культура, культурная жизнь», Г. Георгиева — «Законодательство и культура», К. Петканова — «Театр, сцена, эффективность», Т. Иванова — «Фольклор; художественная самодетельность и эстетическое воспита-

ние», А. Полигорова — «Культурный фон научного развития» и др.

В 1979 г. редакция продолжала давать информацию о симпозиумах и конференциях, проходивших в Болгарии, а также рецензии на книги болгарских, советских и иногда польских авторов. Так были освещены симпозиумы: «Социальные аспекты художественной культуры» (София, октябрь 1978), «Ребенок, творческое начало и эволюция» (София, август 1979) и представительная международная конференция по древней и средневековой болгарской культуре (Шумен, апрель 1979). В поле зрения редакции оказались книги болгарских авторов: Б. Ничев — «Введение в южнославянский реализм», С. Ваклинов — «Формирование древнеболгарской культуры», О. Сапарев — «Искусство и массовая культура», Э. Александров — «Международное право в области культуры» и др.

Своими положительными рецензиями журнал привлек внимание читателей к работам советских авторов: О. Фрейдеберг — «Миф и литература древности», «40 мнений о телевидении», Я. Щапов — «Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв.», М. Йовчук, Л. Каган — «Советское социалистическое искусство: исторический опыт и современные проблемы» и др. Прорецензированы два польских издания: сборник «Марксистско-ленинская теория и методы исследования в области средств массовой информации и пропаганды» (Краков, 1978), подготовленный по материалам международной конференции, и монография Й. Мондры «Культура как инструмент внешней политики ФРГ. 1945—1975» (Катовице, 1978).

Даже самый общий обзор журнала за первые два года позволяет сказать, что наши болгарские коллеги провели большую и плодотворную работу по выработке концепции нового периодического издания. В нем заняли большое место жгучие проблемы социалистической культуры, вопросы методологии исследований, сложные процессы взаимодействия культуры с социальным процессом. Вместе с тем нельзя не отметить, что чаще всего и в разделе статей, и в разделе обзоров обращается внимание на социологические аспекты культуры, отдельные явления

в разных сферах культуры, но пока еще нет опыта комплексного рассмотрения разных сфер культурного процесса, нет собственно историко-культурных исследований на национальном материале XIX—XX вв. В некоторых обзорных статьях довольно общо и неконкретно говорится о развитии культуры. Так, в статье И. Богданова «Вековой путь родной культуры» (№ 1, 1979), говорится, что длительный, на протяжении 13 веков, путь ее развития «неразрывно связан с историческим путем болгарского государства. Болгарское государство и болгарская культура взаимно связаны, как земля и небо. Связь между ними не только органичная, но и функциональная» (с. 35). В таких общих формулировках, пусть даже образных, утрачивается социальный, классовый подход к историческому прошлому и упрощаются сложные процессы. Нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что и в разделе со-

общений мало уделяется внимания комплексным и историко-культурным трудам в период XVIII—XX вв.

Читатели журнала надеются найти на его страницах обзоры научной жизни в разных странах, рецензии на труды по теории, методологии и истории культуры, в особенности на работы, которые появляются в Болгарии и в странах социалистического содружества. Пока еще недостаточно, с нашей точки зрения, привлекаются к сотрудничеству по проблемам культуры историки и литературоведы, этнографы и искусствоведы. Хочется пожелать редакции и авторскому коллективу журнала «Проблемы культуры» новых успехов на пути освоения и разработки важнейших проблем теории и истории культуры с древнейших времен до современности.

В. И. Злыднев

НОВЫЙ СЛАВИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В США

С 1977 г. американским издательством «Славика Паблшерз» (Колумбус, штат Огайо), которое специализируется преимущественно на филологической литературе, по славянской и балканской тематике, начат выпуск лингвистического журнала «Folia Slavica». Таким образом, среди довольно многочисленных периодических и серийных изданий по странам славянского и восточноевропейского региона, выходящих в США, появился единственный специализированный журнал, посвященный изучению славянских (а также балтийских и балканских) языков и смежных вопросов филологии, поэтики и прикладной лингвистики.

Согласно издательскому плану, намечено выпускать ежегодно один том журнала, состоящий из трех номеров (раздельных или объединенных) объемом не менее чем по 128 страниц каждый. Возможность последующего увеличения объема журнала зависит от его финансового положения, которому, по-видимому, недостает стабильности: дело в том, что,

как указывают в оповещении к № 1 издатели, журнал «Folia Slavica» не является органом какой-либо общенациональной организации, что имеет место для некоторых других славистических изданий и автоматически обеспечивает им большое число подписчиков. Вероятно, с материальными затруднениями была связана и задержка с началом издания: его первый номер появился лишь в 1977 г., хотя статьи для него были подготовлены уже в 1973—1975 гг. В настоящее время финансовая поддержка журнала производится на межвузовской основе; так, для издания т. 2 (1978) были получены субсидии от Гринвелл-Колледжа, Русского исследовательского центра Гарвардского университета, Отделения славянских языков и литератур Университета штата Нью-Йорк в Олбани и Университета Вирджинии.

Межвузовский характер имеет и состав редакторов (издателей) и редакционной коллегии нового журнала, куда входят многие известные американские

языковеды-слависты, преимущественно представители относительно молодого поколения, пришедшего на университетские кафедры в 60-х годах. Среди них — русисты Л. Бэбби (Корнелльский ун-т), Дж. Бейли (ун-т Висконсина), Д. Крокетт (ун-т Вашингтона), Э. Клены (Гарвардский ун-т), Д. Кубурлис (ун-т Айдахо), М. Левин (ун-т Массачузетса), К. Нейлор (ун-т штата Огайо), старославянист и византиновед А. Гоув (Вандерbiltский ун-т), болгаристы Х. Аронсон (ун-т Чикаго) и Э. Скэттон (ун-т штата Нью-Йорк), специалисты по македонскому, сербскохорватскому и словенскому языкам Р. Александер (ун-т Калифорния в Лос-Анджелесе), М. Элсон (ун-т Вирджинии), В. Фридман (ун-т Северной Каролины), Р. Ленчек (Колумбийский ун-т), полонисты Р. Ротстайн (ун-т Массачузетса) и Р. Стил (Гриннелл-Колледж), богемист и русист Ч. Таунзэнд (Принстонский ун-т), литуанист Д. Робинсон (ун-т штата Огайо), специалист по румынскому языку Дж. Оджеро (ун-т Вашингтона), эллинист К. Казазис (ун-т Чикаго). В редколлегии входят и два неамериканских слависта — Х. Андерсен (Копенгаген) и Д. Хантли (Торонто). Основную организационную и редакторскую работу в журнале ведет Ч. Гриббл, профессор университета штата Огайо в Колумбусе и специалист по истории русского языка и общей славистике, который с 1968 г. является президентом издательства «Славика Паблшерз».

В отличие от ряда других академических изданий, журнал «Folia Slavica» строго одноязычен: все статьи публикуются по-английски. Более того, в латинской транслитерации принято давать и примеры из славянских языков, пользующихся кириллическим алфавитом, если только сохранение оригинального написания не обусловлено специальными причинами; примеры эти, как правило, сопровождаются английским переводом. Это отражает позицию редакции, предназначенной свой журнал не только для сравнительно узкого круга специалистов по славянскому языкознанию, но и для лингвистов других профилей, а также для студентов, еще не получивших достаточной славистической подготовки.

Тематическое содержание журнала раскрывают следующие данные (по пяти имеющимся в нашем распоряжении номерам — № 1 и 2 за 1977 г. и № 1—3 за 1978 г.¹): из более чем 50 статей и развернутых рецензий посвящены общеславянской (исторической и сопоставительной) проблематике 10, старославянскому языку 5, русскому языку 17, болгарскому 4, македонскому 2, сербскохорватскому 3, словенскому 1, чешскому 3, польскому 2, вопросам общего языкознания и поэтики (преимущественно на славянском материале) 4. В предметном отношении особенно многочисленны работы по морфологии — описательной (17) и исторической (6); кроме того, посвящены вопросам синтаксиса 9 статей, лексикологии, семантики и этимологии 6, фонетики и морфонологии 3, изучения памятников 6², истории славистики 2. Эти подсчеты в известной мере указывают на распределение интересов того круга и поколения американских языковедов-славистов, которые группируются вокруг журнала. Представляются, в частности, показательными относительно слабого отражения в вышеданных номерах вопросов фонетики и фонологии, значительный интерес к южнославянским языкам (возможно, несколько «в ущерб» западнославянским), заметный перевес работ, написанных в традиционном (хотя и обогащенном новыми методами) русле — в частности, сравнительно-исторических — над плодами структурного экспериментализма. Как можно заметить из приведенных данных, в статьях из рассматриваемых номеров «Folia Slavica», пока не нашла отражения неславянская балканнистическая проблематика, которая, в

¹ Том 2 (1978) в трех объединенных номерах посвящен 60-летию юбилею видного американского слависта, профессора Гарвардского университета Х. Ланта, известного своими описательными и учебными монографиями по старославянскому, македонскому, русскому языкам; имеется библиография трудов Х. Ланта. Наряду со статьями американских лингвистов, в этот том вошли работы славистов Австрии, Великобритании, Югославии.

² Согласно оповещению издателей, журнал готов публиковать диалектный материал и языковые памятники, но лишь в сопровождении подробных комментариев или лингвистического анализа текстов.

принципе, должна освещаться на его страницах. Впрочем, в отделе кратких рецензий (сравнительно небольшом по объему) появились отзывы на работы по новогреческому и румынскому языкам.

Не имея возможности в этой краткой информационной заметке сколько-нибудь подробно раскрыть содержание «Folia Slavica», ограничимся указанием лишь на некоторые работы, которые могут представить особый интерес для советских славяноведов. № 1 за 1977 г. может быть особенно полезен для специалистов по морфологии южнославянских языков: большую его часть занимают статьи Х. Аронсона о взаимосвязи между видом и наклоном в болгарском языке, Б. Дардена о болгарском адмиративе, Э. Скэттона о морфологии усечения вокалических основ в болгарском, М. Элсона о македонском спряжении, В. Фридмана о морфологии падежа в юго-восточных сербских диалектах, С. Томасона об истории сербскохорватского склонения. Значение трансформационного синтаксиса для лексикологии демонстрируют Р. Брехт и К. Хваны в статьях, посвященных сравнению синтаксических признаков производящих и агглютинативных производных слов в русском языке. Пожалуй, ниже довольно высокого общего научного уровня статей стоит заметка К. Нейлора о «количественной форме» в русском языке, в которой повторяется уже давно известный тезис о нетождественности этой формы родительному падежу.

В № 2 за 1977 г. привлекают внимание общеславянские сравнительно-исторические работы: Дж. Крейгалотт рассматривает процессы вытеснения и аналогического расширения класса основ на *-et- в различных славянских языках, а Д. Робинсон анализирует праязыковое соотношение «тематических» и «атематических» глаголов в славянском и балтийском. Важную общепалеобалканистическую проблему затрагивает Ф. Колумбус в статье о грамматической категории «определенного объекта» в болгарском языке.

Весьма разнообразен тематически обширный второй том «Folia Slavica» (1978). С текстологическими интересами юби-

ляра — Х. Ланта — связаны статьи о древнейшем старославянском песенном каноне Дмитрию Солунскому 880-х годов из Моравии (Р. Якобсон), о молитве «Царство наше, господи, милостью твоею призри» в Киевских листах (Ф. Мареш), о местоимении *on* в древнерусской Лаврентьевской летописи 1377 г. (Э. Клевнин), об орфографии древнечешского памятника Tkadlecsek (Дж. Камминз). Вопросы сравнительно-исторического славянского языкознания затрагивают Л. Файнберг («Чередование тематических гласных в праславянском склонении»), Э. Хэмп («О *deiço- в славянском»), А. Тимберлейк (статья об условиях палатализации и некоторых других процессов при однородных и чередующихся окружениях в славянских языках), М. Элсон (демонстрация исторической правомерности классификации македонских глаголов по формам настоящего времени), Р. Стил («Диахроническое порождающее исследование пассивного причастия прошедшего времени в польском языке»). Интересный вопрос славянской диалектологии рассматривает Р. Ленчек в работе о чакавизмах западнословенских диалектов. Чешско-английской сопоставительной аспектологии посвящена работа Х. Кучеры. В историографической статье П. Оути отмечена роль К. Г. фон Антона — немецкого современника Уильяма Джонса — как предшественника индоевропеистики, правильно оценивавшего, в частности, соотношение славянского языка с санскритом. Значительная часть статей этого тома посвящена вопросам русского языкознания (историческая ономастика, морфология, аспектология, трансформационный синтаксис, семантика).

Научный подход к рассматриваемой проблематике, высокая лингвистическая квалификация авторов «Folia Slavica» делают этот новый американский журнал весьма полезным для филологов-специалистов по русскому и другим славянским языкам. Это стоит учитывать и работникам библиотек, ведающим комплектованием фонда иностранной периодики.

Е. А. Хелижский

V. BYSTRICKÝ, J. HROZIENČIK. *V spoločnom boji. (Revolučná činnosť bulharských študentov na Slovensku v období II svetovej vojny.)* Bratislava, 1978

В. БЫСТРИЦКИЙ, Й. ГРОЗИЕНЧИК. *В совместной борьбе. (Революционная деятельность болгарских студентов в Словакии в период второй мировой войны)*

Рецензируемая книга воскрешает героические страницы борьбы болгарских студентов в Словакии в 1938—1945 гг. Авторы показали ее в неразрывной связи с общей антифашистской борьбой пораженных народов Европы, с освободительной миссией Советского Союза.

Работу по праву можно считать достойным вкладом в дальнейшее изучение словацко-болгарских связей, имеющих глубокие исторические корни. Авторы подробно остановились на противоречивых тенденциях, имевшихся в развитии словацко-болгарских отношений до 1945 г., на окончательной победе принципов пролетарского интернационализма в отношении двух народов в послевоенный период.

Книга отчасти восполняет пробел в историографии международного молодежного и студенческого движения в годы войны. С этой точки зрения она, несомненно, вызовет интерес историков молодежного движения. В работе использованы фонды Центрального государственного исторического и Центрального партийного архивов в Софии, Государственного центрального архива Словакии, Государственного областного архива в Братиславе, Архива Словацкой высшей технической школы, разнообразные документы Министерства иностранных дел Словакии, статистические данные, пресса. Интересный материал об участии словаков в революционной борьбе болгарского народа был обнаружен авторами в «Летописных книгах Народного совета в Горной Митрополии». Часть наиболее ценных документов помещена в приложении к монографии, состоящей из шести глав, введения и заключения.

Во введении авторы подчеркивают, что пролетарский интернационализм, всесторонне проявившийся в антифашистской борьбе, стал основой сотрудничества народов и государств социалистического содружества после поражения нацистской Германии. В работе прежде всего освещается интернациональное сотрудничество болгарского и словацкого народов во второй мировой войне; но, стремясь дать широкую историческую картину связей, показать их преемственность, авторы, опираясь на интересный фактический материал, далеко выходят за хронологические рамки данного периода.

Первая глава посвящена истории революционных традиций совместной борь-

бы болгарского и чехословацкого народов. В ней обращено внимание на общность исторических судеб болгар, чехов, словаков, испытывавших на себе в течение многих лет тяжесть иноземного ига. Авторы четко прослеживают две основные линии в развитии чехословацко-болгарских отношений до марта 1939 г. — официальную и прогрессивную, основанную на принципах солидарности, славянской взаимности, пролетарского интернационализма. Представляют большой интерес факты участия словаков в антифашистском восстании 1923 г., существование тесных контактов Г. Димитрова с К. Готвальдом и другими чехословацкими общественными деятелями, отклики болгарской общественности и студенчества на мюнхенские события и оккупацию Чехии и Моравии. Убедительно показана революционная деятельность болгарских студентов в Словакии, участие болгар в национально-освободительной борьбе чехословацкого народа против фашизма, за национальную свободу и независимость.

Во второй главе характеризуются политические и экономические отношения между двумя государствами в 1939—1944 гг., предпринимается попытка их периодизации. Авторы подчеркивают, что в этот период, так же как и ранее, помимо официальных отношений правящих буржуазных кругов, существовали связи прогрессивных сил, в которых значительную роль играли болгарские студенты, находящиеся в Словакии.

В небольшой по объему третьей главе подробно рассмотрен вопрос о причинах появления многочисленных групп болгарских студентов в домюнхенской Чехословакии и Словацком государстве (в 1941/42 гг. их было около 600). Авторы подробно анализируют и причины существовавшей среди болгарского студенчества политической дифференциации, сотрудничество наиболее прогрессивной его части с заграничным бюро БКП, контакты с КПЧ, попытки правящих кругов уменьшить контингент болгарских студентов.

Одно из достоинств книги, на наш взгляд, состоит в том, что авторы раскрыли сложные процессы политического размежевания среди студенчества, острую борьбу между нелегальным Болгарским общенациональным студенческим союзом (БОСС) и легальным союзом «Раковски». Этим вопросам посвящены четвертая и

пятая главы. Хотя большинство болгарских студентов придерживалось левых взглядов и постепенно под влиянием своей партийной группы и БОСС пополняло ряды нелегального студенчества, тем не менее реакционно настроенных студентов, которые группировались в фашистских организациях легионеров и цанковцев, было примерно 20%.

Единая партийная студенческая группа, созданная в Братиславе в 1943 г., важнейшими задачами своей деятельности считала воспитание у студентов ненависти к фашизму, ознакомление их с идеями марксизма-ленинизма, борьбу с национализмом, носителями которого были легионеры и цанковцы, пропаганду идей славянской взаимности, величия подвига советского народа. Большую роль в решении этих задач сыграли нелегальный журнал «Антифашист» и информационный бюллетень, начавшие выходить в конце 1941 г., деятельность радиостанции «Христо Ботев», возникшей в Москве осенью 1941 г. под руководством Г. Димитрова, контакты с нелегальной компартией Словакии: обмен информационными материалами, листовками, прессой, совместная организация побегов и оказание помощи советским военнопленным.

Одним из аспектов деятельности болгарских студентов была организация материальной помощи партизанскому движению на родине — добровольные денежные взносы, закупка обуви и продовольствия, сбор лекарств и перевязочного материала. В 1943/44 учебном году было собрано более 100 тыс. крон.

Значительное внимание авторы уделили деятельности официальной студенческой организации — союза «Раковски», который был создан в декабре 1939 г.

В соответствии с уставом союз «Раковски» был неполитической организацией. Однако болгарское посольство в Братиславе и другие правительственные органы стремились к тому, чтобы союз стал организацией фашистской молодежи. Коммунисты и руководство БОСС выступали против этих планов и сумели привлечь большую часть болгарских студентов на свою сторону.

Последняя, шестая глава, рассказывает об участии болгарских студентов в Словацком национальном восстании. Материал, собранный авторами, не только раскрывает место Словацкого восстания в антифашистской борьбе словацкого народа и в контексте общеевропейского движения сопротивления, но и позволяет показать влияние на восстание успехов Советского Союза в борьбе против фашистской Германии, размах международной солидарности, проявившейся особенно на заключительном этапе войны в самых разнообразных формах.

Подводя итоги, авторы объясняют «какая сила, какие мотивы заставляли болгарских граждан, находящихся в чужой стране, участвовать в повстанческих боях?» — причины этого они справедливо видят в революционных традициях болгарского народа, общем славянском происхождении, традициях совместных революционных боев и дружеских связей.

В коротком заключении показаны основные направления развития братских связей между Чехословакией и Болгарией в послевоенный период, основы которых были заложены в совместной антифашистской борьбе.

Т. Иконова, Т. Кожкова

В. А. ПОЛУЯН. *Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1939)*. Минск, 1978, 360 с.

Книга В. А. Полуяна посвящена одной из важных проблем истории белорусского народа. Вместе с тем в ней затрагиваются или рассматриваются существенные вопросы истории Польши, поскольку Западная Белоруссия в это время входила в ее состав, и освободительное движение белорусского народа было тесно связано с революционной борьбой польского народа.

Анализируя явления и факты тогдашней действительности Западной Белоруссии на основе марксистско-ленинской методологии, автор приходит к важному, принципиального значения выводу о революционно-демократическом характере движения непролетарских

слоев трудящихся и более или менее убедительно обосновывает этот тезис. Автор учитывает и отмечает особенности революционно-демократического движения в Западной Белоруссии, обусловленные связями этого движения с революционной борьбой пролетариата.

Рецензируемое исследование В. А. Полуяна — результат многолетнего и весьма успешного труда автора. В. А. Полуян, большой знаток истории Западной Белоруссии, внимательно использовал литературу предмета, опубликованные источники и привлек широкий круг новых архивных материалов, позволявших ему показать и правильно оценить многие важные события в истории осво-

бодительной борьбы трудящихся Западной Белоруссии. Необходимо при этом отметить большую источниковедческую работу автора.

В книге дается краткая характеристика социально-экономического положения Западной Белоруссии в рассматриваемые годы. Автор показывает тяжелые условия жизни трудящихся масс в связи с усилившимся социальным и национальным гнетом, раскрывает предпосылки и основные черты революционно-демократического движения в 1921—1927 гг. Внимание автора сосредоточивается на освещении революционно-демократического движения в Западной Белоруссии в 1927—1939 гг. Обстоятельно рассматривается деятельность Белорусского крестьянско-рабочего клуба «Змаганне», при этом подчеркивается влияние КПЗБ на идейно-политическое развитие клуба, роль клуба в освободительной борьбе трудящихся, отмечаются проявления левого сектантства в его работе. Широко показана деятельность Товарищества белорусской школы, активно боровшегося за национальную и демократическую школу. Несмотря на некоторые колебания и преувеличение значения культурно-просветительной работы, ТБШ содействовало развитию национального самосознания и демократических убеждений, противодействовало политике полонизации. Касаясь аграрных выступлений в 1926—1927 гг., автор отмечает значительное ослабление крестьянского движения в эти годы, обусловленное главным образом временной стабилизацией капитализма.

По мнению В. А. Полуяна, с конца 1929 г. начинается новый этап революционно-демократического движения в Западной Белоруссии, характерными чертами которого были широкое развитие массовой борьбы трудящихся, новые формы организации и руководства Компартии при значительном ограничении возможностей легальной работы. В книге содержится глубокая и всесторонняя характеристика крестьянского движения в 1930—1933 гг. Подчеркивается роль коммунистов в организации крестьянских выступлений, которые особенно усилились в 1931—1932 гг. Интересны данные о деятельности крестьянских комитетов, формах крестьянского движения, методах борьбы крестьян против социального и национального гнета. Раскрывается связь и переплетение экономической и политической борьбы трудящегося крестьянства. Вместе с тем значительное внимание уделяется деятельности ТБШ в эти годы, его борьбе против буржуазных националистов; хотя деятельность ТБШ значительно ослабла, она, как указывается в книге, оставалась важным фактором национально-освободительного движения.

Большой интерес представляют наблюдения автора, касающиеся характера и форм освободительного движения в Западной Белоруссии в 1934—1939 гг. В книге показываются усилия КПЗБ, направленные на осуществление политики и тактики единого фронта, мобилизацию масс на борьбу против наступления реакции и угрозы войны, сдвиги, происходившие в расстановке политических сил, важные события в классовой и национально-освободительной борьбе трудящихся деревни, городской бедноты и демократической интеллигенции. Раскрываются особенности революционно-демократического движения этих лет по сравнению с предыдущим периодом, отмечаются трудности, возникшие в результате роспуска КПП.

Существенное достоинство работы заключается в том, что крестьянское и национально-освободительное движение в Западной Белоруссии рассматривается как составная часть общей революционной и демократической борьбы пролетариата и непролетарских слоев трудящихся против социального, политического и национального угнетения, за коренные преобразования существующего строя. Руководящей и направляющей его силой выступает Компартия, оно развивается в тесной связи с революционной борьбой пролетариата. В книге справедливо подчеркиваются интернационалистские черты этого движения: трудящиеся Западной Белоруссии солидаризировались с борьбой трудящихся Западной Украины и польских земель и встречали поддержку со стороны прогрессивных сил других национальностей. Вместе с тем революционно-демократическое движение противостояло попыткам буржуазных националистов подчинить себе трудящиеся массы, использовать их в своих корыстных целях.

Автор выявляет тенденции социалистического характера в рамках революционно-демократического движения, складывавшиеся под воздействием революционной борьбы пролетариата и придававшие этому движению большую организованность и радикальность. С другой стороны, он показывает свойственные крестьянскому движению ограниченность, колебания, элементы мелкобуржуазной революционности. В книге ярко раскрывается взаимосвязь социально-экономической борьбы непролетарских слоев населения с их национально-освободительной борьбой. Трудящиеся массы, выступая против социального и национального гнета, боролись за демократизацию общественного строя, за радикальное его преобразование, за воссоединение Западной Белоруссии с БССР. Это определяло революционно-демократическую направленность их борьбы, в которой проявлялись и тенденции социалистического характера.

Ценное исследование В. А. Полуяна имеет и некоторые недостатки. Автор не раз говорит о влиянии успехов строительства социализма в СССР, и, в частности, в БССР, на развитие революционно-демократического движения в Западной Белоруссии. Хотя этот вопрос уже освещался в литературе, следовало бы ему больше уделить внимания в книге: полнее или шире показать воздействие советской действительности на формирование революционных идей, моральную и материальную поддержку революционерам со стороны советской общности и другие формы революционных связей, имевшие существенное значение для развития освободительного движения в Западной Белоруссии.

Встречаются в книге нечеткие или спорные утверждения. В историографии, как известно, режим санации характеризуется неодинаково. Не удалось избежать этого и автору. Санационный режим определяется им как «военно-буржуазная диктатура», в другом месте говорится, что эту диктатуру «нельзя полностью характеризовать как фашистскую», что она «диктатура профашистского толка», что в 1933—1935, 1937, 1939 гг. «фашистские черты этой диктатуры усилились» (с. 51—52, 189). Эти понятия даже с учетом эволюции режима не могут рассматриваться как однозначные.

Спорными представляются некоторые соображения автора о характере народно-демократической революции, которая интерпретируется как демократическо-социалистическая революция (с. 146—147). Интересная постановка вопроса о союзе рабочего класса и крестьянства нуждается, по-видимому, в уточнениях в том смысле, что эта проблема не может быть заключена только в рамки Западной Белоруссии (с. 211—213). Автор считает ПСЛ-«Вызволене» правокрестьянской партией (с. 44). В действительности эта партия в указанное время находилась на левом фланге людовского движения, противостоя правую крестьянскую партию «Пяст».

В работе В. А. Полуяна впервые в историографии дается систематическое и обстоятельное освещение важной научной проблемы — социально-политического развития Западной Белоруссии, многолетней упорной борьбы трудящихся за свое социальное и национальное освобождение, успешно завершившейся воссоединением Западной Белоруссии с Белорусской ССР. Этим определяется и значимость рецензируемой монографии.

И. Костюшко

А. М. ОРЕХОВ. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). М., 1979, 374 с.

История начального этапа польского рабочего движения широко разработана современной польской историографией (Л. Баумгартен, Е. Таргальский, Ф. Тых и др.). Значительный вклад в ее изучение внесли и советские историки (Т. Г. Снытко, Е. К. Жигунов, Н. И. Бухарин, И. С. Яжборовская и др.). Однако обобщающей работы по всему периоду, на который приходится генезис основных польских социалистических течений и партий, до сих пор на русском языке не было. Автор рецензируемой книги поставил перед собой цель: осветить организационную структуру польского рабочего движения, программно-теоретические искания польских социалистов, дать характеристику деятелей этого движения. Широко используя работы своих предшественников, он ввел в научный оборот и ряд документов из советских и польских архивов, ранее не привлекавших внимания исследователей, что позволило не только сообщить читателю новые факты, но и уточнить в

ряде случаев выводы, содержащиеся в опубликованных ранее работах.

Хронологические рамки исследования А. М. Орехова отличаются от общепринятых. Исходным пунктом польского социалистического движения он вполне обоснованно считает не кассы сопротивления, а созданный осенью 1877 г. в Варшаве первый социалистический кружок и генетически связанный с ним кружок польских социалистов в Петербурге (1874), из среды которого вышли первые польские социалисты-революционеры. Кассы же сопротивления, по мнению А. М. Орехова, следует рассматривать как начало организованного, т. е. руководимого социалистами, рабочего движения.

Автор по новому ставит некоторые вопросы, уточняя и дополняя своих предшественников. Так, обнаруженное им в архиве письмо Ю. Узембло позволило установить, что Варшавская социально-революционная организация была создана уже в мае — июне 1878 г., а не

в августе-сентябре, как полагал Т. Г. Снытко. А. М. Орехов оспаривает выделение в монографии Н. И. Бухарина и И. С. Яжборовской «У истоков польского социалистического движения» (М., 1976) группы З. Познаньского в самостоятельную организацию «Люд польский», рассматривая ее как часть Варшавской социально-революционной организации, хотя и выражавшей иные идейные тенденции.

Важное место в книге занимает история партии «Пролетариат», руководимой Л. Варыньским. Новые архивные материалы, изученные автором, позволяют полнее, чем это делалось в литературе до сих пор, проследить связи польских социалистических кружков за пределами Королевства Польского, в частности петербургского кружка, с движением в Варшаве, расширить имеющиеся представления о сотрудничестве «Пролетариата» с «Народной волей».

В рецензируемой книге впервые дается полный, хронологически законченный очерк истории «Второго Пролетариата» (1887—1893), который, как нам представляется, должен положить конец спорам по вопросу о месте террора в тактике этой организации — автор убедительно доказывает, что концепция террора была принята «Вторым Пролетариатом».

История первых пролетарских организаций, а затем и социалистических партий исследуется в тесной связи с анализом формирования программных концепций польского социалистического движения. Соглашаясь с выводами своих предшественников, что Варшавская программа содержит ряд положений научного социализма и в то же время носит на себе отпечаток анархизма и лассальянства, А. М. Орехов отмечает, что в этой программе социальная эмансипация связывалась с национально-освободительной борьбой.

На протяжении всей работы автор прослеживает соотношение проблем борьбы за социальное и национальное освобождение в программных документах движения. Так, отказ членов группы «Руьность» включить в программу первых польских социалистов-революционеров лозунг независимости Польши А. М. Орехов объясняет их заботой о классовом облике движения, его идейной чистоте, боязнью утраты классовой самостоятельности в случае столкновения с буржуазной стихией в ходе национально-освободительной борьбы. В стремлении авторов программы «Люда польского», поставивших на первое место лозунг независимости Польши, увидеть демократические и социалистические требования (не всегда точно и ясно сформулированные), А. М. Орехов видит шаг вперед по сравнению с другими программными документами польского со-

циалистического движения. Позицию «Люда польского» относительно дальнейших путей развития революционного процесса на польских землях он оценивает как шаг назад.

Программные документы партии «Пролетариат» неоднократно анализировались в работах советских и польских историков. А. М. Орехов разделяет ряд уже устоявшихся оценок этих документов, но в то же время высказывает собственную точку зрения на некоторые существенные вопросы. Так, характеризуя, вслед за своими предшественниками, программу партии «Пролетариат» как проникнутую марксистскими идеями, хотя и не лишенную отдельных недостатков, он обоснованно выступает против преувеличенной ее оценки как «наиболее марксистской программы рабочей партии» из всех существовавших к 1882 г. в рабочем движении Европы, которая была дана одним из современных биографов Л. Варыньского — польским историком Е. Таргальским.

Проследивая в последующих разделах своей работы, как польские социалисты вели разработку революционной теории, автор показывает, в частности, что публицисты журнала «Валька кляя» рассматривали марксову идею диктатуры пролетариата как составную часть и стержневой момент процесса социальной революции, подойдя близко к пониманию сущности диктатуры пролетариата переходного периода от капитализма к социализму.

Наряду с анализом идейно-теоретических концепций польского социалистического движения в работе А. М. Орехова должное место занимает история массового рабочего движения — жирардовские стачки 1883 и 1891 гг., празднование 1 Мая 1890 и 1891 гг. на польских землях, «Лодзинский бунт» 1892 г. Автор видит своеобразие процесса слияния социализма с рабочим движением в Польше в том, что он начался, когда еще не было массового рабочего движения, еще в эпоху деятельности партии «Пролетариат». Репрессии царизма затормозили этот процесс, но жирардовская стачка и «Лодзинский бунт» открыли полосу массового рабочего движения в Королевстве Польском.

В центре внимания автора стояло Королевство Польское — именно здесь развертывались основные события истории польского социалистического движения. Вместе с тем, как нам представляется, уже имеющиеся в научном обороте материалы давали возможность сделать более насыщенными разделы, посвященные становлению польского социалистического движения в Галиции, особенно во второй половине 80-х и в 90-е годы. Хотелось бы получить более полное представление о деятельности

дюринской группы. Р. Люксембург, ее связях с краем, о развитии социалистической мысли в эмиграции в 1887—1893 гг.

Книга написана хорошим литературным языком. Выводы, сделанные автором, научно обоснованны и соотнесены с выводами его предшественников. Достоинством книги являются яркие характеристики деятелей польского социалистического движения, среди ко-

торых можно отметить в первую очередь Л. Варыньского, С. Куницкого, Б. Лимановского, С. Мецдельсона. Отсутствие историографического обзора компенсируется той полемикой, которую А. М. Орехов на многих страницах своей книги ведет с рядом советских и польских историков.

С. М. Стецкевич

СОПРОТИВЛЕНИЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ОККУПАЦИИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ В 1878 ГОДУ

В издании Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины вышли в свет материалы научной конференции, состоявшейся в Сараеве 23—24 октября 1978 г. и посвященной 100-летию движения сопротивления в Боснии и Герцеговине в 1878 г. против австро-венгерской оккупации¹.

По существу эта конференция является продолжением и логическим завершением другой большой международной научной конференции, организованной также боснийско-герцеговинской Академией наук и искусств в 1975 г. и посвященной 100-летию восстания в Боснии и Герцеговине, в других балканских землях и Восточному кризису в 1875—1878 гг.²

На сараевской международной научной конференции 1978 г. рассматривался только вопрос о сопротивлении австро-венгерской оккупации в Боснии и Герцеговине в 1878 г. и об откликах на него в балканских странах и за их пределами. Вооруженное сопротивление австро-венгерским войскам, которое длилось около трех месяцев (с конца июля до конца октября 1878 г.), означало несогласие на деле жителей Боснии и Герцеговины с решениями Берлинского конгресса, касавшимися их родины. Руководящую роль в вооруженном сопротивлении в

это время играли главным образом боснийско-герцеговинские мусульмане (не турки). Позднее, когда австро-венгерские войска подавили это вооруженное сопротивление, наступил период пассивного сопротивления оккупантам, который длился вплоть до распада Австро-Венгерской монархии в 1918 г., руководящую роль в котором играли главным образом боснийско-герцеговинские сербы.

Рецензируемый сборник содержит следующие материалы: краткое введение от редакции, вступительное слово председателя Оргкомитета конференции академика Х. Чемерлича, приветственную речь президента Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины А. Бенаца, тексты двадцати докладов и сообщений участников конференции, шесть из которых принадлежат иностранным гостям³, а также выступления и дискуссии, в которых приняли участие 18 человек. Тексты докладов опубликованы на языке оригинала: сербскохорватском, словенском, русском, английском и немецком.

Как в докладах и сообщениях, так и в дискуссии было поднято много важных и интересных вопросов, которые еще не нашли отражения в историографии, введено в научный оборот много новых материалов по обсуждавшейся проблеме. Так, впервые в историографии были подвергнуты рассмотрению вопросы о положении в Боснии и Герцеговине накануне оккупации, об отношении местного населения (сербов, мусульмане, хорваты и евреи) к

¹ Naučni skup. Otpor austrougarskoj okupaciji 1878. godine u Bosni i Hercegovini (Sarajevo, 23 i 24 oktobra 1978.). Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja, knj. XLIII. Odjeljenje društvenih nauka, knj. 8. Sarajevo, 1979, 441 s.

² Međunarodni naučni skup povodom 100-godišnice ustanka u Bosni i Hercegovini, drugim balkanskim zemljama i ističenoj krizi 1875—1878., godine (Sarajevo — Plidža, 1—3 oktobra 1975.), t.I—III, Sarajevo, 1977. Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja, knj. XXX. Odjeljenje društvenih nauka, knj. 4.

³ С докладами выступили: Р. Петрович, М. Боич, Б. Маджар, Л. Джакович, Вл. Стоянчевич, В. Мелик, Д. Павличевич, Н. Бергич, Вид. Стоянчевич, Н. Ражнагович, Х. Чурич, В. Богичевич, Д. Берич, М. Бегович (Югославия), Э. С. Байкал (Турция), Р. Дониа и К. Х. Карпат (США), В. И. Фрейдзон (СССР) и Х. Хазельштайнер (Австрия).

вестям сначала об автономии, затем об оккупации и вообще о судьбе их родины. Всестороннее исследование обстановки в Боснии и Герцеговине в то время и откликов на события в югославянских землях (Словении, Хорватии, Далмации, Сербии, Черногории и Воеводине) и других странах (России, Турции и Австро-Венгрии) представляет тем больший интерес, что все это являлось прямой и непосредственной реакцией на решения Берлинского конгресса. Поэтому можно без преувеличения сказать, что рецензируемый сборник представляет собой значительный вклад в изучение Восточного кризиса 1875—1878 гг. вообще, и истории Боснии и Герцеговины, в частности.

В краткой рецензии не представляется возможным охватить все вопросы, поднятые в докладах и дискуссии. Поэтому остановимся лишь на важнейших. Научная часть конференции открылась обобщающим проблемным докладом известного югославского историка, профессора Сараевского университета Раде Петровича «Движение сопротивления против австро-венгерской оккупации 1878 г. в Боснии и Герцеговине», построенным таким образом, чтобы стимулировать широко и плодотворную дискуссию. Дав краткую характеристику литературы по проблеме, определив периодизацию движения сопротивления и положения в Боснии и Герцеговине в 1878 г., докладчик остановился на терминологических вопросах, имеющих существенное значение для научного понимания сути изучаемого явления с точки зрения его марксистской интерпретации. Большое внимание Р. Петрович уделил анализу внутреннего положения в Боснии и Герцеговине накануне изучаемых событий (состоянию войска, общественной безопасности, проблеме беженцев, финансовому положению и т. д.). Автор подробно рассмотрел позиции Турции и Италии и некоторые акции Ватикана. Обо всем этом до сих пор было очень мало известно. Подводя итог своих многолетних исследований, Р. Петрович пришел к выводу, что движение сопротивления против австрийской оккупации было новым явлением во всей предшествующей истории Боснии и Герцеговины и ознаменовало, хотя и кратковременное, единство всех национальных сил в борьбе против чужеземной оккупационной власти. Поэтому его историческое значение заключалось не столько в результатах, достигнутых в 1878 г., сколько в его роли в будущей исторической перспективе. События в 1878 г. в Боснии и Герцеговине представляли собой исторический поворот, который автор сравнивает с событиями 1463 г., когда эти области попали под власть османской Турции. Особое значение, по мнению докладчика, события 1878 г. имели для националь-

ного развития местных мусульман, главным образом в плане их эмансипации от турецкого государства. Исключительно важна поэтому мысль Р. Петровича о том, что первый период событий 1878 г. в Боснии и Герцеговине отмечен борьбой против многовекового турецкого господства, которое тогда на деле было уничтожено. И только позднее дело дошло до ожесточенных сражений с австро-венгерской армией.

Мы подробно остановились на докладе Р. Петровича и результатах его исследований не только потому, что они дают много нового в научном объяснении изучаемой проблемы, но и обогащают наши знания о Восточном кризисе 1875—1878 гг. и его многочисленных аспектах, в том числе о роли России⁴.

Из других докладов и сообщений, опубликованных в рецензируемом сборнике, следует отметить доклад М. Боича, изложившего ход военных операций; турецкого историка Б. С. Байкала, осветившего позицию Турции по отношению к событиям в Боснии и Герцеговине, сводящуюся к тому, что официальная турецкая политика не поддерживала силы движения сопротивления. Аналогичной точки зрения придерживается в своем докладе и другой турецкий историк К. Х. Карпат, который в настоящее время работает в США. Американский историк Р. Дюна проанализировал австро-венгерскую военную стратегию в сражении за Боснию в 1878 г. Представляет интерес освещение движения сопротивления, предпринятое Б. Маджаром на основе донесений австро-венгерского консула в Сараеве. Л. Джакович опубликовал интересные архивные материалы из наследия епископа Штросмайера, к сожалению, без глубокого и всестороннего анализа. Некоторые из этих материалов были и ранее известны, на что обратил внимание в дискуссии академик В. Чубрилович. Откликом на бурные события в Боснии и Герцеговине в 1878 г. были посвящены доклады В. И. Фрейдзона (в России), Х. Хазельшайнера (в Австрии), В. Мелика (в Словении), Д. Павличевича (в Банской Хорватии), Н. Беритича (в Далмации), Н. Ражнатовича (в Черногории); об откликах в Воеводине говорил в дискуссии В. Кристич. Доклад Х. Чурича был посвящен роли муфтия из г. Плевле — Шемсекадича — выдающегося командира и

⁴ В 1878 г. не существовало русского консульства в Сараеве. Оно было закрыто после начала русско-турецкой войны. Однако в это время в Боснии находились два русских офицера — полковник Каульбарс и капитан Полицин. Они были представителями русской армии при штабе командующего австро-венгерскими войсками ген. Филиповича. К сожалению, их донесения еще не стали предметом исследования.

вождя движения сопротивления. Особый интерес представляет доклад М. Беговича, посвященный сопротивлению оккупационным войскам со стороны местного населения, главным образом мусульман, из Требинья и его окрестностей.

Сообщение Вл. Стоянчевича было посвящено отношениям между Сербией и Россией в период от Сан-Стефано до Берлинского конгресса. К сожалению, не все положения автора опираются на солидную источниковую базу, а с отдельными утверждениями трудно согласиться. Тем не менее, само намерение Вл. Стоянчевича осветить и объяснить сербско-русские отношения на заключительном этапе Восточного кризиса заслуживает внимания. Нельзя не согласиться с автором в том, что введение в научный оборот новых материалов, в частности из русских архивов, поможет решить ряд важных вопросов, сформулированных им в конце сообщения.

Вида Стоянчевич осветила в своем сообщении интересный сюжет об эмиграции населения из Боснии и Герцеговины в Сербию в период Восточного кризиса. Д. Берич дал обстоятельный обзор литературы (свыше ста названий) о сопротивлении оккупационным войскам в Боснии и Герцеговине в 1878 г.

Оживленная дискуссия показала настоятельную необходимость всестороннего изучения движения сопротивления австро-венгерской оккупации. В ходе

полемики были поставлены многие новые вопросы, решение которых имеет большое научное значение. Укажем на некоторые из них: позиция турецких властей в Боснии и Герцеговине и в Стамбуле; политическая программа и характер временной (переходной) народной власти, классовые основы движения и др. Участники дискуссии выразили свое несогласие с точкой зрения о законности оккупации и незаконности сопротивления, с защитой которой выступил австрийский историк Р. Хауптман. В целом дискуссия носила конструктивный творческий характер, она дополнила доклады и сообщения многими новыми мыслями и положениями.

Знакомство с материалами Сараевской международной научной конференции о движении сопротивления в Боснии и Герцеговине в 1878 г. показывает, что боснийско-герцеговинская драма 1878 г. явилась не концом, а началом подлинной борьбы за свободу и независимость всех населявших обе провинции народов. Она стала кульминационным пунктом восстания 1875—1878 гг., которое открыло Восточный кризис, и его достойным эпилогом. Думается, что столь важное и значительное явление в истории Восточного кризиса 1875—1878 гг. заслуживает монографической разработки.

В. Г. Карасев

V. ŽACEK. Josef Václav Frič. Praha, 1979

В. ЖАЧЕК. Йозеф Вацлав Фрич

Политическая история Чехии середины и второй половины XIX в., в том числе революционные события 1848—1849 гг. в Чешских землях, а также освободительное движение чешского народа в 60-е годы XIX в. на протяжении последнего десятилетия находились в центре внимания чехословацких историков¹. Сви-

детельством этого явились, в частности, международный симпозиум в Кромержиже (1969), посвященный изучению революции 1848—1849 гг. и ее значения в истории чешского народа; международный симпозиум в Бехине (1973), организованный комиссией историков ЧССР и ГДР, а также конференция, приуроченная к 100-летию со дня смерти В. Палацкога, состоявшаяся в сентябре 1976 г.

Свой вклад в изучение политической истории Чехии в указанный исторический период внес и один из крупных и авторитетных чехословацких историков В. Жачек. Разработку истории межславянских революционных связей в XIX в. он начал еще до второй мировой войны, в годы буржуазной Чехословацкой республики. Тема сотрудничества передовых представителей чешского общества 60-х годов XIX в. с польскими и русскими революционерами и участия в нем Йозефа Вацлава Фрича посвятил он ряд своих работ уже в народно-демократической Че-

¹ F. Jíle k. Pražská politechnika a její studenti v revolučním roce 1848. Praha, 1965; его же. Účast studentů na přípravách revoluce v Čechách r. 1849; Z. Solle, A. Gajanová. Po stopě dějin. Praha, 1969; J. Novotný. Slovanská lípa 1848—1849. K dějinám prvního českého politického spolku. Acta musei Pragensis. Praha, 1975, 1976; A. Klíma a. Revoluce 1848 v českých zemích. Praha, 1974; J. Polišenský. Revoluce a kontrarevoluce v Rakousku 1848. Praha, 1975. Ряз статей написан Й. Кочи, В. Жачеком, М. Шестаком и другими исследователями.

хословакии. Свою последнюю монографию он написал в связи со 150-летием со дня рождения Й. Фрича.

Интерес исследователя к деятельности одного из видных представителей наиболее прогрессивного для своего времени направления в чешской буржуазной политике представляется вполне обоснованным. В условиях Чехии в период революции 1848—1849 гг. радикальные демократы, социальную базу которых представляли мелкобуржуазные элементы города и деревни, более полно, чем другие тогдашние политические течения, выражали интересы широких народных масс.

В. Жачек справедливо характеризует Фрича как борца за национальное освобождение чешского народа, принявшего активное участие в революционных событиях 1848—1849 гг. в Чешских землях. После поражения революции в годы баховской реакции Фрич был вынужден эмигрировать за пределы Австрийской империи. Находясь в эмиграции, он установил контакты с деятелями освободительного движения народов Европы, в том числе русскими, активно участвовал в политической жизни народов Европы в 40—60-е годы, в частности во многих акциях, направленных на развал монархии Габсбургов, предпринимавшихся представителями европейской эмиграции.

Рецензируемая книга — первое капитальное монографическое исследование о Фриче, вышедшее в Чехословакии. В центре исследования — деятельность Фрича в 60-е годы XIX в. Это до сих пор менее разработанный и, одновременно, наиболее яркий и плодотворный период в его политической биографии. Автор тщательно изучил личную корреспонденцию Фрича, а также его дневниковые записи, архив семьи Фрича, многочисленные рукописные материалы, документы полицейских органов, внимательно следивших за деятельностью Фрича в эмиграции, а также его обширное публицистическое наследие. Важной стороной исследования В. Жачека является удачная, на наш взгляд, попытка аналитического, критического подхода к «Воспоминаниям» Фрича, опубликованным впервые в 80-х годах прошлого столетия, особенно в первой их части, в которой Фрич описывает революционные события 1848 г. и свое личное участие в них.

В монографии о Фриче В. Жачек дает свой ответ на ряд вопросов, ставших предметом дискуссии в современной чехословацкой историографии. Среди них — вопрос о том, существовали ли в Чешских землях в канун революции 1848—1849 гг. объективные и субъективные условия для революционного выступления; связанная с этим проблема оценки политики и тактики радикальных демократов в эти годы, их готовности бороться с оружием в руках на сторо-

не восставшего народа в июньские дни 1848 г. и в период подготовки нового революционного выступления в мае 1849 г. Неоднозначно отношение современных чехословацких историков и к тому воздействию, которое оказывали на чешских радикальных демократов в годы революционных событий русский революционер М. А. Бакунин и его революционная пропаганда.

По мнению В. Жачека, в канун 1848 г. в Чешских землях существовали реальные условия для революционного выступления народных масс. Автор положительно оценивает политическую позицию, революционные действия чешских радикальных демократов: их участие в Пражском восстании 1848 г. и готовность выступить в мае 1849 г. против реакции, усиливавшей свои позиции в период после поражения восстания. При этом В. Жачек не обходит слабые стороны и недостатки в программе и политической практике радикальной демократии. Большой интерес вызывают страницы книги, в которых автор показывает нарастание революционных событий в землях австрийской монархии, усиливающийся процесс углубления противоречий между верными династии либералами — с одной стороны, и радикалами, все более склонявшимися к необходимости решительно противостоять реакции и не исключавшим при этом возможности открытого столкновения с австрийской военщиной — с другой.

Положительно в целом оценивает В. Жачек и то воздействие на чешских радикальных демократов в 1848 и 1849 гг., которое имела революционная пропаганда и практическая деятельность М. А. Бакунина, направленная на сплочение революционных и демократических сил народов Европы для борьбы за разрушение ненавистных угнетенным народам Европы монархий Габсбургов, Гогенцоллернов и царского самодержавия.

Тщательно исследуя политическую деятельность Фрича в 60-е годы, автор поставил перед собой цель проследить и проанализировать возможно полнее те личные контакты, которые устанавливает Фрич, находясь в эмиграции. К сожалению, В. Жачек порой оставляет в тени некоторые вопросы, имеющие принципиальное значение для понимания эволюции политических взглядов Фрича в отдельные периоды его деятельности в эмиграции, в частности, в 60-е годы по сравнению с периодом революционных событий 1848—1849 гг. Публицистические работы программного характера, в которых Фрич формулировал свою идейно-политическую концепцию в 60-е годы, не подвергаются в книге, к сожалению, обстоятельному анализу. Бегло касается В. Жачек и деятельности Фрича по созданию демократической организации в Чехии в этот

период. Отказ Фрича от многих своих прежних идейных установок после 1867 г. В. Жачек объясняет главным образом его стремлением как можно скорее возвратиться на родину. Хотя автор показывает, что с начала 70-х годов революционность и радикализм Фрича идут на убыль под воздействием сложившейся тогда в Австро-Венгрии обстановки, видимо, следовало бы более рельефно подчеркнуть, что этот отказ был проявлением слабости и противоречивости мировоззрения буржуазного радикального демократизма.

В этот период Фрич, впрочем как и большинство его недавних союзников из рядов буржуазной демократии (венгерской, хорватской и др.), полагал, что в двуединой монархии складывается реальная возможность для автономного существования венгерского, хорватского, а возможно и других народов австрийской монархии. При активной борьбе за национальные интересы чешского народа, к которой звал Фрич чешских буржуазных ли-

деров, такая перспектива, по его мнению, могла открыться и перед чешской нацией. Жизнь показала беспособность лидеров чешской либерально-буржуазной «государственно-правовой» оппозиции к активной политике, а избранная ими тактика привела в конечном итоге к провалу многолетних чешско-австрийских переговоров и краху иллюзий о каком-либо улучшении положения населения Чешских земель в рамках монархии Габсбургов.

Сделав очень много в своей книге для раскрытия положительного во взглядах и деятельности Фрича, В. Жачек в то же время не идеализирует его. Автором создана ценная работа, объективно и аргументированно обобщающая и известные ранее, и впервые введенные им в научный оборот факты и документы, относящиеся к политической биографии Йозефа Вацлава Фрича.

Г. Еремеева

К ИСТОРИИ МОЛДАВО-СЛАВЯНСКИХ СВЯЗЕЙ

Рецензируемая¹ книга является итогом длительной работы автора по вопросам этногенеза молдавского народа и его последующего развития.

Н. А. Мохов выделяет четыре основных этапа формирования молдавской народности. Первый этап, по его мнению, охватывает историю древнейших предков молдаван, к которым он относит гетов, даков и другие фракийские племена, населявшие в начале нашей эры Балканский полуостров и Дунайско-Карпатские земли. От этих предков у молдавского народа в быту и обрядах сохранились, однако, весьма незначительные традиции, а в основном словарном фонде восточнороманских языков насчитывается около 1,7% слов фракийского происхождения (с. 33). Ни в коей мере не отрицая влияния фракийцев на формирование предков молдаван — волохов, мы, вместе с тем, не можем не признать того, что в числе древнейших предков молдаван могло быть другое население Балкано-Дунайского региона, например, иллирийцы, подвергшиеся большей романизации, чем фракийцы, а, может быть, и кельты.

С эпохи романизации (I-е века до н. э. — III в. н. э.), считает Н. А. Мохов, начинается второй этап формирования молдавской народности. Это время римских

завоеваний в Нижнем Подунавье, складывания многих особенностей в этносе восточных романцев, особенно в языке, которые сохранились и до настоящего времени. Эта эпоха наложила значительный отпечаток на последующий облик молдавского народа, говорящего на языке романской группы.

Третий этап (IV—XI вв.) — время прихода в Подунавье многих новых племен и народов. Романизированное население, сохранившееся в этих районах, контактировало с пришлыми народами, причем особенно тесно со славянами, расселившимися в Карпато-Балканских землях с VI в. Это привело к появлению в Подунавье в IX—X вв. новой этнической общности — волохов, ставших ближайшими предками всех восточнороманских народов. Присутствие славянских элементов в быту, обрядах, языке (славянские слова в основном фонде восточнороманских языков составляют 21,5%; (с. 61) главным образом и отличало их от романского поселения Западной и Южной Европы, которое почти не восприняло славянских элементов, а испытывало воздействие галлов, германцев, арабов.

С XII в., когда волохи постепенно начинают расселяться на землях к востоку от Карпат, Н. А. Мохов отмечает четвертый этап. Происходит тесный контакт этой части восточных романцев с восточными славянами, который наложил особый отпечаток на их быт, язык, отпечаток, не присущий другим восточноро-

¹ Н. А. Мохов. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978, 131 с.

манским народностям. Эта часть романизированного населения, обосновавшаяся к востоку от Карпат, стала называть себя молдаванами, как считает большинство исследователей и, в их числе, Н. А. Мохов, от названия реки Молдова, где они вначале поселились. Автор отмечает, что молдаване пришли из Северной Трансильвании, прежде всего, из Марамуреша, подтверждая мнение, давно принятое в исторической науке. Вполне разделяя эту точку зрения, мы, однако, не можем отрицать и того, что какая-то не очень значительная часть восточных романцев в рассматриваемый период пришла на территорию Молдавии со стороны Нижнего Дуная. Кстати, работа румынского историка С. Папакости, дважды упоминаемая в книге и свидетельствующая о том, что в конце XIV в. на территории Молдавии существовало два княжества, одно из которых находилось на юге, в определенной мере об этом свидетельствует. Нам думается, что это была часть княжества Добротица, простиравшаяся и на север от Нижнего Дуная и, возможно, получившая самостоятельность в 1386 г., когда Добротиче наследовал его сын Иванко. В княжестве Добротица находилось значительное количество владений. Переселение части владов со стороны Нижнего Дуная объяснялось прежде всего турецкой опасностью и уходом татар из Пруто-Днестровского междуречья.

Исследуя дальнейшую консолидацию молдавского этноса, Н. А. Мохов специально останавливается на вопросе появления этнонима «молдаване», отмечая, что для всех восточнороманских народностей применялись иногда термины «романы», «романус», «римляне» (с. 88), так же как и термин «волохи». Но именно термин «молдаване» стал этнонимом народа, применявшимся и широкими народными массами и господствующей верхушкой, нередко бравировавшей своим римским происхождением.

Работу Н. А. Мохова отличает комплексный подход к исследованию проблемы этногенеза молдавского народа и его последующего развития. Кроме письменных источников, автор исполь-

зует данные археологии, этнографии, лингвистики, фольклора, антропологии и пр. Кстати, основываясь на данных антропологов (М. С. Великановой), он подчеркивает, что изучение останков захоронений на территории Молдавской ССР бесспорно доказало неоднократное изменение физического типа человека в этих местах (с. 8, 46), т. е. о значительных сменах населения. Эти выводы в значительной степени подтверждаются данными топонимики. На территории северного Подунавья, где преобладает население, говорящее на языке романской группы, распространена почти повсеместно славянская топонимика — убедительное свидетельство того, что некогда в этих местах проживало славянское население, занимавшее господствующее положение. О частых и значительных сменах населения свидетельствуют также и материалы диалектологии. Молдавские диалектологи, изучая народные говоры Молдавии, установили, что в разговорной речи сельские жители употребляют множество слов южнославянского происхождения (с. 43), верное доказательство тесных контактов предков молдавского народа с южными славянами. Поскольку южные славяне на всей территории Молдавской ССР в прошлом не проживали, то, видимо, предки молдаван заняли эту территорию лишь после того, как длительное время проживали где-то рядом с южными славянами. Приведенные факты — убедительное доказательство эффективности комплексного метода исследования. Последовательно применяя этот метод, Н. А. Мохов, однако, иногда оставляет без достаточного внимания некоторые немаловажные факты. Он, например, почти ничего не пишет о молдаванах, проживавших на восток от Днестра, тогда как в 1812 г., в момент вхождения Бессарабии в состав России, там проживало не менее трети всех молдаван России. Это упущение, однако, не снижает общей положительной оценки книги, которая является значительным вкладом в историографию проблемы.

В. Я. Гросул, М. Н. Губоголо

СЛЕДЫ ПРОШЛОГО

«Знаки прошлого»¹ — так озаглавлен сборник польского исследователя и фольклориста Франтишека Котули, опубликованный в издательстве «Ludowa wspóldzielniа wydawnicza».

¹ F. Kotula. *Znaki przeszłości. Odchodzące ślady zatrzymać w pamięci.* Warszawa, 1976.

Автор известен в Советском Союзе по книге «Hej, leluja»². Сборник начинается предисловием современного польского фольклориста Чеслава Хернаса. Оно

² F. Kotula. *Hej, leluja, czyli o wygasających starodawnych pieśniach kołędniczych w Rzeszowskim.* Warszawa, 1970.

настолько исчерпывающее, что его было бы достаточно, чтобы познакомить советского читателя с содержанием. Однако непосредственное ознакомление с жизнью и творчеством Франтишека Котулы позволило составить более полное представление о том, как он работает и что вкладывает в труд. В сборник включены жанры польского фольклора, отражающие психологию и мировоззрение прошлого.

При первом знакомстве с ним видно, что автор стремится выявить и проследить связи прошлого и настоящего, показать жизнь древних традиций в наше время, определить роль и значение первобытной культуры для современного человека — носителя и хранителя этой культуры. Котула прослеживает все типы отношений современного человека к первобытной культуре: подход современного информатора к памяти древних произведений фольклора, своеобразный процесс усвоения молодежью фольклора, новую роль ритуального фольклора как исполнительского искусства.

Для претворения своих творческих принципов ученый использует известные в фольклористике приемы. Прежде всего собирает и публикует фольклор одного региона, родных ему с детства мест (окрестностей ныне Жешовского воеводства). Публикуя варианты фольклорных произведений, автор воспроизводит их в фонетической огласовке, что сохраняет живость и первозданность текста и таким образом передает не только его содержание, но и звучание, напевность. Почти каждый жанр представлен несколькими вариантами (например, молитва св. Николаю (с. 40—98), баллада о встрече девушки-грешницы с богом (с. 154, 155, 157). Определение жанра не входило в планы автора, поэтому названия фольклорных произведений даются или согласно народному определению или рабочему определению собирателя. Стараюсь проследить жизнь фольклорного произведения, Котула делает записи не только в одном регионе, в одной деревне, но даже сужает свои исследования до изучения репертуара в одной семье. Так, например, в сборник включен репертуар семьи Тассиков (с. 154), сестер из Марковизны.

В сборнике нередки и фонетические записи.

Ni mio! żodnego dobrego usynku
Pose! do jednego, prosi! o wspomozienie.
Tyn sie obejrzo! złec na ojcu odzinie.

Первая часть сборника озаглавлена «Богатства с разных сторон». Она начинается прологом, а далее автор переходит непосредственно к публикации материала, состоящего из молитв, обращенных к разным святым, текстам на религиозные темы, магическим заго-

ворам, репертуару песен, приуроченных к обрядовому циклу.

Вторая часть — «Околицы» демонстрирует репертуар «околицы» (деревень, районов, областей, пограничных зон), а также репертуар отдельных семей и лиц, проживающих в этом районе. Содержание материала, помещенного во второй части сборника, повторяет содержание первой части, что обусловлено направленностью самого сборника, в то время как расположение этого материала демонстрирует его распространение. Сборник адресован к широкому кругу читателей, но составлен по всем правилам научного издания.

Каждый раздел начинается с описания местности, где были сделаны записи, и включает также исторические справки. Так, например, читатель узнает, что названия местности, язык и этнический тип лясовяков сохранил следы влияния немецких поселенцев, занявших польские земли после разделов Польши. Много места занимает описание природы. Перед мысленным взором читателя предстают холмы, леса, перелески, пыльные проселочные дороги, речка.

Ученый уделяет самое пристальное внимание личности информатора. Здесь уже сам тип лица информатора является для собирателя как бы знаком истории его предков: татарские, немецкие, украинские типы — что называется история налицо. Одежда, манера держаться — все это тропинки в мир прошлого, в который каждый раз попадает собиратель, приезжая за материалом. В одной деревне он разговаривает с модно одетой молодой женщиной — секретарем по культуре, в другой — с седой старухой, одежда которой сохраняет элементы народного костюма. Беседы с информаторами могут начинаться на крыльце дома или на проселочной дороге. Но он не всегда получает желанные ответы от людей, к которым обращается. Иногда в «сложных» ситуациях на помощь приходит старушка, которая находилась рядом в течение всего его разговора с информатором, сначала подсказывала, а потом и сама рассказывала. Порой ученый видит закрытый для всех мир по интерьеру, по убранству домов, в которые его приглашают. То тайны души хозяина дома раскроет расписной сундук прабабки, то сельскохозяйственные орудия, поломанные, но не выброшенные, прямо-таки приглашают навестить хозяев. И перед читателем раскрывается не только мир, в который попадает ученый, но и его собственный мир, его видение этого мира, его творческая лаборатория. И каждый раз вслед за автором нас охватывает неизъяснимое чувство двух планов времени — прошлого и настоящего: «...Сопоставляя рассказы из прошлого с теми, которые еще встречаются сегодня во второй половине XX века, я

чувствую их то как очень отдаленные, доисторические, то снова так близко — как бы вчерашние»³, — пишет Котуля. Комментарии сборника служат как бы иллюстрацией к разысканым с таким тщанием и любовью текстам. Иллюстрация для Котули — исключительно важная и неотъемлемая часть его творчества. Фотографии информаторов, народных игрушек, картинок, резных фигурок, изображающих фольклорные персонажи — все это наглядно показывает, что в культуре народа не было и нет ничего ненужного, все закономерно, последовательно.

Хотя творчество Франтишека Котули известно советским фольклористам по одной-двум работам, библиография его работ достаточно велика⁴.

Творческая деятельность Франтишека Котули разнообразна и непосредственно связана с его профессиональными особенностями фольклориста и этнографа. Именно это привело ученого еще к одному виду краеведческой деятельности — созданию этнографического музея в Жешове. Музей был открыт сразу после войны. В настоящее время он располагается в здании бывшего педагогического училища, как бы продолжая славные просветительские традиции. Коллекция музея собиралась раньше и, видимо, даже в оккупированном Жешове. Входя в этот обычный с виду музей, становясь свидетелем личного подвига ученого-жизнелюба, ратующего за то, чтобы нити, связывающие прошлое с настоящим никогда не обрывались. Коллекция

музея разнообразны и отражают особенности края. Жешов находится в той части Польши, где наиболее отчетливо прослеживаются взаимодействия польской, украинской и белорусской культур. В музее хранятся экспонаты, рассказывающие о культурах этих народов.

В сборнике «Znaki przeszłości» есть глава «Nad Sanem» посвященная материалам, отражающим взаимодействие польской и украинской культур (с. 427). Традиции польской фольклористики конца XIX — начала XX в. прослеживаются в подходе ученого к сборанию материала по этнографии этих народов. Кропотливый сбор материалов в тяжелых условиях можно рассматривать как вклад ученого в сохранение славянской культуры. Коллекция Франтишека Котули неисчерпаема. Ученый обладает бесчисленными архивами, хранящимися в Глогуве, на его родине. Ему принадлежит уникальное собрание так называемой русской иконы (православной), которое дополняет коллекцию в Санокке. Экспозиция музея тщательно подобрана. Первый раздел посвящен периоду второй мировой войны и истории Войска Польского. Далее идут экспонаты, рассказывающие о первых поселениях на территории Жешова, быте и труде людей на этой земле. Музейную экспозицию символически завершает выставка подков (1976). Человек, его жизненные испытания, борьба с варварством, интерес к символическому — вот что характерно для содержания творчества Котули. Лиричность, свойственная этому человеку с добрым лицом и лукавыми глазами, чувствуется даже в стенах музея.

Все, что происходило с ученым за его долгую жизнь, так или иначе связано с его профессией, преломляется через его основные творческие принципы. Может быть «русская» иконка, подаренная ученому на память советским солдатом — это и есть тот самый след прошлого, который Франтишек Котуля призывает сохранить в памяти — «ślady odchodzące», и своим примером учит молодых видеть в скромной науке о народном творчестве свой долг патриота и просветителя.

Т. Булак

³ F. Kotula. Znaki przeszłości...

⁴ F. Kotula. Z Sandomirskiej puszczy gawędy kulturowo-obyczajowe, 1979; его же. Rzeszowska teka konserwatorska. Rzeszów, 1974; его же. Nieustannie szukać śladów historii, его же. Korespondensja z Głogowa.; его же. Gechowe znaki tłoki pizetne. 1951; его же. Poszukiwania metryk do stroju ludowego. 1954; его же. Materiły do dziejów garncarstwa, 1956; его же. Cechowe znaki i tłoki nieczetne w Muzeum w Rzeszowie, 1979; его же. Opowieść ziemi. Muzeum okręgowe w Rzeszowie. Rzeszów, 1975; его же. Rzeszowski ośrodek złotniczy XVI—XIX w.

В СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОМ СОВЕТЕ ПО СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ПРИ ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Специализированный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте славяноведения и балканистики АН СССР утвержден приказом председателя ВАК СССР от 18 февраля 1977 г. Совет принимает к защите докторские и кандидатские диссертации по двум специальностям: «Литература зарубежных социалистических стран» и «Славянские языки». В состав совета входят специалисты по литературам зарубежных славян д-ра фил. наук чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков (председатель совета), чл.-корр. АН УССР Г. Д. Вервес, И. К. Горский, В. И. Злыднев, С. В. Никольский, Е. З. Цыбенко, С. А. Шерлаимова, канд.-ты фил. наук А. П. Соловьева, Б. Ф. Стахеев и специалисты по славянскому языкознанию д-ра фил. наук С. Б. Бернштейн (зам. председателя совета), Е. И. Демина, П. А. Дмитриев, Т. М. Николаева, Л. Н. Смирнов, Н. И. Толстой, Р. М. Цейтлин, А. Г. Широкова, канд. фил. наук Г. К. Венедиктов (ученый секретарь совета), а также д-р искусствоведения И. Ф. Бэла.

За три года работы (февраль 1977—февраль 1980 гг.) совет принял к защите и рассмотрел шесть докторских и девять кандидатских диссертаций, подготовленных научными сотрудниками Института славяноведения и балканистики АН СССР, преподавателями вузов Советского Союза, а также ученым Болгарии.

По специальности «Литература зарубежных социалистических стран» были защищены три докторские и четыре кандидатские диссертации. Они посвящены разным проблемам истории, современного состояния и типологии литературы Болгарии, Польши, Чехословакии и других социалистических стран. По этой проблематике в совете защитили диссертации докторские: Тончо Жечев (Болгария) — «Общественно-культурные вопросы национального Возрождения Болгарии и проблемы болгарской литературы XX в.» (13 VI 1977; оппонен-

ты д-р фил. наук В. И. Злыднев, д-р ист. наук В. Д. Конобеев, д-р фил. наук В. И. Боршукон); В. А. Хорев — «Становление социалистической литературы в Польше» (20 VI 1978; оппоненты д-р фил. наук Е. З. Цыбенко, д-р фил. наук В. Д. Андреев, д-р фил. наук М. Н. Пархоменко); А. Р. Волков — «Карел Чапек и проблема реалистической условности в драматургии XX в.» (22 I 1980; оппоненты д-р фил. наук С. В. Никольский, д-р фил. наук, чл.-корр. АН УССР И. А. Дзевекин, д-р искусствоведения Б. И. Ростоцкий); кандидатские: М. Э. Власова — «Новеллистика Адольфа Дыгасиньского (1839—1902)» (6 VI 1977; оппоненты д-р фил. наук Е. З. Цыбенко, канд. фил. наук В. П. Ведына, канд. фил. наук Л. А. Софронова); О. М. Белозерова — «Реализм Й. Грегора-Тайовского в типологическом освещении и проблемы словацко-русско-украинских литературных связей» (28 VI 1977; оппоненты д-р фил. наук Р. Р. Кузнецова, канд. фил. наук И. А. Бернштейн); В. Я. Тихомирова — «Тадеуш Ружевич и гуманизм современной польской поэзии» (28 III 1978; оппоненты д-р фил. наук Е. З. Цыбенко, канд. фил. наук Я. В. Станюкович); С. В. Солодовников — «Роман — предостережение в творчестве Станислава Лема» (12 VI 1979, оппоненты д-р фил. наук С. В. Никольский, канд. фил. наук Я. В. Станюкович).

По специальности «Славянские языки» было защищено три докторских и пять кандидатских диссертаций. В них исследованы проблемы исторической и современной славянской акцентологии, лексикологии, семасиологии, морфонологии и словообразования. По этой проблематике защищены диссертации докторские: Г. П. Нешименко — «Деминутивные существительные в истории чешского литературного языка (конец XIII — середина XX в.)» (23 V 1978; оппоненты действительный член АПН СССР, д-р фил. наук Н. М. Шанский, д-р фил. наук В. Т. Коломиец, д-р фил. наук

Т. М. Николаева); Т. В. Попова — «Глагольное словообразование в болгарском языке (морфологический аспект)» (28 XI 1978; оппоненты д-р фил. наук Ю. С. Маслов, д-р фил. наук В. В. Лопатин, д-р фил. наук Т. М. Николаева)¹; В. А. Дыбо — «Опыт реконструкции системы праславянских акцентных парадигм» (20 II 1979; оппоненты д-р фил. наук С. Д. Кацнельсон, действительный член АН Литовской ССР В. П. Мажюлис, д-р фил. наук Т. М. Николаева); кандидатские: О. А. Терновская — «Славянский доживальный обряд (терминология и структура)» (21 VI 1977; оппоненты: д-р ист. наук К. В. Чистов, канд. фил. наук В. В. Иванов, канд.

фил. наук Н. В. Подольская); В. В. Усачева — «Названия пресноводных рыб в славянских языках» (21 VI 1977; оппоненты д-р фил. наук А. С. Герд, д-р фил. наук В. К. Журавлев, канд. фил. наук Ж. Ж. Варбот); Э. А. Григорян — «Болгарская местная географическая терминология (семантический аспект)» (27 XII 1977; оппоненты д-р фил. наук А. Е. Супрун, канд. фил. наук Л. Г. Невская); Э. И. Зеленина — «Болгарская ткацкая терминология» (31 X 1978; оппоненты д-р фил. наук В. К. Журавлев, канд. фил. наук Т. М. Судник); В. В. Арефьев — «Отражение праславянской акцентологической системы в польских диалектах» (23 X 1979; оппоненты д-р фил. наук В. В. Колесов, канд. фил. наук Н. Е. Анањева).

¹ Диссертация Т. В. Поповой была опубликована в виде монографии издательством «Наука» (М., 1975).

Г. В.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ВАРШАВЕ

Во второй половине апреля 1980 г. в Польше проходили Дни советской культуры. Как всегда, они вылились в демонстрацию дружбы, единства и сплоченности польского и советского народов. Особенностью нынешнего праздника было то, что он проходил под знаком юбилейных дат, важных для каждого гражданина СССР и ПНР — 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина и 35-летия советско-польского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заложившего фундамент отношений между СССР и Народной Польшей.

Этим знаменательным датам была посвящена и научная конференция «Идеи В. И. Ленина — основа дружбы, сотрудничества и союза между ПНР и СССР», состоявшаяся в Варшаве 22—23 апреля 1980 г. Ее организовали Польская Академия наук, Институт основных проблем марксизма-ленинизма ЦК ПОРП и Высшая школа общественных наук при ЦК ПОРП.

Наряду с польскими учеными, в конференции приняла участие советская делегация во главе с ректором Академии общественных наук при ЦК КПСС д-ром экон. наук проф. В. А. Медведевым. Всего в течение двух дней работы конференции, которую открыл вице-президент ПАН акад. Я. Щепаньский, был заслушан 21 доклад.

Среди выступавших были экономисты, историки, социологи, политологи, философы, что позволило ярче показать всеобъемлющий характер ленинизма, вклад В. И. Ленина в развитие науки, значение ленинских идей и методологии для анализа различных аспектов обществен-

ного процесса. Это было подчеркнуто в заключительном слове зам. секретаря I отдела общественных наук ПАН чл.-корр. ПАН проф. Г. Холая, подводившего итоги сессии.

Часть докладов была посвящена общим проблемам социалистического строительства в свете идей В. И. Ленина. Глубокие обобщения содержал доклад В. А. Медведева «Концепция развитого социализма — творческое развитие ленинских идей». Важные теоретические положения содержались и в докладе чл.-корр. ПАН проф. Г. Холая «Ленинская концепция международных отношений нового типа и закономерность сближения социалистических стран и сближение между ПНР и СССР». В этих докладах рассматривались, прежде всего, политическая и экономическая стороны процесса развития социализма. Экономический аспект проблемы был представлен также в докладе акад. Т. С. Хачатурова «В. И. Ленин о хозяйственном механизме при социализме».

Хотя выступления носили обобщающий характер, в них широко использовался конкретный материал социалистической действительности СССР и Польши. Так, зам. заведующего отделом идеологической работы ЦК ПОРП доцент д-р С. Опара раскрыл значение ленинского учения о социализме для социалистического строительства в условиях Польши; чл.-корр. АН СССР д-р ист. наук Ю. А. Поляков в своем докладе проанализировал опыт построения развитого социализма в СССР, рассматривая его в общем плане как победу ленинской стратегии строительства социализма.

Теоретические обобщения и анализ конкретных фактов и явлений сочетались и в докладах, посвященных отдельным важным проблемам построения социалистического общества: ректора Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП проф. В. Заставного — «Значение учения В. И. Ленина о партии для социалистического строительства», первого зам. директора Института основных проблем марксизма-ленинизма ЦК ПОРП проф. В. Весоловского — «Изменения классовой структуры и единство нации в свете ленинской теории социализма» и проф. Я. Ладоша — «В. И. Ленин о значении философии для рабочего движения».

Большое место на конференции занимала проблематика двусторонних отношений и сотрудничества между СССР и ПНР. В докладе д-ра ист. наук С. М. Фалькович были показаны революционные традиции интернациональной солидарности и совместной борьбы за социальное и национальное освобождение трудящихся России и Польши. Канд. ист. наук А. В. Антосяк, напомнив о 35-летию победы над фашизмом, говорил о советско-польском братстве по оружию в период второй мировой войны и о сотрудничестве в рамках Варшавского Договора на протяжении последних 25 лет. В докладе зам. секретаря I отдела общественных наук ПАН проф. М. Войцеховского была подчеркнута роль героической борьбы Советской Армии и дипломатических усилий СССР в деле воссоединения с Польшей ее западных и северных земель.

Особое внимание на конференции было уделено вопросу о сотрудничестве КПСС и ПОРП и его значении для развития отношений между народами СССР и ПНР. Зав. отделом науки и просвещения ЦК ПОРП проф. Я. Маципевский выступил с докладом на тему «Идеи В. И. Ленина — основа сотрудничества ПОРП и КПСС. История и современность». Д-р экон. наук проф. Г. А. Деборин осветил сотрудничество КПСС и ПОРП, в котором получили воплощение и развитие ленинские идеи об интернациональной сущности революционных партий рабочего класса. Роль местных партийных связей КПСС и ПОРП в интернациональном воспитании трудящихся СССР и Польши раскрыл в своем докладе канд. ист. наук М. И. Сенкевич.

Отношения двух социалистических стран рассматривались на конференции как международные отношения нового типа, основанные на ленинских принципах. Именно этой теме посвятил свой доклад чл.-корр. АН СССР О. Т. Богомолов. Подробному анализу подверглись экономические связи СССР и Народной Польши в докладах проф. П. Божика — заведующего группой научных консультантов Первого Секретаря ЦК ПОРП — «Польско-советское экономическое сотрудничество и тенденции его развития», канд. экон. наук А. Н. Барковского и канд. филос. наук Л. Н. Клепацкого — «Опыт экономического сотрудничества СССР и ПНР и перспективы его развития». В докладе ученого секретаря ПАН акад. Я. Качмарка рассматривалось сотрудничество Польской академии наук с Академией наук СССР.

В докладе «Избранные проблемы советско-польского сотрудничества на международной арене» зам. заведующего Иностранным отделом ЦК ПОРП Л. Пёнтковский осветил совместную борьбу народов обеих стран за мир и разрядку, против империалистической политики США и НАТО, нагнетающих напряженность в мире.

Связи общности СССР и Польши, вклад Общества советско-польской дружбы в развитие и укрепление дружбы и единства советского и польского народов были показаны в докладе канд. экон. наук А. К. Кавко. В докладе д-ра ист. наук И. И. Костюшко рассматривалось значение советско-польского договора от 8 апреля 1965 г. для развития советско-польских отношений. Было подчеркнуто, что традиции сотрудничества между двумя братскими народами углубились, что это сотрудничество стало более глубоким, а сфера его неизмеримо расширилась.

В целом конференция явилась вкладом в разработку научных, теоретических проблем. Она показала, что в СССР и Польше ученые разных специальностей используют ленинскую методологию, постоянно обращаются к сокровищнице ленинской мысли, и что такое обращение является залогом успеха их поисков, обеспечивает плодотворность научной работы.

С. Фалькович

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (XXVI Конгресс фольклористов Югославии)

Очередной конгресс югославских фольклористов состоялся 24—28 сентября 1979 г. на территории мемориального комплекса «Крагуевский Октябрь» (в окрестностях г. Крагуевца). Выбор места был обусловлен ролью Шумадии (Крагуевац является центром этого края) в истории народно-освободительной борьбы и рабочего движения в Сербии.

Программа конгресса была непосредственно связана с историей революционного движения и народно-освободительной борьбы в Югославии. Первое пленарное заседание открылось докладом акад. Д. Неделковича об отражении в фольклоре народов Югославии роли коммунистической партии и И. Броз Тито в борьбе против фашизма, о своеобразии выраженных в народном творчестве идей интернационализма. Методологический характер имел доклад проф. Загребского университета Т. Чубелича «Идеологические аспекты восстания и революции в устном народном творчестве». В ряде других докладов эти проблемы освещались на конкретном материале, преимущественно на примерах песенного антифашистского творчества периода второй мировой войны — в Сербии (И. Михайлович, Й. Янич), Хорватии (З. Палчок, З. Кукурин, С. Кучинич), Македонии (С. Младеновски), Косово и Метохии (Д. Шаля и др.). Библиографический обзор многочисленных работ югославских фольклористов, посвященных антифашистскому фольклору, сделал П. Рагуня. Однако приходится отметить, что по сравнению с предшествующими конгрессами, на которых неоднократно обсуждался фольклор народно-освободительной борьбы (VI, VIII, XIII, XIV, XIX и др.), последний конгресс не оказался качественно новым этапом в научной разработке проблемы, хотя, конечно, само по себе постоянное внимание, которое ей уделяют югославские коллеги, имеет большое значение. Думается, что на основе накопленных наукой фактов уже возможно глубокое исследование общих для антифашистского фольклора всех народов закономерностей его формирования и развития, а также функционирования его в условиях социалистического общества.

Значительное место в программе конгресса заняли доклады о роли Шумадии в общественной и культурной жизни Сербии XIX в. (М. Богданович, И. Вукманович, Н. Павкович, М. Стоянчевич и др.), о быте, обычаях и обрядах местного населения (Д. Антониевич, Й. Бутовска, П. Райкевич и др.), о мифологии (С. Зечевич) и народном творчестве шумадишцев — архитекту-

ре (Б. Коич), прикладном искусстве (Я. Беладинович, В. и С. Попович, устной поэзии (М. Златанович, Р. Маркович), танцах (О. Младенович), музыке (П. Петрович, Д. Девич, Ј. Милькович). Об итогах фольклорно-этнографических исследований Шумадии говорила М. Радованович, о месте шумадишской традиции в многонациональном народном творчестве Югославии М. Стоянович. В совокупности эти доклады позволили составить разностороннее представление об особенностях народной культуры Шумадии.

Высоким научным уровнем отмечены многие доклады, посвященные третьей теме конгресса — «Народное творчество как основа других видов творческой деятельности». Тематический охват докладов был достаточно разнообразным: влияние фольклора на античную культуру (А. Берипа) и культуру средневековья (В. Стойчевска-Антич), фольклор как источник творчества сербских, хорватских, словенских, черногорских, македонских поэтов, прозаиков, композиторов (доклады С. Вукмановича, Ј. Каровского, М. Терсеглава, Г. Якшича, М. Никчевича, Б. Првуловича, А. Матовича и др.). Некоторые докладчики стремились проникнуть в творческую лабораторию мастеров искусств, а также установить особенности наследования фольклорных традиций в творчестве современных писателей (В. Бован, Д. Вучинич-Варга, Г. Стефановски, В. Краймайер, М. Китевски и др.). С этой темой были связаны и доклады советских фольклористов — о роли фольклора в формировании национальной художественной культуры южных славян (В. Е. Гусев) и о значении фольклора для творчества композиторов (И. И. Земцовский).

Четвертая тема объединила доклады о жанрах традиционного фольклора народов Югославии — обрядовых играх (С. Храпец), героическом эпосе (Дж. Бутурович), балладах и романах (И. Ковачич), загадках (С. Пилегич) и др. О характере отражения действительности в традиционном фольклоре на словенском материале говорил С. Кременшек.

Кроме пленарных заседаний программа включила работу пяти секций, где обсуждались темы: 1) генезис и виды народной эпики; 2) детский фольклор; 3) народные танцы; 4) народная музыка; 5) развитие рабочего фольклора и деятельность фольклорных групп в современной художественной самодеятельности. По последней теме развернулась оживленная и острая дискуссия, в ходе которой выявились серьезные расхождения между югославскими фольклорис-

тами в оценке новых явлений самостоятельного творчества в рабочей среде.

В перерывах между утренними и вечерними заседаниями участники ознакомились с мемориальным комплексом «Крагуевский Октябрь», возложили венки к памятникам жертвам фашизма, посетили музей на территории мемориала, где собраны материалы и документы по истории революционного движения в Шумадии, осмотрели в Крагуевце музей-квартиру С. Марковича, исторический музей, этнографические выстав-

ки и выставку «Вук Караджич и первое сербское восстание». В свободный день была организована поездка в типичные для Шумадии села — Нижняя и Верхняя Сабанга.

В дни конгресса представителям советской фольклористики было оказано дружеское внимание; высказано желание расширять и углублять научное сотрудничество между советскими и югославскими специалистами.

В. Е. Гусев

CONTENTS

Grekov I. B. Kulikovo Battle as an Important Landmark in the Political Life of Eastern Europe of the Second Half of the XIV-th Century. *Majorova O. N.* The Cooperation between the All-Union Society for Cultural Relations and the Society of Polish-Soviet Friendship in the Field of the Propaganda of the Soviet Industrial and Scientific Experience in People's Poland (1950—1955). *Kadatskij V. F.* The Struggle of the Bulgarian Communist Party against the Monarcho-Fascisme and the Politics of the Bourgeois-Democratic Opposition. *Melnikov G. P.* From the History of the Social-Political Struggle in Czechia in the 20-s of the XVI-th Century. *Bobrova S. P.* Problems of the Social-Economic History of the Medieval Bulgaria in Dimitar Blagoev's Interpretation. *Tichomirova V. J.* The Peculiarities of the Development of the Polish Poetry of the 40—70-s of the XX-th Century. *Orel V. E.* Personal Pronouns in Albanian in Comparison with Personal Pronouns in Slav and Other Indo-European Languages 3

Communications

Wojtech Materski (Poland). At the Beginning of the Polish-Soviet Cooperation in the United Nations Organization. *Nemirovskij E. L.* Ivan Fedorov's Editions in the Libraries of Serbia and Vojevodina. 92

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

Zlydnev V. I. A New Bulgarian Magazine «The Problems of Culture». *Chelimskij J. A.* A New Journal for Slavonic Studies in USA. *Ionova T. Komkova T. V.* Bystrický, J. Hrozičnik. V spoločnom boji. (Revolučná činnosť bulharských študentov na Slovensku v období II svetovej vojny). *Kostiushko I. B. A.* Полуян. Революционно-демократическое движение в Западной Белоруссии (1927—1939). *Stetskevich S. M. A. M.* Орехов. Становление польского социалистического движения. Структура, программные концепции, деятели (1874—1893). *Karastov V. G.* The Resistance to the Austrian-Hungarian Occupation of Bosnia and Hercegovina in 1878. *Jeremeeva G. V.* Žáček. Josef Václav Frič. *Grosul V. J., Gudoglo M. N.* To the History of the Moldavian-Slavonic Links. *Bulak T.* Signs of the Past. 104

SCIENTIFIC LIFE

G. V. In the Specialized Scientific Council for the Slavonic Philology at the Institute of Slavonic and Balkan Studies of the Academy of Sciences of the USSR. *Falkovich S.* A Scientific Conference in Warsaw. *Gusev V. J.* The History and the Present (the XXVI-th Congress of the Yugoslavian Specialists in Folklore) 123

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11.06.80	Подписано к печати 19.08.80	Т-12738	Формат бумаги 70×108 ^{1/16}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Уч.-изд. л. 12,3	Бум. л. 4,0
			Тираж 1224 экз. Зак. 3192

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.
Индекс 70891